

РАНЫ

РУБЦУЮТСЯ -
БОЛЬ
ОСТАЕТСЯ

КНИГА ПАМЯТИ

Балык Израиль,
1900 г. рожд.
рядовой 121 в. стр.
полка, погиб в
д. Марфино 4 марта
1943 г.

Банк Элизер, погиб
под г. Боровск
2 января 1942 г.

Баран Соломон,
1925 г. рожд.,
рядовой 122 стр.
полка, пропал без
вести под
Наро-Фоминском
21 декабря 1941 г.

Баренштейн Мойсей,
из Даугавпилса,
мл. сержант 191 стр.
полка, погиб под
Старой Руссой
21 марта 1942 г.

Барон Эхиль,
1904 г. рожд.,
рядовой 125 в. стр.
полка, погиб под
Старой Руссой
18 января 1943 г.

Барон Исаак,
1922 г. рожд., погиб
под Москвой
20 декабря 1941 г.

Баснер Мейер,
1917 г., рожд., погиб
под Насвой
19 января 1944 г.

Баснер Самуил,
род 1903 г. в
Даугавпилском
уезде, рядовой
92 стр. полка, погиб
под Туганово
26 июля 1942 г.

Басс Исаак,
род 1912 г.,
в Екабпилском
уезде, артиллерист
122 стр. полка, погиб
у д. Редькино
8 января 1942 г.

Басс Исаак,
1914 г. рожд.,
рядовой 122 стр.
полка, погиб под
Наро-Фоминском
24 декабря 1941 г.

РАНЫ

РУБЦУЮТСЯ —
БОЛЬ
ОСТАЕТСЯ

КНИГА ПАМЯТИ

Латвийская ассоциация евреев — ветеранов войны
Рига — 1995

Редакционная коллегия: **Исай Аугустон** (составитель), **Борис Бейтман**, **Егуда Берлин**, **Лазарь Вольф**, **Александр Гриberman**, **Юрий Дмитриев** (редактор), **Матвей Китайчук**, **Аркадий Хазанов**.

Нужна ли еще одна книга о войне

О войне написаны тысячи и тысячи книг — романы и повести, многотомные исследования и короткие рассказы. Нужна ли еще одна книга, тем более, что прошло уже полвека с тех пор, как смолкли пушки в центре Европы? Авторы этого издания считают — да, нужна. В массовой литературе прошлых лет одна за другой издавались книги об участии в военных действиях различных народов бывшего СССР, в том числе даже самых небольших по численности. Не было только книг, даже статей о борьбе евреев против германского фашизма. Наверно поэтому в то далекое время кое-кто злорадно поговаривал: «Евреи? Так они же воевали в Ташкенте!»

Только сейчас до нас доходят сведения, которыми можно гордиться. Израильские исследователи, например, установили, что в Советскую армию было призвано или пошли добровольно более полумиллиона евреев, при этом двести тысяч из них сложили головы на полях сражений.

Доктор исторических наук, полковник в отставке Ф. Свердлов издал брошюру с именами 305 генералов — евреев по национальности, которые в военное время находились в Вооруженных Силах. Еще более ста человек занимали генеральские должности и были расстреляны в период массовых репрессий 1936—1940 годов.

По числу Героев Советского Союза, кому это высокое звание было присвоено в годы войны, евреи стоят на пятом месте — 135 человек. Есть среди них и полные кавалеры ордена Славы. Вклад евреев в разгром гитлеровской Германии следовательно вполне сопоставим с вкладом других народов бывшего СССР.

Наша книга не ставит перед собой цель дать общую картину участия евреев во второй мировой войне. Ее цель весьма скромная — показать, и то далеко не полностью, жизненный путь, участие в боях группы ветеранов войны — евреев, живущих в Латвии. Их здесь около тысячи — незначительная часть от общего числа борцов с фашизмом.

Понятно, что далеко не все смогли написать воспоминания. Полвека назад это были здоровые, жизнерадостные, полные сил люди. Сейчас самым молодым из них за семьдесят. Здоровьем они не блещут, память ослабла, давние переживания поблекли и стерлись.

Те же, кто написал, — не профессиональные литераторы. Это следует учитывать. И все же вдумчивый читатель найдет в этих воспоминаниях немало интересного, услышит правдивый без приукрашивания рассказ о том, какая страшная штука война, какие нечеловеческие испытания пришлось вынести фронтовикам. Одни авторы повествуют о мужестве, о подвигах солдат и офицеров, другие — о суровых условиях военного быта, третьи — о неудачах, просчетах командования при встрече с грозным противником. Все вместе вспоминают о погибших близких, о павших товарищах. Ведь Победа — это, как поется в известной песне, праздник со слезами на глазах.

В этом смысле особенно трагичны воспоминания некоторых евреев, которые жили в Латвии до войны. Их здесь, пожалуй, большинство. В считанные часы и минуты им приходилось решать — уходить или оставаться. Многие колебались — ведь предстояло бросить нажитое за всю жизнь!

В результате лишь нескольким тысячам человек удалось спастись от гитлеровского нашествия, а примерно семьдесят тысяч евреев, главным образом старики, женщины и дети оказались на оккупированной территории Латвии и были затем истреблены фашистскими захватчиками и их пособниками. Боль за судьбы близких — незаживающая рана — пронизывает многие воспоминания.

Большинство евреев — мужчин, успевших эвакуироваться из Латвии, затем добровольно вступили или их призвали в Советскую армию. Родным домом для многих из них стала латышская стрелковая дивизия. В нее пришли люди сугубо мирных профессий — ремесленники, служащие, интеллигенты. Некоторые успели только окончить школу. Война сделала их солдатами, заставила перенести такие испытания, которые сейчас, в мирное время, кажутся нам невероятными. Немало бывших воинов остались инвалидами на всю жизнь.

Национальный состав 201 латышской стрелковой дивизии в период формирования выглядел так: латышей — 51 процент, русских — 26 процентов, евреев — 17 процентов, поляков — 3 процента, людей других национальностей — 6 процентов. До 90 процентов бойцов и офицеров были гражданами Латвии.

По воспоминаниям, опубликованным в книге, можно проследить боевой путь дивизии. Начался он в декабре 1941 года под Москвой. Небольшой городок Наро-Фоминск и деревни вокруг него навсегда остались в памяти ветеранов. Именно здесь прошли первые ожесточенные бои, именно здесь пали многие воины.

В дальнейшем соединение, ставшее гвардейским, было переброшено под Старую Руссу, затем в район Великих Лук и оттуда в 1944 году двину-

лось к территории Латвии. К этому времени число евреев в связи с большими потерями сократилось почти вдвое.

Наряду с воспоминаниями солдат и офицеров 43 гвардейской латышской дивизии в сборник включены рассказы бывших воинов — евреев, проходивших службу в других частях и соединениях Красной Армии. Эти люди участвовали в освобождении Латвии или приехали сюда в послевоенные годы. Среди авторов статей не только евреи. Своеобразным приветствием от воинов — латышей, ярким рассказом о братстве по оружию, о своих друзьях, среди которых было много евреев, является публицистическая статья известного журналиста, ветерана войны Гунара Курпниека.

Возвратившись домой, ветераны активно включились в работу по восстановлению народного хозяйства, с настойчивостью, присущей бывшим воинам, преодолевали трудности перехода к мирному образу жизни, овладевали новыми знаниями, новыми профессиями. Сейчас среди них четыре профессора высших учебных заведений, множество инженеров, врачей, высококвалифицированных рабочих. Увы, время неумолимо. Почти все, кто с оружием в руках боролись против фашизма, находятся в преклонном возрасте и живет большинство из них, скажем прямо, нелегко.

Составители сборника выражают глубокую благодарность всем ветеранам, написавшим воспоминания. К сожалению, не все они вошли в книгу. Но эти материалы будут храниться в архиве Рижской еврейской общины. Наверняка их используют будущие исследователи тех грозных лет.

Вторую часть сборника составляет Книга памяти. В ней указываются имена, фамилии и некоторые биографические данные солдат и офицеров — евреев, погибших на фронтах в борьбе с фашистскими захватчиками. Это, в основном, воины 201 латышской стрелковой дивизии, впоследствии 43 гвардейской латышской стрелковой дивизии, а также 308 латышской стрелковой дивизии. Среди них были выходцы не только из Латвии, но и из некоторых республик бывшего Советского Союза. Приводятся также имена и фамилии бойцов рабочей гвардии, отступавших с началом войны на север. Немалая их часть погибла в Эстонии.

Книга памяти составлена на основе данных официального военного архива. Как заметит читатель, сведения о том или ином воине во многих случаях являются неполными. Не исключены также отдельные искажения. Вполне вероятно, что публикуемый список является неполным. Все же в качестве первого шага мы решили выпустить Книгу памяти в таком виде. Работа над ее совершенствованием будет продолжаться.

Союз евреев — инвалидов и ветеранов войны, находящийся в Москве, предполагает издать Книгу памяти о всех воинах-евреях, убитых, пропавших без вести и умерших от ран на фронтах Второй мировой войны. Предполагается, что наша Книга памяти войдет в это издание составной частью.

Горячо поздравляем всех ветеранов со знаменательным событием — пятидесятилетием разгрома гитлеровской Германии. Во многих странах Европы, да и во всем мире эта дата широко отмечается. 9 Мая 1945 года навсегда останется в истории человечества. Нельзя изъять из памяти народной то, что оставило глубочайший след в сознании миллионов. Стойкость человеческого духа, мужество, благородство, проявленные в те годы, никогда не будут забыты. Для евреев это была война за право жить на земле. И в этом еще одна причина, по которой мы решили выпустить это издание.

С Л О В О

В Е Т Е Р А Н А М

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Я. ЭЙДУС,
43 гв. латышская стрелковая
дивизия

Моя военная одиссея

Для меня война началась раньше чем для многих, и мое участие в ней было весьма своеобразным. Начну с того, что в 1938 году после освобождения из латвийской тюрьмы, где я отбывал срок за подпольную революционную деятельность, я уехал в Англию. Меня, разумеется, исключили из Латвийского университета. Поэтому решил продолжать образование в Лондонском университете.

К 22 июня 1941 года я таким образом уже около двух лет жил в условиях войны. Военная обстановка наложила свою печать на весь уклад жизни населения Англии. Еженощные бомбардировки привели к своеобразной реакции людей. Каждый день может быть последним, и они старались этот «последний день» провести как можно веселей. Словом, это был своего рода «пир во время чумы».

Таким «последним днем» жил и я в тот роковой день 22 июня 1941 года. В воскресный вечер мы с сестрой Тamarой, ныне покойной, сидели в ресторане. Она заработала кое-какие деньги, и мы решили их прокутить. Ресторан был полон, люди вокруг оживленно разговаривали. Особенно часто слышалось слово «Раша» — «Россия». Только когда я вернулся домой и включил радио, услышал знаменитую речь Черчилля, в которой он говорил о нападении Германии на СССР.

В Англию я уехал как гражданин Латвии, но после радостных, по моим тогдашним убеждениям, событий июня 1940 года добровольно поменял свой латвийский паспорт на советский. Кстати, этот последний оказался просто справкой. Но я этого не знал и всем с гордостью показывал свой «серпастый и молоткастый». Увы, не только я оказался обманутым советской властью.

В то время, в июне 1941 года, я всем сердцем стремился вернуться в Советскую Латвию. Однако, на этом пути стояли, казалось, непреодолимые преграды. Отношения Англии с Советским Союзом были напряженными поскольку СССР был фактически союзником Германии. Финская война еще более осложнила ситуацию. Мне не оставалось ничего другого, как максимально форсировать учебу. К лету 1941 года я стал бакалавром наук Лондонского университета.

Узнав о нападении Германии на СССР, я на следующий день стал добиваться приема у советского посла Майского. Когда последний, так же как и я, впоследствии был арестован, меня о нем допрашивали, как и его обо мне (протокол допроса я прочитал потом в моем следственном деле): каким образом, мол, он помог шпиону Эйдусу просочиться в Советский Союз? А! он бедняга, вероятно, и не помнил молодого студента.

Генеральный консул сразу начал отговаривать меня от поездки — мол, «наша Красная Армия быстро справится с врагом». Но известия с восточного фронта становились все тревожнее, а мои просьбы об отъезде все настойчивее. Мои товарищи по подполью и тюрьме в Латвии, оказавшиеся после июня 1940 года «в чинах», успели еще до начала войны выхлопотать и переслать мне в Англию въездную визу.

Наконец, в конце сентября 1941 года лед, как говорится, тронулся. Я запаковал два чемодана, попрощался с друзьями, у которых проживал (прежде всего с Лезли Крошэй Уильямсом, братом известного писателя, который был личным секретарем Уинстона Черчилля).

Предстояло плыть на корабле, название которого было замаскировано прикрепленной снаружи вывеской «Хармоник». Это было обыкновенное обшарпанное торговое судно. К рубке был пристроен маленький закуток — моя «каюта». Такие же «каюты» были устроены для остальных пассажиров. Меня представили капитану и остальным попутчикам, которые все были офицерами британской армии.

Наш караван судов шел под шифром PQ-2, т. е. он был одним из первых, направлявшихся союзниками для оказания помощи СССР. Везли разное вооружение, а также радарное оборудование, которое было незадолго до этого разработано в Англии и доказало свою эффективность.

Постепенно я познакомился ближе со своими попутчиками. Позже мне разъяснили на Лубянке, будто все они

в действительности являлись сотрудниками разведывательных служб. Может быть. Я же могу сказать, что это были очень симпатичные люди, они отличались широким кругозором, окончили престижные университеты. С ними просто приятно было побеседовать, узнать их мнение по поводу того или иного события.

Я, конечно, был в то время совершенно зеленым юнцом и профессионально никоим образом их не интересовал. Но общение с ними впоследствии мне дорого обошлось. Старшим среди них был уже немолодой майор Бэрс, глубоко штатский человек, только что зачисленный в армию. Он великолепно говорил по-русски. Оказалось, он вырос в Петербурге, где его родители были известными бизнесменами. Он хорошо знал Россию, а также и СССР, где бывал до войны.

Второй был тоже недавно призванный в армию майор Эдвард Крэнкшоу (оба они впоследствии стали полковниками), литератор из Оксфорда, один из самых известных журналистов Англии, долголетний обозреватель газеты «Обсервер», он не мог не завоевать моих симпатий. Он относился ко мне тепло, мы и потом встречались с ним, что мне естественно тоже припомнили.

Через одиннадцать с лишним лет, в самом начале 1953 года я оказался в Москве в командировке (как потом я узнал, «органы» специально заманили меня под видом командировки). В столице в то время находился мой старый друг из Англии Клеменс Датт, видный деятель английской компартии, брат лидера этой партии Палм Датта.

В то время гремело пресловутое «дело врачей». Газеты были полны негодующими статьями по поводу коварных происков сионистов. Я спросил Клеменса, что он думает об этом деле. Он протянул мне газету «Обсервер», где была большая статья моего друга Крэнкшоу. Говорилось там и о том, какими методами «органы» добиваются «признаний» у своих жертв. Как коммунист, каковым я был в то время, я осудил статью как клеветническую.

В ту же ночь меня арестовали. Тогда то я понял, что и со мной все произошло «по Крэнкшоу» со всеми жуткими деталями, вплоть до признания, что я действительно английский шпион. Вот так на 12 лет протянулась тень от путешествия на корабле «Хармоник».

Но вернемся к нашему каравану судов. В то время «конвой», как их называли в Англии, состояли из большого коли-

чества судов и окончательно формировались в Рейкьявике. Туда и пролег наш путь.

На третье утро я проснулся с некоторым чувством дискомфорта. Выйдя из своей каюты, я увидел, что перед кораблем вздымается огромная водяная стена. Она была намного выше мачты. Через миг стена исчезла, а затем появилась вновь. Я понял, что мы попали в настоящий осенний шторм.

Когда грозная Атлантика немного успокоилась, я в соответствии с моими марксистскими убеждениями стал постоянно ходить в кубрик, рассказывал морякам о Советском Союзе (о котором сам толком ничего не знал). Я просил ребят не называть меня «сэр» (ведь я числился среди офицеров), утверждая, что в Красной армии нет такой пропасти между офицерами и рядовыми, как в Англии (жизнь потом меня научила и в этом отношении).

Наконец, приплыли в Рейкьявик. Формирование каравана происходило в условиях глубокой секретности, никого на берег не пускали. Наконец, вышли в море и взяли курс на северо-восток, чтобы проскользнуть вдоль самой кромки льдов Ледовитого океана. Сколько нас было, этого я так и не узнал. Мы были готовы ко всяким неожиданностям, спали одетыми, каждый знал свое место у пулеметов на палубе, спасательные средства были наготове.

Сильно штормило. «Горячее» время началось, когда караван миновал остров Медвежий. На севере оккупированной немцами Норвегии базировались подводные лодки и четырехмоторные самолеты «Кондор». Их использовали для нападений на торговый флот союзников. К счастью, наш «Хармоник» не трогали. Караван растянулся на много миль в длину и ширину. Под конец наше судно вообще «потеряло» конвой и до цели добиралось в одиночку. «Виноват» в этом был очередной шторм, радиосвязь же между кораблями не поддерживалась из-за опасности быть запеленгованными неприятелем.

Мне не удалось узнать все результаты этого похода PQ-2, но, как писали впоследствии, потери доходили до 40 процентов. Вспомним в этой связи злополучный PQ-17, описанный В. Пиккулем, который почти целиком был расстрелян немцами. Вспомним также, как мерзко и неблагодарно старались принизить значение помощи союзников советские борзописцы послевоенных лет. А ведь экипажи судов, следовавших в этих караванах, были поистине героическими.

Наконец, мы пошли по губе Северной Двины. Я впервые с трепетом увидел Советский Союз, который так идеализировал. На борт поднялся советский лоцман, и я буквально прилип к нему, первому советскому человеку, которого встретил. Я засыпал его вопросами, но он был чрезвычайно немногословен и явно тяготился моим присутствием. И потом, когда мы уже стояли под разгрузкой, советские явно избегали иностранцев, резко отказывались, когда я пытался угостить их чем-либо. А время то было очень голодное, во время прогулок по Архангельску я заходил в магазины и видел, что там был только черный хлеб, который выдавался по карточкам.

На борт поднялись пограничники. Они никого не проверяли. И впоследствии оказалось, что, несмотря на военное время, нигде не было зафиксировано, что такой то такого-то числа пересек советскую границу. Это мне тоже потом дорого обошлось.

Мои попутчики-офицеры предложили доставить меня в Москву на предоставленном им военном самолете. Нас посадили в «Дуглас» и дали самолет сопровождения. Мы прибыли в Москву 16 октября 1941 года. Это было время, когда в городе царил паническое настроение, ибо гитлеровские войска стояла в Химках.

В такой обстановке начались мои мытарства в Москве в поисках латвийского представительства. Скажу об этом в двух словах — в течении последующих дней и перебивал во всех отделениях милиции в центре города, куда меня исправно сдавали бдительные москвичи в ответ на мой вопрос, где находится улица Воровского. Дважды побывал я и на Лубянке. Но тогда судьба меня миловала, шпионом я стал позже.

Все же в конце концов я нашел латвийское представительство, встретил старых друзей по подполью и тюрьме. Они мне помогли. Через несколько дней в качестве добровольца я объявился в Гороховецких лагерях и был зачислен рядовым в роту связи 92 полка 201 латышской дивизии. Вскоре наш полк вступил в сражение под Москвой.

* * *

Нас высадили в Мытищах и начался переход по морозному Подмосковию. Шли напрямик форсированным маршем по глубокому снегу. Шли без передышки, день и ночь в полной

боевой выкладке. Постепенно появились следы отступления немцев — сожженные деревни, брошенная и подбитая техника, закоченевшие трупы. Люди стали подрываться на минных полях.

И в нашем взводе связистов при взрыве мины погибла лошадь, тащившая сани с телефонным и радиооборудованием. У соседа оторвало ступню, я тащил его на себе, пока нашли санитаров. Насмерть убило моего товарища Ниедру, ему разворотило живот и его страшные крики еще долго звучали в моих ушах.

Я был радистом, но после гибели рации меня перевели в телефонисты. Мы были обвешаны тяжелыми катушками (у немцев катушки были с алюминиевым проводом, а наши весили не менее четырех килограммов, а тащить надо было четыре—пять штук). Связь часто рвалась, чинить ее приходилось иногда под обстрелом, голыми руками, при страшном морозе. Я тогда обморозил руки, отчего страдаю по сей день.

Поход продолжался несколько дней. Обогреться было нелегко — все разрушено. Полевые кухни отстали, да и кормили одной пшенной кашей. Хлеб замерзал, его кололи топорами, пилили пилами. Но сто граммов давали ежедневно. Я, как непьющий, отдавал их ребятам.

Вообще для меня этот марш был самым большим физическим испытанием в жизни. В поход мы пошли в ботинках и обмотках, валенки обещали выдать потом. В результате — массовое обморожение ног. Мне в этом смысле повезло — не было подходящих ботинок, взял другие на два номера больше, набил бумагой и спасся от обморожения.

Первый бой произошел в районе города Наро-Фоминска. Немцы держали оборону на высоком берегу реки Нары и простреливали все подходы. Наши шли в наступление в полный рост, считая ниже своего достоинства «кланяться врагу». Отсюда огромные потери. Особенно много погибших было в районе деревни Елагино.

Лично я в атаках не участвовал — сидел в окопчике около передовой со своей рацией и «докладывал обстановку». После Елагино запомнилась деревня Редькино. Она была цела, и мы немного обогрелись в избах. Еще помню, нашли в поле погибшую лошадь, разрубили ее на куски и наелись после долгого перерыва мяса. Неожиданно последовала немецкая контратака и нам пришлось отступить. А когда деревню вновь отбили, от нее осталось одно название.

Еще два эпизода. Как то ночью командир нашей роты Юнкеров взял меня и еще одного солдата с собой в разведку. Было приказано все личные вещи и документы оставить. Пока мы отсутствовали деревню заняли немцы, многие товарищи были убиты. Мои документы, естественно, пропали, что в дальнейшем опять же вызвало неприятности.

Как то после утомительного перехода остановились на привал в лесочке. Разрешили разжечь небольшие костры, чтобы вскипятить чай. Тот же Юнкеров вдруг приказал мне отправиться в штаб дивизии, чтобы сменить аккумуляторы для раций. Я страшно устал, замерз, был голоден. Все во мне протестовало против этого приказа. Но пришлось, конечно, ехать. Изможденная и страшно изголодавшаяся лошадь не слушалась, останавливаясь у каждого стога сена.

Когда я через несколько часов вернулся, глазам представилась страшная картина — кругом лежали мертвые товарищи. Это был результат минометного обстрела, который немцы открыли, заметив, очевидно, дым от костров.

Однажды, видимо из-за некачественной пищи наша рота поголовно заболела дизентерией. Все оказались в госпитале. По излечении я снова попал в роту связи запасного полка 201 латышской дивизии. Как то к нам в лагерь прибыла делегация ЦК КП Латвии из Москвы. В ее составе был секретарь ЦК Э. Америк, с которым я в свое время находился в Центральной тюрьме Риги. Я сказал ему, что по своему образованию и знанию языков мог бы, наверное, быть более полезен на другом поприще, чем в запасном полку.

— А в партизаны хочешь? — спросил он.

Я, конечно, сразу согласился. Через несколько дней меня отправили в Москву, выдав документ на имя Эпштейна Якова Григорьевича, находящегося в распоряжении ЦК КП Латвии.

Так я попал в спецшколу № 3, которая готовила партизанских радистов. Здесь было много молодежи с оккупированных территорий Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. У меня этот период жизни сложился несколько необычно. Как то в Большом театре (тогда можно было купить туда билет) я встретился с английским офицером, с которым в свое время плыл на корабле «Хармоник». По его приглашению я побывал в общежитии английской военной миссии в Москве. Впоследствии на Лубянке мне это ставили в вину.

Однажды «соответствующие инстанции» решили устроить мне беседу с иностранными корреспондентами. Учитывалось, что я бывший студент Лондонского университета, добровольно приехал в СССР, уже побывал на фронте. Все это должно было вызвать их интерес. Меня соответствующим образом проинструктировали. Беседа шла на английском языке, причем получилась довольно стандартной.

Когда все кончилось, ко мне подошла молодая женщина. Она представилась, что является сотрудницей нью-йоркской газеты «Дейли уоркер» (орган компартии США), а ее муж — сотрудник Коминтерна. Мне дали адрес в Сивцевом Вражке, телефон, пригласили заходить. Это была квартира известного американского журналиста Шапира, который временно находился в США (он увез туда свою молодую русскую жену, опасаясь как бы ее не репрессировали. В то время женщин, вышедших замуж за иностранцев, карали длительным лишением свободы).

Первое же посещение этой квартиры было незабываемым. После фронта и всего, что ему сопутствовало, я попал в домашнюю обстановку, меня угощали вкусной пищей на красивой посуде, играла музыка, на английском языке передавали последние новости, о которых мы и понятия не имели (в то время приемники у советских людей были изъяты, все слушали новости из «черных тарелок»).

Несколько раз я бывал в этом доме, но потом контакты прекратились. Много позже я узнал, что она вышла из партии, развелась с мужем и уехала в США. Между тем в школе, где меня за хорошую учебу уже сделали инструктором по радиodelу, пришел и мой черед. Э. Америкс составил очередную группу для заброса в оккупированную Латвию. Мы должны были войти в состав отряда Карла Озолия, секретаря ЦК КП Латвии, с которым в свое время я тоже сидел в тюрьме в одной камере.

Неожиданно меня вызвали на заседание ЦК КП Латвии. Оно тогда размещалось вместе с литовцами на улице Воровского, поскольку в здание латвийского постпредства попала бомба. На месте был весь синклит — Калнберзин, Лацис, Пельше, Америкс, Плесумс (тоже бывший сокамерник).

Пельше мне объявил, что латвийской редакции Всесоюзного радиокомитета срочно нужен грамотный человек, и ЦК решило меня из армии отозвать. Я вспылил и заявил, что не для того приехал в СССР, чтобы отсиживаться в тылу. Пель-

ше строго заметил, что как комсомолец я должен, более того, обязан выполнять решения партии.

На этом разговор закончился, закончилась и моя военная одиссея. Впереди были полтора года работы в качестве радиожурналиста, затем Латвийский университет, арест, ГУЛАГ. Предстояло еще много пережить. Но рассказ об этом выходит за рамки военной темы.

С. БОГОРАД,
Герой Советского Союза.
(живет в Риге)

Кавалер Золотой звезды

«...Командир подводной лодки Самуил Нахманович Богорад проявил высокие боевые качества, активно искал противника и, несмотря на сильное охранение, смело и решительно выходил в атаки, добиваясь победы над врагом».

(Из представления Военного совета
Краснознаменного Балтийского флота
на присвоение звания Героя Со-
ветского Союза)

Родился я в 1907 году в Витебске. После окончания Ленинградского морского техникума плавал штурманом на торговых судах. Затем учебный отряд и спецклассы командного состава подводного плавания. И первое назначение — помощником командира подводной лодки «Д-2». Это было перед самым началом Второй мировой войны.

С первых дней войны мы готовили лодку к боевым походам. В октябре 1942 года «Д-2», находясь на позиции, открывает боевой счет — топит три вражеских транспорта.

В начале 1944 года меня назначают командиром крупной подводной лодки «Щ-310» (так называемая «щука»). Под моим началом лодка только в одном походе пускает ко дну три вражеских транспорта общим водоизмещением 20 тысяч брутто-регистрационных тонн и вдобавок сторожевой корабль.

Крупная группировка гитлеровских войск окружена в Курземе. Все снабжение она получает только по морю. И вот мы получаем наводку: караван из трех транспортных судов под сильным конвоем следует в Курземе. Мощное охранение означает, что груз особо ценный.

Принимаю решение: поднырнуть под охранение, чтобы ударить по транспортам с близкого расстояния наверняка. Маневр произвели и подняли перископ. Но я ничего не увидел: на глазок перископа случайно попало масло. Как быть? Решаюсь на отчаянный шаг. Командую быстро всплыть, сразу же даю залп из всех торпедных аппаратов, и тут же уходим в глубокое погружение.

Сорок часов уходили мы от преследования. Глубинные бомбы ложились совсем близко. Но все время маневрируя, мне все же удалось благополучно увести лодку.

В марте 1945 года лодка «Щ-310» становится краснознаменной. И тут же новый поход. Его итог — потопление двух транспортов общим водоизмещением 12 тысяч тонн.

За смелость, решительность, волю к победе, за потопление 8 вражеских транспортных судов и боевого корабля (именно так было написано в представлении) мне, к тому времени капитану третьего ранга, Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Служил я на Краснознаменном Балтийском флоте до 1961 года. Был уволен в запас в звании капитана первого ранга.

Л. ВОЛЬФ,
старший лейтенант,
43 гв. латышская дивизия,
инвалид войны

Героями не рождаются

БАТЯ

За полвека я запомнил его фамилию. Помню только, что имя его было Борис, а точнее, по документам — Борух.

Но солдаты в роте звали его Батя. До войны он жил в Даугавпилсе и работал фотографом. Было удивительно, как он в свои сорок лет оказался в нашей 43-й латышской гвардейской дивизии. Ведь советская гвардия — это были части прорыва, так сказать элита армии. Сюда подбирали одну молодёжь. Даже командиры взводов и рот редко были много старше двадцати. Сам я в двадцать один год командовал полковой разведкой, а в двадцать два был командиром роты автоматчиков. Но однажды мне в руки попала красноармейская книжка Бати, и я понял, в чем тут дело: там четко значилось — доброволец!

На его низкорослую, коренастую фигуру нелегко было подобрать обмундирование. Брюки-галифе сужались не у колен, как положено, а у самых щиколоток, и сидели на нем как турецкие шаровары. С виду настоящий швейк! Но солдаты прощали все, потому что любили его за неунывающий нрав, готовность всегда помочь товарищу. А главное — за беззаветную отвагу.

У него были больные ноги, но он никогда не обращался в санчасть. А вот в походах с полной выкладкой не успевал за строем и как правило отставал от роты. Но это не беспокоило даже самых суровых сержантов и замыкающего строй старшину. Все знали, что на первом же привале Батя догонит роту — то сидя на орудийном лафете, то на подножке грузовика или на хозяйственной повозке. Батю знал и ценил весь полк. Его без лишних слов подсаживали любой артиллерист, любой шофер или ездовой.

... Это было в начале октября сорок четвертого, под Ригой, в районе Балдоне. Наша рота при наступлении наткнулась в лесу на завал. С флангов по нам кинжальным огнем били пулеметы. Пробираться вперед стало немыслимым. А тут еще внезапный артиллерийский налет. Чтобы избежать лишних потерь, подаю команду:

— Укрыться в воронках!

А сам выглядываю, смотрю, как солдаты выполняют команду. Вдруг вижу, как Батя вылезает из своей воронки и, не спеша, рысцой бежит к соседней.

— Куда?! — кричу я.

Батя останавливается и недоуменно смотрит на меня.

— А я прикурить.

— Убьет! Марш в укрытие!

Он ухмыляется:

— Меня пули, осколки не берут. От самой Москвы на передовой, и ни царапинки. Обязательно доживу до победы.

Вскоре из штаба батальона пришел приказ: отойти назад, обойти завал слева. Разведчики обнаружили там брешь в обороне противника. Даю команду. Солдаты перебежками отходят. Только Батя ни с места.

— Зачем отходить, — возмущается он. — Можно проползти под завалом.

С трудом убеждаю его.

* * *

В тот же вечер моя рота, уже в темноте, вырывается вперед и выходит к рокадному большаку. Рассредотачиваемся в кювете. В другом кювете, по ту сторону большака, сидят гитлеровцы. Чуть за ними, на пригорке, в землю закопаны два танка. Головы не поднять: сразу стреляют из пулеметов.

Позади нас — открытая поляна, метров триста. А дальше опушка леса. Приползает связной и докладывает, что на опушку, подтянулся штаб батальона. Соседние роты справа и слева отстают. Отстает и второй батальон, наступающий еще дальше справа. Словом, мы одни впереди, на поддержку с флангов надеяться нечего. А в роте большие потери: в строю осталось человек тридцать.

Ночью получаю подкрепление. Начальник штаба батальона собрал всех ездовых, связистов, санитаров, словом, всех батальонных «тыловиков», да группу разведчиков. Под покровом темноты они по канавке приползли к нам и тоже рассыпались по кювету. Набралось человек шестьдесят.

— По всем признакам фрицы не ждут здесь наступления, — делится со мной начштаба. — Они полагают, что мы будем ждать, пока подтянутся соседи. А мы как раз и будем прорываться.

Идея отменная. По опыту мы оба знаем, что именно самые алогичные действия на фронте чаще всего приносят успех. Но как подняться в атаку? При малейшем нашем движении противник открывает ураганный огонь.

Тут идею подает Батя:

— Давайте все разом громко закричим — ура! Они этого не любят. Подумают, что мы уже прорвались. Замешкаются. Вот тогда мы и выскочим.

Все смеются. Но предложение принимается.

По моей команде шестьдесят человек, продолжая сидеть в кювете, синхронно орут во всю глотку. Первым на большак выскакивает... Батя! И тут же все бросаются вперед. Пока противник сообразил в чем дело, мы уже перескочили большак, из автоматов стреляем по вражескому кювету, гранатами забрасываем закопанные танки и без оглядки бежим дальше, к недалекому лесу.

Потерь у нас нет. Бросок был для гитлеровцев столь неожиданным, что они не успели реагировать. Углубляемся в лес, идем час, другой. Вокруг тишина. Стрельба слышна только далеко позади.

Идти дальше в глубокий тыл противника столь маленькой группой с одними автоматами становится все опаснее. Можем нарваться на крупные части врага, и тогда нас ничто не спасет. Делаем привал, тихо занимаем на всякий случай круговую оборону. Ждем.

К утру стрельба приближается. Понимаем, что наши соседи выравнивают линию фронта.

... Позже, уже в Риге, штаб дивизии проводил семинар командиров рот и батальонов. Анализируя действия дивизии по освобождению столицы Латвии, начальник штаба коснулся и нашей операции. Оказывается, когда мы пересекли большак и углубились в лес, у противника возникла паника. Наша радиоразведка засекла тревожные сообщения гитлеровского штаба: дескать, усиленный советский батальон (это наши шестьдесят человек, поистине у страха глаза велики) прорвал оборону, находится где-то в тылу. Место нахождения его не установлено.

Опасаясь окружения, противник стал отходить по всей линии фронта. Это позволило нашим частям без серьезных боев продвинуться на многие километры. В этом успехе была и доля заслуги нашего Бати.

Слова его оказались пророческими. Хоть он подчас и не задумываясь лез в самое пекло, Борух дожил до победы. Поистине, как поется в песне:

«Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет».

Уже после войны я как-то встретил его в Риге на улице Кр. Барона. Маленький, неказистый, он спешил куда-то по своим делам. Рассказал, что снова работает фотографом.

Скромный, неприметный, подлинный герой войны!

КОМВЗВОДА ДВА

После освобождения Риги наш 121-й гвардейский стрелковый полк три недели нес в городе гарнизонную службу. Одновременно шло формирование. Численность моей роты была доведена до 120 человек. Но присылали лишь только-что призванных зеленых юнцов. Явно не хватало командиров. Помимо меня в роте оказался всего один офицер — командир первого взвода младший лейтенант Тураев. На третий взвод я поставил единственного в роте бывалого старшего сержанта. Вторым взводом командовать было некому.

Среди новобранцев выделялся единственный зрелый мужчина лет тридцати: всегда подтянутый, аккуратный, дисциплинированный рядовой Наум Брод. Было заметно, что он пользуется авторитетом у остальных новичков. Вызвал его для беседы. Родом из под Лиепаи, он в 41-м не успел эвакуироваться, чудом остался жив: все годы оккупации его скрывали друзья-латыши на каком-то хуторе. Но главное — в свое время в Латвийской армии он служил сверхсрочником, закончил курсы заместителей офицеров.

Было, конечно, заманчиво использовать его знания. Но, с другой стороны, рискованно выдвигать на командную должность рядового, лишь неделю назад призванного в Советскую армию. Однако, как говорил Наполеон, кто не рискует — не пьет шампанского!

Доложил свои соображения заместителю командира полка по политчасти. Тот хитровато прищурился:

— Поступай, как знаешь. Но учти, в случае чего за последствия сам ответишь головой.

В тот же день я назначил рядового Брода командиром второго взвода.

Он слабо знал советские уставы, команды часто подавал на манер Латвийской армии. Но сходу установил во взводе образцовый порядок. Солдаты слушались его беспрекословно. Неделию спустя ему по моему рапорту присвоили звание ефрейтора.

А через несколько дней во время полковых полевых учений нас инспектировал сам командир дивизии генерал-майор Калныньш. Увидев перед строем взвода ефрейтора, он подошел прямо к нему.

— Командир второго взвода ефрейтор Брод, — по уставу отрапортовал Наум.

Генерал повернулся ко мне.

— Справляется? — резко спросил он.

— Лучший взвод в роте, — честно доложил я.

Генерал кинул недобрый взгляд на стоящего рядом командира полка:

— Коль справляется, чего же в ефрейторах ходит?

Сразу после учений был подготовлен соответствующий рапорт. На следующий день из штаба дивизии пришел приказ о присвоении Броду звания старшего сержанта.

8 ноября дивизия наша ушла из Риги в район Джуксте. Предстояли тяжелые бои по разгрому курземской группировки противника. Где-то в глубине души меня заботил Брод. В условиях рижских казарм он отменно справлялся с обязанностями командира взвода. А как будет на передовой? Он же никогда не бывал в бою, не имеет ни малейшего фронтового опыта! А мне не раз приходилось наблюдать, как необстрелянные новички в бою меняются до неузнаваемости: то скромный, неприметный боец становится героем, а бывает, что бравадный парень, попав под огонь, теряется, а то просто оказывается жалким трусом.

Решающий час наступил на рассвете 24 декабря. На нашем участке фронта началось большое наступление. Моя рота шла во втором эшелоне. Я должен был самостоятельно держать дистанцию два километра от передовой наступающей цепи. Продвигается первый эшелон — и моей роте идти вперед, остановились впереди — мне стоять... И так до тех пор, пока не получу приказ сменить передовые ряды атакующих.

Развернул я роту по-боевому в цепь: первый взвод в центре, второй — справа, третий — слева. Периодически посылаю вперед разведчиков, чтобы знать, где находится наступающая цепь, двигаться мне или выжидать на месте. И каждый раз, получая свежие сведения, отправляю связных во взвода с соответствующим приказом.

Шли часы. Продвигались наши медленно. У гитлеровцев была отлично подготовленная полоса обороны глубиной шесть километров. Спротивлялись они отчаянно. К вечеру моя рота все еще находилась во второй, резервной линии. Двигались вперед неспеша.

Прибегает связной и докладывает: снова заминка, передовой эшелон залег под ураганным огнем. Я тут же отправляю связных во взвода с приказом — стоп! Вскоре возвра-

щается связной второго взвода и докладывает, что он взвод не нашел.

В то время у меня нервы еще были крепкими. Даже в экстремальных условиях никогда не психовал. Но тут сорвался и грубо крикнул связному:

— Марш назад! Бегом! Найти и остановить взвод!

Связной помчался обратно по снежной целине. Я с тревогой ждал. Прошли полчаса, час. Наконец из наступившей темноты вынырнула фигура связного. Взвод он так и не нашел.

Что делать? Шутка ли! В боевой обстановке пропал целый взвод, сорок человек! К тому же во главе с Бродом, за которого я был дважды в ответе. Запахло трибуналом...

По полевому телефону связываюсь с начальником штаба батальона. Докладываю ему все, как есть. Он меня успокаивает:

— Не психуй. Главное — молчи. Мне доложил — и basta. Больше никому ни слова! Через час-другой твоя рота вступит в бой. А то и раньше. Как ни крути, а потери будут. Вот все и перемелется. Разбери потом кто, когда и где пропал.

Трудно описать, в каком состоянии я провел ночь. А на утро...

До конца жизни не забуду эту картину. В предрассветной дымке, справа по фронту моей роты, сперва расплывчато, а затем все отчетливее я увидел странное шествие: с переднего края в нашу сторону двигалась вереница груженных немецких конных повозок, окруженная нашими солдатами. А впереди, с автоматом наперевес, сдвинув на затылок шапку-ушанку, широко вышагивал комзвода два, старший сержант Наум Брод.

... В жизни бывает, что самое невероятное объясняется очень просто. Когда был получен последний приказ о продвижении вперед, исполнительный, но несколько чрезмерно темпераментный командир взвода повел своих людей слишком быстро. Не имея боевого опыта, он не следил за своим левым флангом, потерял локтевую связь с первым взводом. Посланный мною связной явно схалтурил! Не найдя взвод там, где тому по его расчету надлежало быть, он вернулся. А когда побежал вторично, то Брод со своими людьми успел уйти далеко вперед.

Сплошной линии фронта при наступлении как правило не бывает. Между узлами сопротивления образуются «окна». Сквозь одно из них по воле случая и прошел второй взвод, оказался в тылу противника и там наткнулся на какую-то хозчасть, которая от неожиданности без боя сдалась.

— Я прислушался к выстрелам, — смущенно оправдывался Брод, — и понял, что бой идет где-то сзади. Подумал: не продолжать же мне идти вперед с таким обозом. Лучше вернуться, пленных и все это добро к своим доставить...

К исходу следующей ночи мы окончательно прорвали боковую оборону противника. Уже под утро, в самом конце боя, меня тяжело ранило. Отчаянный гитлеровский пулеметчик отстреливался до последнего, не давая моей роте подняться в атаку. Под покровом темному я подполз к нему как можно ближе и бросил гранату. Пулемет замолк. Но последняя очередь задела меня разрывной пулей.

В медсанбате я узнал, что Наум Брод представлен к награждению орденом Боевого Красного Знамени и к присвоению офицерского звания младшего лейтенанта. А ведь он к тому времени и трех месяцев не прослужил в Советской армии!

О дальнейшей судьбе этого удивительного человека мне, к сожалению, ничего не известно.

* * *

За годы войны мне довелось пройти путь от рядового солдата до офицера, участвовать во многих боях. У меня 14 правительственных боевых наград, в том числе ордена Красной звезды, Отечественной войны первой и второй степени. Я встречал на войне немало прекрасных людей, не раз был свидетелем подвигов. Чтобы поведать обо всем примечательном, потребовались бы сотни страниц. Здесь я рассказал о двух своих боевых товарищах, потому что хотел на конкретных фактах показать, что и люди моей национальности, представители моего народа честно вносили свой вклад в дело разгрома гитлеровского фашизма.

С. АБРАМСОН,
партизан-разведчик.
Публикуется посмертно

Первые дни

Начало войны я... проспал. 21 июня находился в Вентспилсе, вечером с друзьями посидели в ресторане, а после... Проснулся утром от взрывов бомб.

Для меня и всех моих близких война была полной неожиданностью. Официальная пропаганда твердила, что отношения с Германией нормальные. Но у меня были и собственные впечатления. В мае сорок первого я побывал в командировке в Литве, проехал вдоль всей германо-советской границы. Видел, что велись крупные строительные работы — сооружались оборонительные укрепления. Но велись они не спешно, люди трудились восемь часов в день, в субботу — до 14 часов, вечером устраивались киносеансы. Словом, никто не торопился. Из этого я заключил, что никакая война нам не угрожает.

Увы, все обстояло иначе. В первую мировую войну немцы смогли занять Ригу лишь через несколько лет после начала военных действий. Теперь же они оказались у окраин города на шестой день. Мирные жители были брошены на произвол судьбы, каждый устраивался как мог.

Многие рижане, в том числе и моя семья, успевшие до первого июля покинуть Ригу, обязаны этим подвигу батальона, которым командовал капитан Бугаев. В той обстановке всеобщей неразберихи и паники его воины получили приказ выдвинуться в пустующий город. Строем они пошли к его центру. Противник решил, что советские войска получили подкрепление и до выяснения обстановки прекратил наступление. Задержка в один—два дня! Казалось бы, пустяк. Но это дало возможность многим уйти. Правда, подразделение капитана Бугаева понесло значительные потери.

Когда я вернулся из Вентспилса в Ригу, столица, казалось, жила еще нормальной жизнью. Но моя мать побывала на вокзале, поговорила с беженцами-евреями из Литвы. Они говорили, что Красная армия превратилась в бегущее стадо. И на работе мой начальник тайком мне сказал: «Соломон, уезжай срочно!». Я посадил маму, жену и сына в стоявший

железнодорожный состав, а сам направился еще раз на свое рабочее место — в наркомат внешней торговли. Но там уже никого не было. Вслед за высоким начальством разбежались и сотрудники.

Я пошел добровольцем в 48 стрелковый маршевый батальон. Конечно, остановить фашистов мы не могли, началось отступление на север, в Эстонию. Бои шли непрерывно.

Не буду рассказывать здесь о своих военных делах. Скажу только, что примерно в середине войны я попал в партизанский отряд, действовавший в Лубанских болотах. Как разведчик, я докладывал командиру о настроениях местных жителей, о действиях полиции.

Обстановка была сложной. Немецкая пропаганда во всю использовала факты сталинских злодеяний, которые стали известными после оккупации Латвии. Многие крестьяне были недовольны захватчиками, но не сочувствовали они и советской власти, всячески отказывались помогать партизанам.

Осенью 1944 года мы вернулись в Ригу. Это был совсем не тот город, который я покинул летом сорок первого.

А. ГУРЕВИЧ,

43 гв. латышская дивизия,

25 гв. танковый полк, майор

От звонка до звонка

Есть такая шуточная поговорка — прошел всю войну «от звонка до звонка», то есть от первого до последнего дня. Вот так сложилась и моя судьба. Родился, учился в Риге, в последние часы перед вступлением в город гитлеровских войск ушел на восток. Воевал в латышской дивизии под Москвой и в районе Старой Руссы, был ранен, контужен, снова ранен.

По излечении из госпиталя послали в танковое училище, оттуда в танковый полк. «От звонка до звонка» младший лейтенант Арон Гуревич сменил семь бронированных машин. Дважды подрывался на минах, дважды горел, один раз прямым попаданием снаряда повредило пушку.

Но и мы давали жару противнику. А как приятно было, когда в полк поступила танковая колонна под названием «Латышский стрелок». Машины были построены на деньги эвакуированных из Латвии.

О всех стычках с врагом не расскажешь. И все же. После тяжелых боев в Венгрии наш 25 гвардейский танковый полк вступил на территорию Австрии. Тяжелые бои — большие потери. К апрелю 1945 года в части осталось три исправных танка. Это были, правда, модернизированные машины с 85 миллиметровыми пушками. И все три входили, как в шутку говорили остряки, в еврейский танковый взвод: командир А. Гуревич, другими машинами командовали лейтенант Клейман и младший лейтенант Шрапштейн. Взвод действовал в головном дозоре шестой механизированной бригады.

Сплошной линии фронта не было, и наши машины беспрепятственно продвинулись вперед примерно на два километра, рассредоточились, замаскировались и стали наблюдать за магистральной дорогой, которая шла к городу Корнейбургу. Ждать долго не пришлось. Сначала слева появился передовой отряд — мотоциклисты, бронетранспортеры. Мы подпустили их на 200—300 метров и открыли огонь. Выстрел — попадание! Выстрел — попадание! Вскоре от отряда практически ничего не осталось.

Через некоторое время на главной дороге показалась новая колонна гитлеровцев. Это шли основные силы — танки, самоходки, артиллерия на тягачах, пушки на автомобильной тяге. По моему сигналу левый танк ударил по головной машине, правый по средней, а я по хвосту. Мы открыли ураганный огонь. Из каждого ствола было выпущено по шестьдесят снарядов! Орудия раскалились, на них обгорела краска. Дорога покрылась дымом, ярко пылали машины.

Одновременно по радиации я передал в штаб полка, что мы ведем бой с крупной группировкой противника и что нам необходима поддержка, поскольку, оправившись от неожиданной встречи, фашисты пытались развернуть свои пушки и открыть ответный огонь. И помощь подоспела очень быстро. Штаб корпуса бросил в бой тяжелые танки, оперативно действовали артиллеристы. Короче говоря, гитлеровцы были полностью разгромлены. Этот бой юго-западнее Корнейбурга способствовал соединению воинов Второго и Третьего Украинских фронтов, которые вслед за тем двинулись на Вену.

День Победы я встретил в Праге. Но для меня война не окончилась. Уже в мирные дни принимал участие в разминировании местности в районе Севастополя. Моя жена Софья также участница второй мировой. Один из ее братьев — Иосиф Копелович погиб под Москвой, второй — Абрам под Тукумсом за несколько дней до Победы.

Увы, и моя семья, все родственники, в общей сложности шестьдесят человек (!) погибли в Рижском гетто. Нет слов, чтобы выразить мою скорбь, мое проклятие убийцам!

Розалия ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Эскадрилья двадцати семи

Сначала они взяли из сберкасы все свои сбережения. До копейки. Подсчитали — не хватает. Тогда в комиссионку пошли часы, выходные костюмы, другие мало-мальски ценные вещи. А еще через несколько дней перед изумленным кассиром в Хабаровске трое военных поставили чемоданы, до отказа набитые крупными купюрами, и заявили, что хотят купить... бомбардировщики.

Во время войны они служили на Дальнем Востоке. Здесь было тихо, хотя и ждали, что будет жарко. И все же они рвались на фронт. Рапорт за рапортом подавали командованию, но ответ всегда был один — «Отказать».

И тогда они решили действовать по-другому. Говоря по житейски, они «скинулись» т. е. собрали все, что у них было ценного, и обратились к Верховному командованию с просьбой послать их на фронт на купленных ими самолетах. Сначала их было девять, потом стало двадцать семь. Мой муж Зелик Финкельштейн был инициатором этой «складчины». На этот раз ходатайство было удовлетворено.

Воевали они на втором Украинском фронте, бомбили фашистов на Украине и в Молдавии, Румынии и Венгрии, Чехословакии и Австрии. Помнится муж писал, что в полку их в шутку называли «собственниками». Первое время эскадрилья что называется «везло». На самолетах были, конечно, про-

боины от вражеских осколков, но никто не был сбит. Они латали повреждения и снова и снова шли на боевые задания.

— Ишь как берегут свои машины. Ясное дело — собственники, — острили над ними.

Но шутки шутками, а «везение» вечно продолжаться не могло. Сначала был тяжело ранен один летчик, затем в конце 1944 года погибли три экипажа.

Мне довелось читать в одной из газет о том, как вел себя муж в бою. Эскадрилья бомбила позиции противника на подступах к чехословацкому городу Брно. Все шло хорошо. Но на обратном пути был сильно поврежден самолет командира полка. Отказали оба мотора. Планируя, машина стала снижаться. Гитлеровцы ринулись добывать ее. И тогда бомбардировщик летчика первого класса Зелика Финкельштейна прикрыл собой раненого товарища. Муж сопровождал самолет командира пока тот, перетянув через линию фронта, приземлился на своей стороне. Увидев, что все кончилось благополучно, он улетел. И это только один эпизод из его боевой деятельности.

Он был награжден пятью боевыми орденами, в том числе двумя орденами Красного Знамени. Послевоенные годы жил в Риге. Вот уже скоро пятнадцать лет, как его нет с нами. Много несчастий во время войны выпало на долю его семьи. Брат Семен был танкистом. От прямого попадания снаряда в бронированную машину, он ослеп. В Белоруссии от рук фашистов погибли его родители и несколько родственников.

Л. ХИНОЙ,

ст. сержант

второй Прибалтийский фронт

Моя бесценная реликвия

Биографию фронтовика при желании можно выразить несколькими словами: фронт — госпиталь, фронт, снова госпиталь и так далее. Примерно так складывалась моя боевая жизнь. По окончании школы младших авиационных специа-

листов был направлен в истребительный авиаполк. Получил первое ранение. Это случилось в декабре 1941 года.

После излечения — 120 стрелковый полк. Весной 1942 года — снова ранен. Десять месяцев в госпитале. Потом 119 стрелковый полк. На Орловско-Курской дуге новое ранение и опять долгое лечение.

Потом послали меня учиться на механика-водителя танка. И вот я на Втором Прибалтийском фронте. Получаю самоходку. За умелое ведение боя лично Маршал Советского Союза А. Еременко вручает мне орден Отечественной войны первой степени. А было это во время операции по освобождению Риги.

Но особенно сохранился в памяти день 14 ноября 1944 года. Дело было в так называемом Курляндском котле. Я вел самоходку, и надо же — прямое попадание мины в боевую часть машины. Командир и наводчик были убиты сразу, я несколько минут находился как бы в огненном мешке, горело все. Все же нашел в себе силы, чтобы выбраться наружу и бросился на землю. Ранение оказалось настолько тяжелым, что я потерял сознание. Не помню, кто, когда и как доставил меня в госпиталь, который находился в Елгаве. Потом еще один госпиталь в Рыбинске и там только через восемь месяцев сделали операцию. Извлеченный осколок и сейчас я храню дома, как самую дорогую реликвию вместе с тремя боевыми орденами и многими медалями. Вот такие мои воспоминания.

Гунар КУРПНИЕК,
ветеран второй мировой войны

Мы

«Мы» — это многоликое «я». Многообразное, многохарактерное и неповторимое в каждой своей сути. Как отпечатки пальцев, как рисунок ушной раковины. Это ведь только «великому и мудрому» хотелось, чтобы мы были «винтиками» — безликими и бездарными.

А мы — фронтовики-окопники — никогда не были безликими. Всегда были на особицу, всегда оставались людьми со своим, индивидуальным прищуром глаз, своей улыбкой, своими привычками и своим миропониманием. Похожесть наша была только в одном — в единстве цели, достигнутой такой большой кровью. Хотя...

Хотя бывали и исключения. Бывало (на очень-очень краткое время), когда мы становились похожи друг на друга. Когда наше человеческое «я», наше естество нивелировалось, обращалось в нечто безликое, теряло свои индивидуальные качества. В моей памяти один такой эпизод. Было это в феврале сорок третьего, под Старой Руссой. Я прибыл туда с очередным пополнением 43-й гвардейской латышской дивизии. Попал во взвод, буквально накануне участвовавший в штурме немецких укреплений — мощного вала, сооруженного из поваленных деревьев, спаянных толстым слоем льда и утыканного пулеметными гнездами. От взвода остались только ошметки — человек десять, не больше.

Меня поразила их одинаковость, их потухшие глаза, запекшиеся губы, не способные ни на улыбку, ни на проклятье. Заглянув за черту, отделяющую человека от небытия, эти люди, повторяю, на какое-то время потеряли каждый самого себя. Впоследствии нечто подобное пришлось пережить и мне. Как я при этом выглядел — не знаю. Что чувствовал? Не было чувств! Только оупение... Честно признаюсь: воспоминание это — самое страшное, что я принес в себе с войны. Пятьдесят лет прошло с тех пор, а я все иду и иду на тот плюющийся свинцом вал и никак не могу пройти.

Да, мы, вернувшиеся с войны, навсегда ею ранены. И раны эти не рубцуются. Ни тяжелые, кошмарами врывающиеся в бессонные наши ночи, ни благодатные, помогающие выстоять в кошмаре дней. У меня такие благодатные раны — от встреч с людьми. Так уж получилось, что за все послевоенные годы я ни разу не виделся с бывшими солдатами своего взвода или роты. Попав в апреле сорок третьего года в госпиталь, я уже не вернулся в строй. Ну, а мой взвод... Скорее всего его начисто искромсало там же под Старой Руссой.

...Жизнь не просто отщелкала нам, участникам Второй мировой, пятьдесят мирных лет. Она наградила нас встречами друг с другом, дружбой, сердечным взаимопониманием. И совсем неважно, что в войну мы служили в разных полках и дивизиях, на разных фронтах и в разных родах войск, что

возраст, национальность или мирные профессии тоже были разные. Мы, как поется в известной песне, «войны шальные дети: и генерал, и рядовой».

Совсем недавно отмечал я 70-летний юбилей лучшего друга своего — Льва Исавнина. С самого детства мы идем рядом. Изредка — по близким и параллельным дорогам, а чаще — плечо в плечо. Так было до войны, так было и в жаркое лето сорок первого, на кровавых дорогах Смоленщины. В сорок третьем Лева заработал ранение в голову. Внешне — вроде бы царапина на макушке. Но обернулась она тяжкими приступами, месяцами на госпитальной койке.

Пришлось уйти из театра, где перед Лево́й открывались замечательные перспективы. А потом... Шесть лет из его жизни выдули лагерные ветры. (Я писал во все мыслимые и немыслимые инстанции. Получал один ответ: «Исавнин невиновен». Но...) Человек светлейшей души и великого жизнелюбия, Лева сохранил в себе романтический оптимизм. Благодаря ему гонит от себя болезни, с юмором воспринимает перипетии перестроечных баталий. А ведь другой на его месте после тяжелого ранения, после оскорбительного равнодушия к себе малых и великих властей спился бы с круга, ожесточился, замкнулся. А он... Нет, это надо видеть, как Лева прячет улыбку в щегольские усы...

Ефим Горбовицкий. Незабвенный Фима! С ним я тоже отмерял пыльно-кровавые километры смоленских дорог. Комсорг нашей школы, он 22 июня сорок первого потряс меня тем, что нашел в себе силы в первый день войны разглядеть ее последний день. Вот уже который год среди пишушей братии считается хорошим тоном делать из бывших комсоров или наглых стукачей-гебистов, или тупых дебилов. А они, как правило, были просто честными ребятами. Да и наш Фима — невероятно добрый и по-детски застенчивый, восьмой десяток лет идет по жизни с распахнутым сердцем. Целых двадцать лет не заживала его рана, полученная в сорок первом. Стал за это время доктором медицины, одним из создателей отечественной искусственной почки. Но остается простым солдатом-победителем в той тяжелейшей войне.

Очень люблю читать-перечитывать Шолом-Алейхема. С тех давних пор, когда увидел Соломона Михоэлса в роли Тевье-молочника. С каким блеском писатель выписывает своих бессмертных «маленьких человечков», возносит их в самые высокие сферы человеческого духа! Точно так же мне

хотелось бы рассказать о своем друге — Матвее Китайчукё. Но... Не получится! Наверное, оттого, что надо родиться в белорусском местечке в семье кузнеца, и звон отцовской наковальни пронести и через чарующую лесную тишину отрочества, и через минометную канонаду военного лихолетья, и через хриплые стоны госпиталей. А еще — через учительство, через ребячьи вихры и занудство окошкольного чиновничества, через открытый или скрытый антисемитизм. Все это надо было бы испытать самому. Может быть, тогда и получился бы у меня портрет Моти-правдоискателя... Он, раненый, перераненный, прошел сквозь все это, как сквозь строй, чтобы теперь, седоголовым и седобородым, стать «ходатаем по делам» униженных и оскорбленных нашим ультрадемократическим обществом... Спросил я его: «Почему не уезжаешь в землю обетованную?» Он — вечно ироничный и неизменно улыбчивый, вдруг насупил: «Ту землю я кровью не поливал». Вот такой он, Мотя из шоломалейхемского местечка...

К 45-летию Победы были приурочены мои «Диалоги неубитых солдат» — книга о Яне Розе и его товарищах. Ни от одной строчки, ни от одной буквы книги я не отрекусь, какое бы смутное время ни наступало. Старался говорить правду и говорил ее в меру сил и умения. Да и Ян Розе крепко помог в этом. Человек высочайшего солдатского мужества, он и в рассказах своих о войне не согрешил против правды. Смелый человек! Недаром удостоен высшей награды солдатской доблести — орденов Славы всех трех степеней. Последний, высший, получил за бои в Виеталве. К этому своему подвигу Ян Розе шел от Ярцева, что на Смоленщине, от боев под Москвой, Старой Руссой, Нарвой. И везде снайпер, полковой разведчик честно нес свою нелегкую ношу. Ну, а Виеталва — вершина, итог. Пять дней и ночей, под бомбами и снарядами корректировал Ян Розе огонь нашей артиллерии с церковной колокольни.

За бои в Виеталве получил свою «Славу» и мой стародавний друг — Фридрих Дрейман. Вместе с группой однополчан он вел огонь из какого-то погреба. Немцы подобрались и стали забрасывать наших солдат гранатами. Фридрих не растерялся: ловил их на лету и бросал обратно. Потом у него были другие бои. Но Виеталва крепко засела в память и вместе с сотнями ветеранов нашего 130-го латышского корпуса он из года в год, в первое воскресенье августа, приезжал сюда в центр Латвии чтобы помянуть тех, кого уже нет среди нас.

Работа над книгой о Яне Розе была для меня настоящим праздником души. Оттого, что подолгу и с очень большой взаимной отдачей встречался с замечательными людьми. Бруно Грозитис, Циприан Апшениекс, Паул Пихелис, Николай Куплайс, Эдуард Абелтинь, Рейнгольд Райбайс чисты в своей жизненной мудрости, не отягощены ни национальной междуусобицей, ни стяжательскими страстями.

Вот Бруно Грозитис... В сорок четвертом, под Балдоне, его сшибло «болванкой» с танка, на котором, по его словам, «экономя силы, катил к Риге, на свидание с красавицами». И оказался он с тех пор инвалидом, что, впрочем, не мешает ему остро щурить неземной голубизны глаза и хохотать над житейскими неурядицами.

А Паул Пихелис? Этот «милостью божьей сапер». Ведь за все четыре года войны (от «звонка» до «звонка») ни разу не ошибся. Ни разу! Ранен бывал, да. Но как солдат на поле боя, а не как сапер. Сколько штук разминировал? Смеется: «А кто ж их считал? Я — никогда! Плохая примета». Черных кошек, дурного глаза, числа тринадцать — боится. Расчудесный ты мой человечисе!

Специалистов, мастеров своего дела среди фронтовиков — великое множество. «Хирургом милостью божьей» был Михаил Дубинский. Не знаю, оперировал ли он Бруно Грозитиса, но в дивизии его знали почти все. Многие, очень многие обязаны ему жизнью, успешно залеченными ранами... Я познакомился с Михаилом Дубинским лет двадцать спустя после окончания войны. Познакомился в больнице, так сказать, на равных правах больного. Удивительно быстро нашлись общие темы бесед, общность судеб военных лет. Подолгу бродили в окрестном лесочке, слушали перешептывание сосен. Я лежал в крохотной одноместной палате, и Михаил Дубинский приходил вечерами гонять чай и... думать вслух о пережитом. Это был удивительно целостный и необычайно просветленный человек. Просветленный в том смысле, что обычная житейская грязь отторгалась им совершенно естественно, как будто ее и не было вовсе. Рядом с именем этого человека приходится писать проклятое слово «был». Горько, очень горько! Мы хоронили его на кладбище в Шмерли. Народу было столько, что казалось, весь наличный состав дивизии пришел проститься с бывшим хирургом. Люди провожали в последний путь настоящего человека...

Таким же был и другой Михаил — Михаил Иоффе.

Врач самой высокой квалификации, он был всесторонне одаренным человеком. В молодости играл на виолончели в Рижском симфоническом оркестре. В годы войны, конечно же, был на фронте, а потом все силы отдавал развитию медицины в Латвии. Страстный гуманист, он вместе с А. Бауге, М. Кемпе и А. Чаком в самый разгар гитлеризма переводил на латышский язык сборник антифашистских материалов — «Коричневую книгу». Рассказывают, что доктор Иоффе мечтал организовать в Латвии квартет, наподобие знаменитого квартета имени Комитаса. Не успел...

Не могу не сказать хотя бы несколько добрых слов о Василии Савченко — участнике войны, докторе исторических наук. Сейчас историков того поколения бьют наотмашь, в хвост и в гриву. Отчасти бьют правильно. Но нельзя же с водой выплескивать и ребенка!

Факты-то неизменны! Я низко кланяюсь Василию Савченко уже хотя бы за то, что он в своем капитальном труде «Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны» собрал огромный фактический материал и очень подробно изложил его на пятистах страницах книги...

С Михаилом Шнейдеровым мы вместе сделали двадцать (!) короткометражных и полнометражных документальных фильмов. Я писал сценарии, он — режиссировал. Были и фильмы «про войну». Уж ее-то он, фронтовой кинооператор, знал досконально. С сорок первого года, из заснеженного Подмоскovie, и до сорок пятого, до горящего рейхстага и развевающегося знамени Победы Михаил Шнейдеров пронес единственное свое оружие — кинокамеру. «Der Mann mit der Kamera» — так немцы назвали фильм о нем. Показали Мишу улыбочивого и задумчивого, крупными и общими планами на фоне взрывов, пожаров, разрушенных городов, рядом с трупами Гитлера и Геббельса... И все было чистой правдой.

Но они не сказали, что это был человек двойного солдатского мужества. Да, да! Двойного! Кто спорит — очень много храбрости надо таить в себе, чтобы вместе с десанниками носиться по немецким тылам и снимать, снимать, снимать, имея оружия всего-ничего: поганенький пистолетишко с неполной обоймой патронов. Но эту храбрость надо возвести в квадрат, потому что имел Миша пресловутую «пятую графу», не вписанную, правда, в удостоверение личности кинооператора Михаила Шнейдерова, но ясно читавшуюся на его ли-

це. Попадись Миша немцам... Да, двойной смелости был этот солдат с кинокамерой!

А Григорий Акмолинский? Мы — журналисты знали его как большого фотомастера, человека необычного видения. Кое-кто читал его рассказы. Лирические, словно бы вышитые серебряными нитями на нежном бархате... И совсем уж немногие были посвящены в Гришину военную биографию. А она, как контраст к мирным дням, грохотала взрывами, пропахла пороховой гарью и терпким запахом пота-крови. Этот темноволосый, обаятельной наружности человек несчитанными днями-ночами мотался по оккупированной немцами территории между Ленинградом и Эстонией и громил врага испытанными партизанскими методами — налетами на штабы и комендатуры, взрывами мостов и железнодорожных путей. И плевать хотел на карателей, хотя и знал: схвати его немцы, отмерят ему муки двойной мерой. Одной — за партизанство, другой — за еврейство... Болеет сейчас Гриша. Сильно болеет. Сердце, оно ведь помнит все, а потому сбивается с ритма, взрывается и взрывается теми, далекими теперь уж партизанскими взрывами...

Теперь коротко о человеке, которого буду помнить до конца дней своих. Лет десять назад случайно услышал по радио: художник Юрий Авдеев ослеп от ранения, полученного в боях под Ригой. Помчался в подмосковный городок Чехов и... И был потрясен! Судьбой солдата-художника, почти полностью ослепшего, но нашедшего в себе силы продолжить творчество. Рассказывал, как писал по памяти, на ощупь, кончиками пальцев определяя цветные тона и полутона, каким-то наитием выстраивая на полотне сюжет, композицию. Все стены его комнаты были увешаны врезавшимися еще на войне в сознание картинами израненной природы.

Только одно полотно было обычным: привычный для нас профиль Риги. Но без мостов через Даугаву и не по-мирному пылающей листвой береговых деревьев. Крохотные буковки в уголке: «Рига, 15 октября 1944 года». Это был последний пейзаж, написанный Юрием Авдеевым не по памяти, а с натуры...

У нас праздник Победы отменен. И как же это здорово, что именно еврейское общество стало инициатором издания этой книги. О тяжелой участи евреев в годы Второй мировой войны мы знаем очень много. Теперь к этим знаниям прибавляются новые крупницы. Судьба евреев-фронтовиков благода-

ря этой книге станет известна широкому кругу читателей и, надеюсь, послужит веским доказательством того, что нет «плохих» или «хороших» национальностей, а были, есть и, наверное, будут соответствующей категории люди. Меня особенно радует, что эта книга начисто опровергает утверждения злобных клеветников о якобы генетической трусости евреев, их неспособности на героизм, подвиг, самопожертвование. И авторы сборника, и мои друзья, о которых я рассказывал, — тысячи и тысячи евреев на полях Второй мировой жизни своими доказали обратное.

У меня за плечами не только война, но и почти 50 «литературных» лет. Написано за эти годы много. В том числе и о войне. Говорю совершенно искренне: горжусь, что удостоен чести быть напечатанным на страницах этой книги. Но еще большую гордость вселяет в меня сознание, что в наше тяжелое время в Риге отыскивали друг друга люди высокого гражданского мужества и общими силами отдают долг памяти ветеранам войны вообще и бывшим солдатам 130-го латышского корпуса, в частности.

Мы не вернулись! Нет! И когда окончатся наши дни земные, мы все равно погибнем там, на Второй мировой. Это не метафора, сказано не для красного словца, а так оно и есть. Потому что человек, сплетенный судьбой с войной, на ней остался навсегда, независимо от того, дожил ли он до первого дня Победы или до ее 50-летней годовщины.

Иногда мне или таким, как я, бросают упрек:

— Вы гордитесь своим прошлым от того, что в нем была война.

Да, гордимся! Не тем, что сеяли смерть и разрушение, не тем даже, что однополчане наши совершали подвиги, а просто тем, что у нас это прошлое есть. Есть! Оно не выдуманно, не нарисовано на холсте или бумаге, а существовало в яви.

Долгая страшная дорога 41-го года из Латвии на восток, длинные, но такие короткие для многих из нас пути от своих траншей до чужих под Старой Руссой или в Блидене преподали нам уроки жизни. Выучившись, мы вошли в последний день войны, навсегда запечатлев в глазах своих тысячи лиц, тысячи «я», обратившихся в прах...

В пятидесятый раз появляется на наших календарях святая дата: 9 Мая. В пятидесятый! Все меньше и меньше становится тех, чьей кровью окроплено это число. Таков закон времени. Но никакая неумолимость не способна стереть эту

дату из истории человечества. Давайте подумаем все об этом, прежде чем отрицать великую гуманность этого Дня.

Давайте станем в этот День чуточку добрее и сольем это «чуть-чуть» в наше общее житейское море. Может быть, тогда на его горизонте забрезжит настоящий свет? Может быть, от этого света у нас очистятся души...

И давайте, готовясь к этому Дню, будем помнить, что

У каждого была своя война,
Свой путь вперед, своя дорога к бою.
И каждый был во всем самым собою,
И только цель у всех была одна.

Ш. ЯКОБСОН,
43 гвардейская латышская
дивизия, рядовой

В тыл врага

В ночь с 13 на 14 января 1944 года грохот артиллерийской канонады отвлек внимание немцев от того места, где один из колхозников повел наш лыжный батальон в тыл врага. Мы должны были дойти до деревни Монаково (севернее Великих Лук), занять ее и окопаться. Предполагалось, что появление такого подразделения в тылу врага вызовет панику в стане противника и облегчит продвижение наших войск.

Шли всю ночь. Держались в стороне от дорог, не трогали попадавшиеся линии связи противника. На рассвете, когда до деревни оставалось несколько километров, командир батальона подполковник Райнбергс приказал спрятать автоматы под белые маскировочные халаты и выйти на главную дорогу, по которой непрерывно двигались немецкие автомашины.

Солдаты уничтожили несколько грузовиков. Стрельба на дороге привлекла внимание гарнизона деревни, нашу колонну стали обстреливать. Первым был убит подполковник Райнбергс. Он один был одет в темный полушубок, маскиро-

вочный халат не носил и этим, видимо, привлек внимание. Командование батальоном взял на себя майор Пономаренко, я был личным связным майора. По его команде подразделения развернулось в цепь и штурмом овладело деревней. Многие немцы сдались в плен.

Настроение у всех было приподнятое, некоторые вообще полагали, что одержана выдающаяся победа. Нашлись трофеи, некоторые изрядно подкрепились спиртным. Однако, немцы, оправившись от первого удара подтянули подкрепления, самоходные пушки и начали атаку. Бой продолжался целый день, деревня Монаково сгорела до тла. Но все атаки противника были отбиты, лыжники удержали занятый рубеж.

Вечером к батальону подошли основные силы дивизии. Подполковнику Янису Райнбергсу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Среди других я был награжден орденом Красной Звезды.

Г. ОЛЬШАНСКИЙ,
партизан

Мне было тринадцать

Щедрин — типично еврейское местечко в Полесской глухомани Белоруссии, где я родился. Гитлеровцы захватили его в первые же дни войны. Мало кому удалось уйти. Сразу создали гетто. Наша семья — мать, три сестры, дед, другие родственники — все находились там более полугода. В марте 42-го всех расстреляли.

Мне тогда было 13 лет. В тяжелых условиях человек зреет быстро. В канун массового убийства узников гетто мне удалось бежать. Долго блуждал по лесу, пока меня не взяли в партизаны. Отряд входил в состав 123 партизанской бригады. Жили в шалашах. Была строгая дисциплина, учеба. И я учился подрывному делу: три шашки тола, шнур, взрыватель, замедлитель, кресало для получения огня... Снова и снова давали нам вводную: вот объект, действуйте! Все движения доводили до автоматизма. Счет шел на секунды.

Нас без конца учили: надо не только подорвать рельсы, но и уйти живыми, здоровыми, по возможности не оставляя следов.

Действуя в контакте с другими партизанскими отрядами, мы неоднократно прерывали железнодорожное сообщение в немецком тылу подчас на целую неделю. Мне много раз доводилось участвовать в подобных операциях. Кроме того, меня использовали как разведчика. В таких делах мальчик вызывает меньше подозрений, чем взрослый человек. К тому же внешне я не был похож на еврея.

Ходил я в ближайшие деревни, выяснял, где стоят фашисты, каковы их силы. Все же дважды попадался в руки полицаем. Первый раз ночью удалось бежать, а то бы утром расстреляли. Второй раз уже вели на казнь. Партизаны выручили: трех конвоиров убили из засады.

Как святыню храню партизанскую медаль. Местечко наше продолжает существовать. Но евреев там уже нет ни одного.

И. БЕЙЛИН,
старший лейтенант,
538 отдельная разведрота

Разведка донесла

Наблюдательный пункт нашей разведроты находился на высоком дереве близ переднего края. В тылу противника с него просматривался небольшой участок дороги, всего восемь—десять метров. В течение нескольких дней получали оттуда такие донесения: «В направлении переднего края противника проследовали восемь солдат, две повозки, одна автомашина. В сторону тыла проехала санитарная машина». Словом, ничего представляющего оперативный интерес.

И вдруг донесение: «в сторону переднего края проследовало 40 легковых автомобилей». Мы знали, что в танковых дивизиях вермахта каждый командир роты имеет легковую автомашину. Авиаразведка и партизаны сообщали, что где-то на подходе находится 12 танковая дивизия СС. Вывод напрашивался сам собой.

Надо сказать, что происходило это в феврале 1944 года в районе реки Великой, на западном берегу которой наши войска захватили плацдарм длиной около восьми километров и глубиной около трех километров. Занимала его 182 стрелковая дивизия. Естественным было стремление противника сбросить наши войска в реку.

В дивизии была объявлена тревога, донесения разведчиков ушли в вышестоящие штабы. Последующие события подтвердили правильность наших выводов.

В шесть часов утра противник начал артподготовку, которая продолжалась сорок минут. Затем на нейтральную полосу вышли танки и пехота, которые двинулись к нашему переднему краю. И вдруг с другого берега реки раздался залп «Катюш» и за ним последовал шквальный заградительный артиллерийский огонь. Немецкие войска не выдержали и, понеся огромные потери, отступили. Были уничтожены сотни вражеских солдат, множество танков.

Мы с изумлением прислушивались к продолжительной канонаде с другого берега. Как было известно, там находилась лишь дивизионная артиллерия с ограниченным количеством снарядов. Объяснение узнали позже. Получив донесение разведки, командование срочно перебросило туда артиллерийскую дивизию, находившуюся на марше с Ленинградского фронта. Ночью она заняла позиции и утром сумела огнем остановить наступление противника.

Вот такую роль сыграло одно донесение с одного наблюдательного пункта.

Е. ПИАСТРО,
полковник авиации,
264 штурмовой авиационный
полк

ИЛЫ ИДУТ В БОЙ

Кто из летчиков не помнит свой первый боевой вылет!

У меня он состоялся 5 августа 1942 года. Получили приказ — сорвать переправу противника через реку Кубань у

города Армавир. Час спустя два звена (8 самолетов) были готовы к вылету. Первую четверку вел я. Истребителей прикрытия не было.

Набрали высоту 1400 метров и идем строем «клин». При подходе к цели рассредотачиваемся в колонну по одному, чтобы точнее бомбить переправу и вести прицельный огонь по скоплениям войск врага. Цель просматривается плохо. Истребителей противника не видно, но вокруг нас очень много «шапок» — разрывов зенитных снарядов.

Говорят, есть бесстрашные люди. Уверен, что чувство страха испытывает любой. Видишь вокруг массу разрывов и невольно думаешь: какой из них судьба приготовила для меня? Но сильнее страха — чувство долга. Ответственность за порученное дело подавляет страх.

Вижу, что бомбы ложатся точно. При выходе из пикирования открываю огонь по скоплениям машин и ложусь на обратный курс. За мной, выполнив задачу, следуют остальные. Идем на малой высоте — 50—100 метров, чтобы нас не могли атаковать снизу. Ориентируемся по курсу, времени и станции Курганная, которая впереди справа вся в огне.

Вроде, все нормально: задание выполнено, все целы, следуем домой. И вдруг... кабину со всех сторон пронзают красные стрелы. Осколки оргстекла разлетаются и ранят руки. Задымил и не тянет мотор. Стремительно теряется и так малая высота. Мелькает мысль, что возможно успею сесть с убранным шасси в кукурузу, прямо перед собой. Убираю голову чуть в сторону, чтобы не удариться о прицел, укрепленный впереди. Сажусь на «пузо». В клубах черного дыма выскакиваю из кабины, отбегаю подальше и ложусь. Самолет загорается. Рвутся оставшиеся снаряды.

Отлежался, пришел в себя и стал думать, как выбраться к своим? Обстановка неясная, немцы могут быть уже где-то впереди. Пошел кукурузным полем. Встретил женщину. Она сказала, что гитлеровцы в их станице уже были. Повесили председателя сельсовета, еще несколько человек, и ушли.

Иду полями, осторожно. Местами горят стога соломы, видны разоренные полевые станы, бродит безхозный скот. После полудня увидел автомашину. Меня подвезли до переправы у Усть-Лобинской. Там стояли заградительные отряды. Они задерживали беспорядочно отступающих и создавали из них новые формирования. Меня проверили, отпусти-

ли и к ночи я пришел в Майкоп. К утру уже был на своем аэродроме.

Ведущий второй группы рассказал, что он видел, как к нам сзади сверху подошли два «Мессершмидта». Используя нашу неопытность и отсутствие защиты сзади (тогда еще воздушных стрелков в самолете не было), они пристроились в «хвост» и расстреляли в упор два самолета. Я уцелел случайно. Пилот второго самолета погиб. Во второй группе тоже один не вернулся. Нас это многому научило. Еще долго пришлось выполнять боевые задания без истребителей прикрытия. Но мы приобрели опыт, перестроили свои боевые порядки таким образом, чтобы и без воздушных стрелков обеспечить просмотр задней сферы и взаимное прикрытие огнем друг друга. Теперь противник уже не мог безнаказанно пристроиться в «хвост».

Заняв Майкоп, фашисты рвались к морю, в Туапсе и в горы к городу Апшеронск, к богатым нефтяным месторождениям. Мы наносили удары по колоннам и скоплениям войск противника, обнаруженным воздушной разведкой. При этом разрыв времени между обнаружением целей и вылетом штурмовиков на их поражение должен был быть минимальным. Для этого заранее была определена очередность вылетов. Все самолеты заблаговременно заправлялись полным боекомплектом. Средства поражения были достаточно мощные: бомбы и реактивные снаряды, две 20-миллиметровые пушки и два крупнокалиберных пулемета.

Действовать приходилось небольшими группами, так как в ушелях гор, по которым проходили дороги, возможность маневра была крайне ограничена. Немцы установили огневые точки на склонах гор, их истребители прикрывали колонны войск.

На цели мы старались выходить незаметно, с «хвоста» колонны или группы врага, используя малые высоты полета. Атаки выполняли парами. Все же потери были чувствительными. Но в том, что противнику не удалось захватить Туапсе, есть заслуга и летчиков нашего полка.

Потеряв почти половину летчиков, мы вылетели на переформирование в Закавказье, а затем нас перебросили в Куйбышев. В дальнейшем наш полк участвовал в боях под Моздоком.

Хочется рассказать еще об одном эпизоде в самом начале моего боевого пути. Я был штурманом авиационного полка

на самолетах ИЛ-2. Две эскадрильи, после посадки под Сталинградом, должны были вылететь на Северо-Кавказский фронт. И вдруг — задержка! Нет связи, неизвестна обстановка. Ждем сутки, вторые. И решаем: лететь согласно приказу.

Учитывая длину маршрута, нам следовало в пути дозаправиться горючим в городе Элиста. Но с Элистой связи не было и никто не знал, в чьих руках город. Решили лететь на прямую, на пределе горючего.

Вылетаем на рассвете двумя группами. Идем на высоте 1200 метров. С полным боевым комплектом, но без бомб. На траверзе пересекаемой дороги на юг — облака пыли. Колонны войск и техники. Ведущий помахивает крыльями: показывает этим, что, мол, «идут свои». Но вдруг вокруг нас возникает шквальный зенитный огонь. Оказывается, это колонна фашистских войск и техники, прорвавших фронт у Ростова и идущих на юг.

Вижу, как загорелся самолет ведущего. Он упал на землю и взорвался. Я вышел вперед и повел группу, согласно приказу, на аэродром Кропоткин. Горючего было мало, поэтому я сел с ходу и принимал остальных.

На аэродроме ни живой души. Связи нет ни с кем. Тут над летным полем появляется «рама» — немецкий разведчик. Что делать?

Минут через 15 подлетает на мотоцикле майор-танкист.

— Зачем сюда сели? — ошарашил он нас вопросом. — Все ушли, аэродром оставлен. Его прикрывает всего одна батарея, которая уже снимается с позиций. Немцы в четырех километрах. Улетайте скорей!

Стараюсь сохранить спокойствие, поясняю:

— Улететь не можем. Нет горючего.

Майор задумался, затем сказал:

— Ждите минут 20—30. Если мост еще не взорван, то пришлю цистерну. Если ее не будет — решайте сами...

Положение аховое. Если не привезут горючее, надо будет сжигать самолеты. Как на это решиться!

Время тянется изматывающе медленно. Вдруг на полном ходу на аэродром влетает трехтонная цистерна. Быстро направляемся. Взлетаем по одному на малой скорости, чтобы собраться, идем вдоль железной дороги на юг. На подходе к Невиномысской вижу на аэродроме большое количество самолетов разных типов. После посадки докладываю старшему

начальнику, что по моим наблюдениям фашисты прорвали линию фронта и быстро передвигаются на юг. Если их не остановят, то в ближайшие двое суток они будут здесь.

— Не распускайте провокационных слухов, — перебивает он меня. — Ни о каком прорыве мы не знаем. Горючего у нас нет, потому и скопилось тут столько самолетов. Вас одного я заправлю. Вылетайте на аэродром Советская. Там в штабе получите указания...

К вечеру мы сели на аэродроме в станице Бесскорбной. Разместились на ночлег в школе и в доме колхозника. В седьмом часу утра получили приказ перелететь в Майкоп. В это время на аэродром приехало много колхозников, в основном женщин и детей. Они привезли нам молока, сметаны, меда, фруктов, вина. Узнав, что мы собираемся вылетать, многие со слезами на глазах спрашивали:

— На кого нас покидаете? Кто нас защитит!

Тяжело было. Опустив головы, мы слушали эти упреки.

* * *

У меня пять боевых орденов, множество медалей. Не один десяток лет отдан армии. Много было в жизни разного — и радостного и горького. Но это прощание, эти слезы, эти искренние чувства людей запомнились навсегда.

А. РОЗИНСКАЯ-КОЗЛОВА,
ефрейтор, 1809 полк
малокалиберной зенитной
артиллерии

Случай на станции

Мое детство и юность прошли в Риге. Росла в интеллигентной семье, училась в немецкой школе, танцевала в ритмико-балетной группе Сильвы Будо в зале еврейского общества. И вот такая девочка-белоручка сознательно, добровольно пошла в армию, движимая одним желанием — помочь

поскорее изгнать фашистских захватчиков и вернуться в Ригу к маме. О том, что мама расстреляна в Румбуле, я узнала лишь в конце 1944 года.

Наш 1809 полк малокалиберной зенитной артиллерии формировался в Куйбышеве (Самара). Это были месяцы суровой муштры. Девочкам по сравнению с парнями не делалось ни малейшей скидки. Ползали в грязи по-пластунски с тяжелым грузом за плечами, таскали тяжеленные железные ящики со снарядами для наших «малых» пушечек.

И вот, наконец, отправка на фронт. Правда первое боевое крещение мы получили уже в пути. Наш эшелон днем двигался, а ночью стоял на перегонах между станциями с потушенными огнями. Одной такой черной ночью на станции Жмеринка скопилось семь или восемь эшелонов. Наш — с пушками, соседний, загруженный авиабомбами, рядом — кавалерийский полк, дальше — танковый.

В ту ночь я дежурила на паровозе. В моем распоряжении был полевой телефон для связи со штабным вагоном.

Неожиданно из здания станции в ночное небо взлетели красные сигнальные ракеты. Как потом выяснилось, начальник станции умышленно задержал эшелоны, сконцентрировал их на станции, чтобы вражеская авиация одним махом могла их уничтожить.

Машинисты мгновенно оценили ситуацию и попытались развести составы. Но было поздно. Сначала над нами загорелись яркие лампы. Стало светло, как днем. А потом начался адский грохот. Одна бомба разорвалась в нескольких метрах от нашего паровоза. Локомотив повалился на бок, как подстреляная птица. Машинист крикнул мне: «Прыгая, дочка, в воронку, дважды в одно место бомба не попадает!».

Но я побежала к своим. Там все залегли за какими то бочками. Бомбы попали в состав с боеприпасами, они начали рваться. Осколки полетели во все стороны. Дико заржали лошади в соседнем эшелоне. Когда бомбежка поутихла, я подняла голову и увидела, что мы залегли за бочками с бензином! К счастью, они не были повреждены. А бедный машинист, спрятавшийся в воронке, погиб. Вопреки расхожему мнению, в воронку вторично попала бомба.

...Мы перетаскали из разбитых вагонов снаряженные ящики и прочее имущество, расположились в соседнем лесочке под небольшими сосенками. Начинало светать. И тут показался немецкий самолет-разведчик. Он летел низко, видимо, изу-

чал результаты ночной бомбежки. Потом дал несколько очередей из пулемета, но никто из нас не пострадал. Мы хорошо видели летчика, и он прекрасно видел нас. Но ... о, чудо! Летчик высунулся из кабины, помахал нам рукой и улетел. А ведь ему ничего не стоило уложить всех нас прицельным огнем.

Много всякого было потом — и страшного, и забавного. Но этот случай запомнился особо.

Б. ЛЮБИН,
механик-водитель танка
Печатается посмертно

В плену

Наша дивизия двигалась по украинской земле на Винницу. По данным разведки неприятеля на нашем пути не было. Неожиданно в тыл соединения прорвалась крупная немецкая часть и отрезала нас от своих. В начавшемся бою дивизия была разбита, многие солдаты попали в плен.

Построив нас, немцы прежде всего начали искать евреев и комиссаров. Тех, кого нашли, тут же отвели в сторону и расстреляли. Меня ребята не выдали, а документы свои я успел закопать в землю. Зная, что ждет еврея, попавшего в плен к фашистам, я стал выдавать себя за крымского татарина. Увы, ни языка, ни обычаев крымских татар я, конечно, не знал, так что повстречайся мне уроженец Крыма этой национальности, пожелавший выслужиться перед оккупантами, моя участь была бы решена немедленно.

Но пока никто меня не трогал. Гитлеровцы погнали нас в лагерь и заставили копать противотанковые рвы. Не буду описывать жутких условий, в которых содержались пленные. Об этом уже и без меня рассказано немало.

Но даже среди этой массы несчастных людей мое положение было самым ужасным. С точки зрения гитлеровцев я не имел права дышать, смотреть на солнце и даже хлебать зловонное пойло, которым они нас кормили.

Через 12 дней земляных работ нас построили и стали выяснять, кто владеет техникой. Поскольку я был механиком-водителем танка, то и попал в число отобранных. Нас — всего 70 человек — перевезли во Францию, где мы занялись починкой автотехники. И вот там вскоре произошло то, чего я больше всего боялся. Во время ремонта легкового автомобиля ко мне подошел немецкий офицер и стал что-то говорить. Язык был явно не немецкий и не французский. Во мне все оборвалось. Я уставился на немца расширившимися от ужаса глазами, не зная, что делать...

Видя, что я его не понимаю, он перешел на русский.

— Ты не крымский татарин, — произнес он спокойно. — Крымский татарин вел бы себя иначе. Ты — еврей. Но не беспокойся. Я тебя не выдам.

И помолчав немного, добавил: — Мне все равно.

И в тех тяжелых условиях мы делали все, чтобы приблизить победу. Когда посылали в расположение гитлеровских войск, наши ребята засекали расположение вражеской техники, особенно зенитной артиллерии. Через знакомых местных жителей эти сведения доходили до союзников. Их авиация наносила точные удары по врагу. А вскоре они освободили и нас.

Бывших пленных перевезли в Англию, одели, стали хорошо кормить. Все это быстро вернуло нам силы, человеческий облик. Мне даже предложили остаться в Англии, но я отказался. Ведь в Союзе оставались родные и близкие, судьба многих из них мне была неизвестна.

Так из Ливерпуля нас отправили в Мурманск. Увы, здесь мы встретили совсем другое отношение. Лично меня отправили в так называемый фильтрационный лагерь, который находился в Эстонии. В течение двух месяцев офицеры СМЕРШа допытывались — кто мы, откуда, каким образом оказались в плену, не сотрудничали ли с немцами, не завербовали ли нас в Англии иностранные спецслужбы. Эту проверку я прошел и был направлен в воинскую часть шофером. А в ноябре 1946 года меня демобилизовали.

Ю. ХИЖИНСКИЙ,
инвалид войны третьей группы,
лейтенант 152 истребительно-
противотанкового полка

Еврей-казак

Поразительно, но я отчетливо помню 22 июня 1941 года, как мы с отцом застыли у репродуктора. Германия вероломно напала на СССР! Я почувствовал, как рука отца опустилась на мое плечо.

— Сынок. Первым пойду я, а потом ты. С немцами воевал в первую мировую и знаю война будет тяжелой и долгой.

Отцу тогда исполнилось 48 лет, призывались мужчины до 45-летнего возраста. Я только кончил десятилетку, был еще двухлетний братик. И все же отец пошел и погиб в боях под Москвой.

Весной 1942 года меня направили в Харьковское училище противотанковой артиллерии, которое находилось в Средней Азии. Окончив его, я в звании лейтенанта командовал взводом 45 мм пушек и принял участие в заключительных боях по разгрому Сталинградской группировки врага.

Затем было форсирование Днепра. Наш артполк занял позиции на окраине деревни Вишневый Гай. Впереди метрах в тридцати залегла пехота. На рассвете мы услышали рев танковых моторов. Появились три штурмовых орудия «Фердинанд». Открыв ураганный огонь из автоматов и пулеметов, фашисты устремились к окопам пехоты, которая дрогнула и начала отползать за наши орудийные позиции.

Загорелась соломенная крыша хаты, впереди которой стояли наши пушки, и дым стал укрывать орудийные позиции лучше всякой маскировки. Выйдя на открытую позицию, «Фердинанд» вывел из строя пушки первого взвода, который находился чуть сзади нас. За дымом противник наши орудия не заметил, и мы начали охоту за самоходками. Первый выстрел! В бинокль я вижу, как снаряд с «брызгами» отлетает от башни «Фердинанда». Еще бы, ведь толщина лобовой брони у него превышает 140 миллиметров!

Вдруг самоходка развернулась боком, чтобы поразить орудия соседней батареи. Наводчик — москвич Синяков уда-

рил по-снайперски в бок, в моторную группу, и «Фердинанд» загорелся. К нему приблизился другой, очевидно, чтобы оттянуть его буксиром. В него всадили второй снаряд.

Мы уже торжествовали победу, но забыли о третьей самоходке. Она скрытно подобралась к нашим позициям, сделала всего два выстрела осколочными снарядами. Но этого было достаточно, чтобы вывести из строя весь взвод. Осколком убило удачливого наводчика, ранило в голову заряжающего, мне осколок попал в правое бедро, и я свалился у пушки.

Пять месяцев я провел в госпитале. Только в середине марта 1944 года получил назначение в 152 истребительно-противотанковый полк, который входил в состав четвертого гвардейского казачьего кубанского дважды краснознаменного орденов Суворова и Кутузова кавалерийского корпуса. Длинное название! В нем, собственно, все заслуги соединения. Так я стал казаком.

Корпус в это время развивал наступление на Одессу, мой родной город. Я успел побывать в нем, осмотреть дом, где я родился. Следующий этап — Белоруссия. Здесь мы показали, что уже научились воевать. После мощной артподготовки, бомбовых и штурмовых ударов авиации, многократных залпов «катюш» в бой вступали танки, за которыми в прорыв вводились казачьи эскадроны. Не раз штурмовую группу возглавлял лично командир казачьего корпуса генерал Плиев. Он садился на броню передового танка и давал команду — «вперед!».

Наш артиллерийский полк обычно следовал за танками, сзади в конном строю мчались казаки. Как только первый танк, на котором находился генерал, попадал под вражеский огонь, Плиев забирался внутрь бронированной машины и руководил боем оттуда — приказывал артиллеристам занять огневые позиции, а казакам после артобстрела из танков и пушек атаковать врага в конном строю.

Прорвав оборону противника, наша конно-механизированная группа за 10—12 часов непрерывных боев углублялась на 40—50 километров, громила немецкие резервные линии обороны, крупные опорные пункты, подкрепления в живой силе, которые двигались к фронту. Фактически мы воевали окруженные со всех сторон, но этого теперь никто не боялся. У нас были тройные запасы боекомплектов, горючего, питания. Доставались нам и богатейшие трофеи. Единственный недостаток состоял в том, что медицинскую

помощь могли оказать только свои медики, при этом сложную операцию в походных условиях сделать было невозможно.

Так с боями, не задерживаясь на одном месте более суток, мы освободили многие города Белоруссии — Слуцк, Слоним, Минск, Пружаны и у Бреста вышли к государственной границе СССР. Никогда не забыть, как нас встречали в партизанских районах Белоруссии. Мы делились с товарищами по борьбе и уцелевшими жителями богатыми трофеями, продовольствием, а взамен просили угостить нас вареной бульбой — картошкой, по которой очень соскучились.

Двигаясь дальше по территории Польши, мы были потрясены лагерями смерти, в которых гитлеровцы уничтожали главным образом евреев. Мне довелось побывать в Майданеке, этой изуверской фабрике смерти. Сюда сгоняли евреев из всех стран покоренной фашистами Европы. Их трупами были заполнены рвы, в наспах сколоченных бараках томились тысячи заключенных. Конечно, мы пробыли здесь всего несколько часов. Надо было двигаться дальше. Вскоре из Польши наша группа была переброшена в Румынию. Начался новый рейд через Трансильванию к Венгрии. В районе города Ньиредьхаза казачья дивизия и наш артиллерийский полк оказались в окружении. Под руководством начальника штаба майора Духовного, кстати сказать еврея по национальности, организовали круговую оборону, которая оказалась непреодолимой для врага.

В заключение хочется рассказать о боях в Чехословакии. Город Брно стал для меня местом второго рождения. Мне было приказано выбрать место для развертывания двух батарей на танкоопасном направлении. В ходе осмотра местности к нам подбежал один чех и закричал, что в соседнем доме спрятались два немецких автоматчика. Я толкнул ногой дверь и метнул гранату внутрь. Через мгновение она вылетела обратно и закрутилась у моих ног. Мы с разведчиками бросились плашмя на тротуар, прикрыли головы прикладами автоматов и мысленно отсчитывали роковые секунды — один, два... пять. Но граната не взорвалась.

Запомнился, конечно, и последний бой. Артполк оседлал шоссеюную дорогу, ведущую из Брно на запад. По ней отступали немецкие бронетанковые части. Две батареи 76 мм пушек заняли позиции. Как только рассвело, мы увидели колонну — восемь «Тигров», бронетранспортеры, две легковые

машины с офицерами. Дальше все произошло как на учениях. Моя батарея первыми же снарядами подожгла головной танк, соседняя — последний. Колонна оказалась в клещах, вскоре остался целым только один танк, осколочными снарядами была уничтожена большая часть живой силы.

Забавная деталь — когда уцелевшие немцы сбежали, в неповрежденный «Тигр» забрался лейтенант Петров, быстро освоился с управлением и направил танк к своей батарее. Мы намалевали на нем большую красную звезду и с тех пор трофейная бронемашина замыкала колонну полка на марше.

И вот финал. 9 мая с двумя разведчиками я принимал капитуляцию немецких войск в чешском городе Йиглаву, примерно в 120 километрах от Праги. Было их там довольно много, вооружены до зубов. Впереди большой колонны шел подполковник. Поравнявшись со мной, лейтенантом, он отдал честь и сказал: «Господин офицер! Я подчиняюсь приказу о капитуляции и сдаю свое оружие».

С этими словами он отстегнул кобурку с пистолетом и еще вытащил из кармана миниатюрный «Вальтер». Затем добавил: «Господин офицер! Мой отец, генерал, в день окончания мною офицерской школы подарил мне карманные часы знаменитой фирмы «Юнганс». Я не хочу, чтобы они достались тыловику. Прошу Вас принять их как трофей в знак окончания войны».

Спустя сорок лет я снова побывал в этом городе и передал трофейные часы Степану Халоупке, представителю общества советско-чехословацкой дружбы. Для меня же дорогой реликвией стала медаль «Заслуженный борец против фашизма», которую вручил мне в Праге генерал Шадек.

Е. ГРОССМАН,
подполковник,
335 штурмовая авиадивизия

С генералом не согласился

Наша дивизия получила приказ в полном составе вылететь к Кенигсбергу, чтобы оказать помощь войскам в штурме

города. Все было подготовлено к вылету. Над аэродромом стояло безоблачное небо. Командир дивизии генерал Александров вызвал меня и запросил прогноз погоды. Я сказал, что лететь нельзя — приближается низкая облачность с осадками. Когда самолеты будут возвращаться с задания, посадка на аэродром станет исключительно трудной, неизбежны большие потери.

Генерал прогнозу не поверил. И в самом деле погода стояла хорошая, мерно светило солнце. Не стесняясь в выражениях, возбужденный до предела, он, что называется, покряхтел последними словами. Как и полагается подчиненному, я молча выслушал этот разнос, но своего прогноза не изменил. Генерала можно было понять. Отказаться от вылета, да еще целой дивизией, значит сорвать боевое задание, оставить войска без авиационной поддержки. Последствия могли быть самыми серьезными. Легко себе представить и мое состояние. Что если прогноз не подтвердится? Честь офицера буквально висела на волоске.

В конце концов генерал вылет задержал и послал дополнительно самолет на метеоразведку. Вернувшийся летчик подтвердил мой прогноз, а буквально через сорок минут низкая облачность закрыла аэродром. Генерал обнял меня и расцеловал. Так была предотвращена грозящая катастрофа для целой штурмовой дивизии.

Этот момент глубочайшего нервного напряжения запомнился на всю жизнь. Впоследствии за обеспечение боевых действий авиации при взятии Кенигсберга я был награжден орденом Боевого Красного знамени.

Человек со стороны, я убежден, считает, что метеорологическая служба — это, как говорится, дело десятое. Подумаешь, дать прогноз погоды. Сколько раз слышим мы их каждый день и сколько раз они не соответствуют тому, что происходит на самом деле. В действительности на метеорологе, особенно в авиации, лежит огромная ответственность, и он там далеко не последний человек.

Все военные годы я был метеорологом. Начал лейтенантом на авиабазе скоростных бомбардировщиков неподалеку от Лиепая. 22 июня 1941 года ранним утром наш аэродром подвергся нападению авиации противника и был полностью разрушен. Через несколько дней новый бомбовый удар на этот раз по аэродрому в Елгаве, куда мы перебазировались.

Большие потери в людях, уничтожены десятки самолетов — таков его результат.

Это было невыносимо трудное время. Несколько раз приходилось бросать метеослужбу и выполнять обязанности штурмана или стрелка-радиста, участвовать в боевых авиаразведках. В этом смысле особенно запомнились бои под Москвой и Ржевом. Но постепенно положение выправилось, наша авиация стала господствовать в воздухе.

Наша дивизия принимала участие в боях на территории Латвии. С аэродрома Ауце Салдусского района она наносила мощные удары по отступающим гитлеровцам в районе Вентспилса. Как воспоминание о тех незабываемых днях у меня остались пять боевых орденов, множество медалей. Но, пожалуй, еще одного ордена стоит тот случай под Кенигсбергом, о котором я рассказал вначале.

В. КОПЕЛОВИЧ,
рядовой, 43 гв. латышская
стрелковая дивизия,
инвалид войны

Раны заживают, но не забываются

Первый раз попал на фронт в августе 1942 года под Старой Руссой. Наша рота 122 полка находилась в обороне в районе деревни Туганово. Свою позицию солдаты шуточно называли «Огурец», поскольку высота своими очертаниями напоминала этот овощ.

Ранним утром первого сентября я заступил на дежурство у пулемета. Стоял густой туман, почти ничего не было видно. Все же через некоторое время я стал замечать, что впереди то возникают, то исчезают силуэты людей. Это могли быть только гитлеровцы, которые, пользуясь туманом, решили захватить нас врасплох.

Чтобы выиграть время, я дал очередь из пулемета, а затем кинулся в блиндаж, чтобы разбудить спящих солдат. Взвод поднялся по тревоге, но немцы уже вплотную добе-

жали до наших окопов. В ходы сообщения полетели гранаты. Я был ранен в лицо, кровь залила глаз. На время я лишился зрения...

Медики подлечили меня и через полгода я был снова в строю. На этот раз в составе 121 гвардейского полка у деревни Сорокино. Мы с товарищем лежали в кустах и ждали, когда взвонится красная ракета. Это был сигнал, по которому я должен был из противотанкового ружья стрелять по амбразуре немецкого дота.

Первым выстрелом я, видимо, промазал. Пулемет продолжал стрелять. Я выстрелил еще раз. На этот раз удачно — пулемет замолк. Надо было сразу менять позицию. Не успели. Фашистский снайпер заметил нас. Одна из его пуль попала мне в плечо. Из раны сильно хлестала кровь. Я пополз по снегу в тыл и вскоре потерял сознание. А дело было в январе, стояли морозы. Только утром меня подобрала санитары. В тот же вечер эшелоном раненых повезли на Урал. Ехали неделю, в поезде перевязок не делали. Только в госпитале врач обнаружил, что у меня первая степень обморожения и началась гангрена. Сделали операцию — руку пришлось ампутировать. На этом война для меня закончилась.

Я дал своим воспоминаниям заголовок «Раны заживают, но не забываются». Самая большая моя рана — это судьба родителей и младшего брата. Когда я вернулся в Ригу, соседи подробно рассказали о том, как родители, отправляясь в гетто, везли свои вещи на тачке, несли на себе тяжелые сумки. А дальше... Они были в числе тех тридцати тысяч рижских евреев, которых расстреляли фашистские прихвостни.

Наши ветераны

И. КАГАН,
рядовой 43 гв. латышской
стрелковой дивизии
инвалид войны

Как и многие другие евреи, эвакуировался в начале войны в Россию, в январе 1942 года был призван в Советскую

Армию. В составе латышской дивизии участвовал в боях за Наро-Фоминск, был ранен. По излечении проходил службу в 14 СД. В июне 1942 года вторично тяжело ранен. Выписался на костылях. Жена и дети находились в Узбекистане, они умерли от сыпного тифа.

Родители, братья и сестры погибли в Рижском гетто.

М. ЦИТРОН,
инвалид войны

Мои последующие несчастья во многом объясняются тем, что в 1934 г. я уехал в Италию и учился там на медицинском факультете в г. Болонья. Окончил учебу в 1940 году, практику проходил в рижской еврейской больнице «Бикур Холим». Уже при советской власти стал работать в хирургическом отделении первой городской больницы.

С началом войны отступал вместе с частями Красной Армии. Затем был назначен командиром медсанбата формируемой латышской дивизии, мне присвоили звание военврача третьего ранга. Перед самой отправкой на фронт меня арестовали. Я был совершенно потрясен, когда узнал в чем меня обвиняют. Как я узнал много позже, одна женщина сообщила в «органы», что в Италии я был членом фашистской партии. Никакие заявления, что это — бред, нелепые выдумки — не принимались во внимание. Меня неоднократно избивали, добиваясь признания, что я фашистский агент. Здоровье мое резко ухудшилось, я настолько ослаб, что еле передвигал ноги, появились мокнувшие раны.

Пресловутое «Особое совещание» осудило меня на десять лет лишения свободы, потом, как «фашистскому агенту» добавили еще пять. Не буду описывать свои злключения в разных лагерях. Об этом уже итак написано много. Отсидел я, как говорится, от звонка до звонка. Только в 1956 году был полностью реабилитирован.

З. АНШИН,
43 гв. латышская
стрелковая дивизия
мл. сержант, инвалид войны

О боевом пути нашей дивизии столько написано, что я, пожалуй, смогу добавить немного. Неподалеку от Старой

Руссы запомнились мне две деревни — Вайново и Туганово. В этом районе шли ожесточенные бои, из деревенских жителей никого не осталось. В деревнях весной, когда начал таять снег, появилось множество «подснежников». Так с горьким юмором называли трупы солдат — наших и немцев, которые не успели убрать или не заметили зимой. Здесь стоял устойчивый специфический трупный запах. Я понимаю, что даже читать это неприятно, а каково было нам — предстояло разместить здесь нашу батарею, в которой я был наводчиком 76 мм пушки.

2 декабря 1942 года погиб командир батареи капитан Зариньш. На следующий день я был тяжело ранен в коленный сустав левой ноги. На этом для меня война кончилась.

Л. ЯГОЛКОВСКИЙ,
полковник медицинской
службы

22 июня 1941 года готовился к сдаче очередного экзамена в Военно-медицинской академии в Ленинграде (учился на втором курсе). Уже в ночь на следующий день мы начали развертывать военный госпиталь в помещении школы. Потом учились и, одновременно, работали санитарам, дежурили на крышах — сбрасывали зажигательные бомбы, строили бомбоубежища и прятали в них ценные книги из Фундаментальной библиотеки.

В середине ноября наш курс самолетом вывезли из Ленинграда. Доучивались в Самарканде. Только в марте 1944 года я получил диплом с отличием, а в апреле стал старшим врачом 48 полка, 17 гвардейской дивизии. С этой частью прошел Белоруссию, южные районы Латвии, северные районы Литвы. Дошли до Кенигсберга. А потом нас эшелонами повезли в Монголию, чтобы принять участие в заключительном акте Второй мировой войны.

Ш. ПАНЦ,
старший сержант,
64 танковая бригада,
инвалид войны

Наша семья — отец, мать, сестра, брат и я, шестнадцатилетний паренек, успели уехать из Риги 28 июня 1941 года.

Старший брат Залман в это время служил в Латвийской армии в Салдусе. Он вернулся домой уже после нашего отъезда и сразу же был убит.

В 1943 году меня, наконец, взяли на военную службу. Стал командиром отделения в одном из полков 75 СД. Дошел с этой частью до Варшавы, где был тяжело ранен. По излечении воевал в Чехословакии, оттуда нашу бригаду отправили на Дальний Восток.

М. РУДЛЯ,
рядовой 43 гв. латышской
стрелковой дивизии

У моего друга было двое детей; и все же мы вместе решили уйти от наступавших гитлеровцев, благо шли не из Риги, а из Абрене. Я нес его годовалого сынишку, завязанного в полотенце, пятилетняя дочурка, держась за юбку матери, шла сама. Трудно в это поверить, но мы таким путем преодолели больше ста километров. Потом нам удалось сесть в железнодорожный эшелон, который доставил нас в далекий Омск.

Вскоре меня призвали в армию. В июне 1942 года на Северо-Западном фронте, в 43 гвардейской, был ранен, находился в госпитале в Ярославле, потом снова в своей дивизии, участвовал в освобождении Латвии. Мать, сестра с семьей, два брата, двоюродные братья и сестры с семьями, всего 27 человек, были расстреляны.

Х. ГИРШОВИЧ,
подполковник, 105 СД

Всю войну провел на Дальнем Востоке. Лейтенант, командир стрелкового, а затем минометного взвода. Стояли в десяти километрах от границы с Маньчжурией, оккупированной японцами. Поскольку их нападение на Советский Союз долгое время считалось возможным, мы находились в постоянной боевой готовности.

В конце июля 1945 года получили приказ подготовиться к форсированию пограничной реки Сунгач и затем перейти в решительное наступление. Рельеф местности нам не благоприятствовал — топкое болото, поросшее мхом. Плели из

лозы маты, обвязывали их плащ-палатками, минометы разбирали — стволы и лафеты переправляли отдельно.

Девятого августа в два часа ночи началась артподготовка, которая длилась два часа. И все же переправа через реку проходила под шквальным огнем японцев. Особенно досаждали пулеметы, установленные в дотах. Потом мы обнаружили, что стреляли так называемые камикадзе-смертники, которые были прикованы цепями. Помнится, в болоте утонули два наших танка вместе с экипажами.

Все же река была преодолена, установлен понтонный мост, по которому двинулись основные силы. Дунань, Мишань, Линкоу, Мудацзян — таковы названия китайских городов, через которые прошел боевой путь нашей дивизии. Особенно запомнился Мудацзян, жители которого встречали наших солдат особенно тепло.

Мой брат Наум, сержант, пропал без вести во время войны. Я еще четверть века прослужил в армии.

С. ЛИХТЕНШТЕЙН,
начальник моторного цеха
автобронетанкового завода

Еще до войны работал на автобронетанковой базе Киевского военного округа в г. Коростень. С началом войны отходили вглубь страны. Воронеж, Астрахань, снова Воронеж, Орел, другие города. В каждом из них база быстро развертывалась, ремонтировали боевую технику. И все это под непрерывными бомбежками. Нередко все рабочие жили в землянках.

В ноябре 1944 года — последняя передислокация. Наша база, которая называлась уже автобронетанковым заводом № 42, прибыла в Ригу.

Н. СВЕРДЛИН,
рядовой 43 гв. стрелковой
дивизии

Особенно запомнились бои под Москвой. Стояли трескучие морозы, а мы были одеты в простые сапоги. Я сам видел, как десятки солдат падали в изнеможении и оставались лежать на дороге — они не могли передвигаться. Артснабжение

нием нашей части ведал офицер Озолс. Он ехал на машине, груженной боеприпасами, попал под бомбежку и взорвался вместе со снарядами. В битве под Москвой я был контужен. После выздоровления возвратился в свою часть и прошел с ней весь боевой путь.

Г. МАРИНБАХ,
капитан, 44 отдельная
мотобригада РК

Почетный гражданин

Война застала меня в Белоруссии, в городе Белостоке, куда накануне я приехал в гости. В четыре утра 22 июня нас разбудили взрывы авиационных бомб и гул пролетающих самолетов. Сперва подумали — маневры. Но пожар на железнодорожной станции убедил, что началась война.

В пять утра я явился в военкомат. Всего нас собралось человек полста. Царила растерянность, никто не знал, что делать. Наконец сформировали маршевую роту и на двух грузовиках мы, как были в гражданском и без оружия, направились в город Ломжу, где вроде находился танковый корпус.

Навстречу нам двигались сотни машин, военных и гражданских, телеги, повозки, брички... Шло множество людей. Они стремились уйти от наступающих гитлеровских войск. Над ними на бреющем полете проносились штурмовики, методично расстреливая все, что двигалось на дороге. Страшно было наблюдать массовое убийство мирного населения. Ведь беженцами в основном были старики, женщины, дети. По всей дороге горели автомашины, валялись трупы, слышались стоны раненых.

К 16 часам подъехали к реке Нарев. Но моста через нее уже не было. На противоположном берегу шло сражение, через реку вплавь переправлялись остатки воинской части Красной армии.

Наша команда решила уходить на восток. Через сутки в лесу встретили большую воинскую часть. Ею командовал ре-

шительный капитан-танкист. Он сумел поднять у людей настроение. Но далеко не у всех из нас имелось оружие, поэтому нам приходилось уклоняться от открытого контакта с врагом.

На пятые сутки мы с боем перешли шоссе, снова углубились в лес. К утру обнаружили поляну, где недавно был бой. Здесь догорали три наших танка, валялось несколько разбитых орудий и множество трупов красноармейцев и командиров. Мы похоронили их в ближайшем овраге, собрали разбросанное оружие и боеприпасы. Двинулись дальше, уверенные, что с тыла уже подходят свежие войска. Надежда эта помогала преодолевать нечеловеческие трудности.

В августе 41-го я уже находился в воинской части в районе Брянска. И снова окружение. Связь прервана, командир роты убит, еще раньше выбыли из строя командиры взводов. Я, хоть и рядовой, но как уже «обстрелянный», принял командование на себя.

Более двух суток двигались по густому брянскому лесу. Наконец вышли к дороге, по которой двигались немецкие части. Мы броском форсировали дорогу, но при этом потеряли более половины людей. Так ценой огромных потерь прорвались к своим. Всем нам объявили благодарность. Я был официально назначен командиром роты. Вскоре мне присвоили звание лейтенанта.

В июле 42-го наша рота охраняла переправу через Дон близ населенного пункта Борщево. Обстановка была сравнительно стабильной. Тыловые части организованно переправлялись на левый берег.

На рассвете немецкие бомбардировщики разрушили переправу. Дороги отхода на «свой» берег для нас не стало. Пришлось переправляться на подручных средствах. Благо досок и бревен от разрушенного моста было вдоволь. Уже у самого берега нас снова стали бомбить. Но большинство солдат успели переправиться. Мы с ординарцем плыли последними. Взрывной волной нас оглушило. Пошли на дно. Но солдаты вытащили и откачали.

В годы войны я не раз был ранен, контужен. Дослужился до звания капитана, стал заместителем командира батальона. В январе 45-го находился на излечении в армейском госпитале, километрах в ста от Будапешта. Был «ходячим». На рассвете 13 января мы были разбужены орудийной канонадой. Разрывы доносились со стороны тыла. В то утро должны

были подойти машины из армейского автополка для эвакуации раненных. Но они не прибыли. Что случилось?!

Около полудня к госпиталю подъехала полуразбитая полуторка. Сидевший в кабине лейтенант с перебинтованной головой рассказал, что рано утром на их артиллерийский дивизион, который находился на отдыхе во фронтовом тылу, внезапно обрушилась лавина германских танков.

Было тревожно. В госпитале более трехсот раненных. Многие в тяжелом состоянии. Вывезти их не на чем. А вражеские танки могут появиться в любой момент. Был только один выход. В 30 километрах проходила магистральная дорога на Будапешт. Надо было перехватывать там машины. Поручили это дело мне.

Поставив нашу «санитарку» поперек дороги, я с автоматом стал рядом. В течение двух-трех часов мы остановили и направили в госпиталь более полусотни автомашин. По мере их подхода персонал госпиталя бережно укладывал раненных на тюфяки и переносил в кузова грузовиков. А те сразу же направлялись по проселочным дорогам вдоль Дуная в Будапешт. К концу дня эвакуация закончилась. Как мы впоследствии узнали, немецкие танки ворвались в городок примерно через час после нашего ухода.

Оказалось, что прорвалась в наши тылы сводная ударная группа одиннадцати танковых дивизий СС. Натворила она немало бед, зверски уничтожила два фронтовых госпиталя со всеми ранеными.

В январе 45-го я участвовал в боях за Будапешт. В городе нашими войсками была блокирована большая группировка частей СС. Не в силах вырваться из окружения, эсэсовцы мелкими группами просачивались на занятую нашими войсками территорию и устраивали диверсии. Бороться с ними было трудно: они ходили в гражданском и выдавали себя за местных жителей.

Наше подразделение патрулировало район Пешта. Как-то обыскивая богатую виллу, я вдруг услышал шорох за дверью ванной комнаты. Рывком открыл дверь и увидел здорового детину с зажатым в руке кинжалом. Немец успел нанести мне удар по левой руке и чуть не отсек два пальца. Я дважды выстрелил из пистолета. Диверсант упал. Так я снова попал в госпиталь.

На третий день после окончания войны я был назначен военным комендантом венгерского городка Тата-Тата-Банья.

Как-то в августе возвращался на автомашине в свою комендатуру. Недалеко от города машину обстреляли из засады местные фашисты. Так, уже после окончания войны, я еще раз был ранен, в ногу.

На посту коменданта мне приходилось многое делать для налаживания нормальной жизни в городе и районе. С честью ношу звание Почетного гражданина города Тата-Тата-Банья.

В последующие годы я по приглашению венгерских властей не раз посещал этот город. И всегда мне оказывали самый теплый прием. Было много встреч и воспоминаний о тех далеких днях боевой юности.

М. КИТАЙЧУК,
сержант, 518 артполк
135 артбригады, инвалид
войны второй группы

Солдат как все

Начал писать свои воспоминания и как-то само собой на ум пришла небольшая деталь из сравнительно недавнего прошлого. Отмечалась очередная годовщина освобождения Даугавпилса. В статье, посвященной этому событию, газета «Советская Латвия» отмечала, что разгром гитлеровских войск достигнут общими усилиями воинов разных национальностей. В их числе упомянули ленинградца Гальперина — такая новая национальность была изобретена для того, чтобы заменить слово «еврей». Принижение роли евреев в борьбе против фашизма продолжалось годами. А мы, между прочим, были такими же солдатами как все.

...Летняя июньская ночь 1941 года. В нашей средней школе первый выпуск. Праздничный вечер затянулся за полночь. Вдруг мы услышали отдаленный гул самолетов и грохот, напоминающий глухие раскаты грома. Это гитлеровцы бомбили наш районный центр Паричи.

На фронт я попал летом 1943 года. Наш артполк состоял в резерве главного командования. Готовилось большое на-

ступление и нас разместили в деревне Новоселовка на Северном Донце. Это было огромное село с роскошными садами. Увы, от него осталось одно название. На рассвете началась мощная артподготовка. Наш полк, имевший на вооружении 152 мм гаубицы, активно в ней участвовал. Командир батареи капитан Гутман, я, командир отделения разведки, и мой друг связист Вася (фамилии не помню) находились на выносном командном пункте.

Мы видели, как на высокий западный берег реки один за другим стали выползать наши танки. И тут же волна за волной появились фашистские «Хейнкели». Весь световой день без перерыва они бомбили наступавшие части. Наши самолеты не было видно. Через три дня бои прекратились. Их итог — остовы сгоревших наших танков, огромные потери в людях. Наша батарея отделалась, правда, сравнительно легко.

Хочу рассказать здесь о моем друге старшине Калинине, который был санинструктором. Мы все звали его Михаилом Ивановичем, хотя он несколько не был похож на всесоюзного старосту. Маленького роста, безбородый, с хитринкой, он очень щепетильно относился к своим обязанностям. И надо отдать ему должное — много понимал в медицине. Его огромная сумка с ярким красным крестом была до отказа набита разными препаратами.

В начале 1944 года я сильно простудился. Температура поднялась до сорока. Меня укутали, положили на сани, привязанные к пушке. Но легче не становилось. Между тем армия вступила на территорию Западной Украины. Оставить меня в какой-нибудь деревенской хате товарищи не решались — ведь кругом «пошаливали» бендеровцы. В конце концов на это все же пришлось пойти. Калинин сам переговорил с хозяйкой. Что он ей сказал, я не знаю, так как потерял сознание.

Сколько времени я находился между жизнью и смертью не помню. Однажды ночью в оконное стекло постучали. Простуженный мужской голос тихо спросил: — Москали е?

— Няма, — услышал я хозяйкин голос и вновь забылся в тревожном сне.

Наконец пришел день, когда я почувствовал что выздоровел. Оказалось, я пролежал более двух недель. Несмотря на уговоры хозяйки, стал собираться в дорогу. Она достала

спрятанное мое обмундирование, положила в вещмешок продукты. Мы тепло распрощались.

... Обычно говорят, что солдат лучше всего помнит первый бой. Мне же особенно ярко запомнился последний.

Дело было в марте 1945 года в Чехословакии. Шло очередное наступление. Подготовлено оно было плохо. Врасплох противника не застали, артподготовка результатов не дала, били по пустому месту. Много наших танков было подбито фаустпатронами. И вот несколько фашистских танков двинулись на наши позиции. Батарея открыла беглый заградительный огонь. Видим к гитлеровцам подтягиваются подкрепления. И вдруг... Взрыв, пламя, дым... Я теряю сознание. Сколько времени проходит не знаю. Прихожу в себя. Витя, так мы, молодые ребята, по просту звали друг друга, лежит без дыхания, Коля ранен в живот, Вася с перебитыми ногами тихо стонет. Я тоже весь в крови.

Командир бригады дает свой «Вилис», чтобы вывезти нас к медикам. Колю и Васю уложили на заднее сидение, меня посадили рядом с шофером. Только тронулись, два «Мессера» вынырнули из облаков. Машина привлекла их внимание, начался обстрел. Я закрыл глаза. Покинуть «Вилис» не могу, нога перебита осколком.

К счастью самолеты только разрыхлили снег вокруг и умчались. Шофер вернулся на свое место и машина на бешеной скорости пошла в тыл на поиски медсанбата. А я... я вновь потерял сознание.

Е. ПЕРЕЛЬШТЕЙН,
капитан, инвалид войны

Братья

Перед войной наша большая семья жила в Ялте. В июне 41-го все мы, четыре брата, служили в разных частях Красной армии. Я, в то время лейтенант, был комендантом военного лагеря под Лугой (близ Ленинграда). Как-то ехал на электричке в свою часть. Было жарко. Вышел в тамбур, расстегнул воротничек, распахнул дверь, чтобы продуло. И вдруг слышу крики:

— Шпион! Держите его!

Ко мне подскочили двое в гражданском, заломили руки за спину и на следующей станции отвели к коменданту.

Недоразумение, конечно, сразу выяснилось. Но этот эпизод характерен для первых дней войны, когда бдительность нередко подменялась всеобщей подозрительностью.

В боях под Ленинградом я командовал ротой, был ранен и потерял зрение. После лечения в госпитале зрение восстановилось, но контузия давала о себе знать. Службу я мог продолжать только в тыловых частях.

Тоже под Ленинградом, только уже в 1944 году, погиб мой брат Хаим. Брат Шая был трижды ранен — под Феодосией, в Сталинграде и на Курской дуге. Участвовал он и в штурме рейхстага. Там в одном из кабинетов нашел уникальный косяной нож для разрезания бумаги. На рукоятке ножа была вырезана фигура Вильгельма Телля и мальчика, держащего лук и стрелы. Этот трофейный сувенир Шая потом подарил мне. Вскоре после победы он скончался от последствий ранений. Ему было 45 лет.

Старший брат Ошер был трижды ранен и тоже вскоре после войны умер от приступа стенокардии.

... Отца и мать фашисты расстреляли в ночь на 18 декабря 1941 года. Тогда было уничтожено 1900 крымских евреев, в том числе около 500 детей. Детям смазывали губы раствором цианистого калия, и они погибали в муках. Все это я узнал от наших бывших соседей. Казнь происходила в трех километрах от Ялты у берега Черного моря. Так ушли из жизни дорогие мне люди. Из всей нашей большой семьи остался я один.

Ю. ДМИТРИЕВ,
капитан, 979 стр. полк,
253 стр. дивизия

Эти четыре года

- Какой язык Вы учили в школе?
- Немецкий.

Майор пытливо взглянул на меня и придвинул школьный учебник.

— Читайте!

«Иоганн Вольфганг Гете вурде им яре...» — Надо же так случится, что он дал мне читать текст, который в школе я знал почти наизусть. Прошло, правда, полтора года, как я ее окончил, но все же кое-что в голове осталось. Майор слегка поморщился, услышав мое произношение, но потом сказал: — Ничего, сойдет.

Экзамен этот происходил в госпитале. Нас, легко раненых и выздоравливающих, собрали и задали один вопрос: «У кого среднее образование?» Помнится из человек восьмидесяти подняли руки трое. Это меня поразило. Я свято верил во все, что нам говорили, в том числе и о культурной революции, а тут... Впрочем долго размышлять времени не было. После ранения левая рука была на перевязи. Да вообще в девятнадцать лет не до того.

По выздоровлении мне объявили — рядовой Дмитриев направляется на курсы рупористов. Я уверен, что многие читатели даже не слыхали о такой воинской специальности. Так вот рупорист это солдат, который ночью выползает не только на передовую, но в боевое охранение, на нейтральную полосу, и оттуда в рупор обращается к солдатам противника, призывая их сдаться.

На курсах нас напряженно учили по десять часов в день. И вот первый выход. Глубокой ночью с двумя бойцами прокрались мы насколько можно вперед, и я начал произносить выученный наизусть текст: «Дойче зольдатен унд официре...» Несколько минут длилось молчание, а потом с той стороны открыли огонь. Мы укрылись в щели.

Через некоторое время, когда стрельба стихла, попытались повторить. И снова пришлось прятаться. Хорошо еще, что ночью огонь велся нецельный, и мы целые вернулись в часть. Другим рупористам везло меньше. Были убитые и раненые. Шла первая половина 1943 года и, видимо, не от хорошей жизни применялся такой примитивный метод ведения пропаганды. Вскоре от него отказались. На смену пешим рупористам пришли радиоустановки на автомашинах с выносимыми далеко вперед рупорами. Вещание вели люди, отлично знавшие язык.

Меня же назначили переводчиком в стрелковый полк. В мои обязанности входило вести самый простой допрос плен-

ного. И вот привели первого немца. Не знаю, кто из нас больше волновался. К счастью все прошло благополучно. Он понимал мои вопросы, а я — его ответы. Это было уже глубокой осенью 1943 года, когда наша дивизия форсировала Днепр и принимала участие в боях за Киев. А потом с практикой приходил опыт, совершенствовалось знание языка.

Штаб стрелкового полка... Здесь жизнь была куда спокойнее, все-таки два—три километра от «передка», хотя бомбили нас неоднократно, да, бывало, и снаряды залетали нередко. А первые дни, когда наше соединение прибыло на фронт, вспоминаются просто с ужасом.

253 стрелковая дивизия формировалась на Волге. Думаю, что по замыслу командования, это должно было быть какое-то ударное соединение. Посудите сами, в ее полках один батальон состоял из моряков Черноморского флота, другой — из курсантов военных училищ, без пяти минут офицеров, которых выпустили досрочно. Наконец, третий был сформирован исключительно из коммунистов и комсомольцев.

Увы, эти замыслы мы не оправдали и, полагаю, не по нашей вине. Нас отправили на Северо-Западный фронт. В конце 1942 года здесь в полуокружении находилась 16 немецкая армия. Очевидно, начальство полагало, что мы сможем замкнуть кольцо. Но руководило оно нами неумело, более того, я бы сказал преступно.

Выгрузили нас на железнодорожной станции Бологое, отсюда предстояло пройти в кратчайшие сроки километров двести. В этом лесном краю поздней осенью дороги трудно проходимы. Чтобы люди и повозки не утонули в грязи, настлали деревянные слези. Но все равно артиллерия, кухни, обоз — все безнадежно отстало.

Мы шли голодные, холодные и мокрые. Иногда по пути попадались какие-то следы человека — полянки, где возделывалась картошка, снопы ржи. Тогда все бросались на поиски еды. Находили в земле картошку, тут же мыли ее в луже и ели сырой. С хлебных снопов собирали оставшиеся зерна и поджаривали их на саперной лопатке. Я — мальчик из интеллигентной семьи — сам никогда не додумался бы до этого. Но жизнь быстро всему учила.

К вечеру мы подошли к линии фронта и заняли исходные рубежи. А уже на рассвете — атака. Моряки, рослый, здоровый народ, разодрав на груди гимнастерки, обнажив тель-

няшки, с криками «Полундра» бросались вперед. Увы, немцы хладнокровно расстреливали их из пулеметов.

Наш батальон под огнем противника залег и стал быстро окапываться, насколько это вообще в болотистой местности было возможно. Помню тот первый раз, когда я увидел немца. Низко пригнувшись, он куда-то бежал. Я прицелился и тут же мелькнула мысль — ведь убью человека! И рука как-то самопроизвольно чуть увела ствол в сторону. Выстрелил, промазал, наверное, и мишень пропала.

Причудливая вещь — человеческая память. Одни эпизоды, подчас незначительные, надолго закрепляются в ней, другие — важные улетучиваются. И вот застряло в голове. Рядом со мной лежал солдат Иван Шилов. Захотелось ему пить. Он запрокинул голову, поднес к губам фляжку и в тот же миг вскрикнул от боли. Пуля пробила насквозь верхнюю губу, даже не задев зубы. Когда стемнело, солдат отправился в медсанбат. Многие ему завидовали. Помнится, один боец говорил — отдаю левую руку только бы выбраться отсюда.

Через некоторое время и я почувствовал сильный удар по руке. Потом увидел, что рукав шинели порван, струйка крови бежит по пальцам. Тоже повезло. Кость не задета, пальцы правда не шевелятся, но, говорят, это пройдет. В медсанбате записали — слепое осколочное ранение верхней трети левой руки.

Итоги этих первых боев были плачевные — нашу доблестную, ударную дивизию расколотили за три дня. Наступление провалилось, потери были огромны. Даже невоенному человеку понятно — начинать атаку без артподготовки, авиационного прикрытия, не зная толком обороны противника, при необстрелянном личном составе — самоубийство. Много лет спустя мы узнали причину наступательной спешки — Верховный приказывал генералам с потерями не считаться.

Лечение в медсанбате для меня происходило своеобразно. Опять же подействовало среднее образование. Срочно требовался писарь в операционную. Хотя левая рука на перевязи, правой то писать можно, — решило медицинское начальство.

Представьте себе комнату площадью 25—30 квадратных метров. В ней пять операционных столов, у каждого по хирургу, на каждом — окровавленное тело. Слышатся стоны, крики, ругань. Я сижу за столом, и врачи по очереди диктуют мне записи в медицинскую книжку. Пневмоторакс, ампутация, сепсис... Сложная, никогда прежде не слыханная ме-

дицинская терминология обрушивается на меня. Сейчас в это трудно поверить — бригады хирургов работали непрерывно по двенадцать часов, за это время каждый, наверное, делал десятки операций. Среди них были и женщины.

Добавлю, что все это происходило в обыкновенной комнате, т. е. в совершенно непригодном помещении, да вдобавок при свете керосиновых ламп. Самыми страшными были операции, когда вскрывалась брюшная полость. Врач должен был удалить проникший осколок. Нередко кто-то из хирургов звал меня с моей керосиновой лампой осветить — осколок не найти.

Однажды во время такой операции раненый очнулся, но, видимо, еще не чувствовал боли. Хирург спросил: — Выпить хочешь? И получив утвердительный ответ, налил стопку разбавленного спирта. Через несколько минут тело затряслось в судорогах, и солдат скончался.

— Отмучился, — сказал врач. — А так бы это произошло на следующий день.

Боюсь, прочитав эти строки, иной читатель недоверчиво покачает головой — быть не может, чтобы на операционном столе раненому давали выпить. Сейчас и мне это кажется невероятным, но, ей богу, я ничего не придумал.

Помнится, среди раненых был один латыш, который настаивал, чтобы сложную операцию ему делали под местным наркозом. Даже врачи удивлялись его самообладанию. Вообще наше соединение часто взаимодействовало тогда с латышской дивизией, но потом нас перебросили на юг. Лично меня хотели оставить в медсанбате, видимо очень не хватало мало-мальски грамотных людей, но вмешался случай, о котором я рассказал выше.

В штабе стрелкового полка предстояло выполнять отчасти канцелярскую работу — составлять сводки, наносить обстановку на карты. Допрос пленных теперь не представлял никаких трудностей. Немцы попадались разные. В последние годы войны это были уже не те воинственные фрицы, что в ее начале. Главным в ходе допроса было получить представление о планах врага. И это была задачка не из легких.

А то звонят из штаба корпуса (я потом работал уже в штабе дивизии) и требуют передать данные о потерях противника. А как же их сосчитать эти потери? Тут дай бог свои учесть. Вот и приходилось выдавать «потолочные» цифры. В вышестоящих органах еще добавляли. Если бы кто-то

подсчитал германские потери по сводкам Совинформбюро, оказалось бы, что вся Германия многократно уничтожена. Только в последние годы мы узнали, что наши потери значительно превышали германские.

Уже перед концом войны в самой Германии произошел такой эпизод. Пленный сказал, что остатки его части готовы сдаться в плен, но боятся. Если же я пойду с ним, солдаты проникнутся доверием и сложат оружие. Был, конечно, риск — черт его знает, кто там остался, могут ведь и пристрелить запросто. Но так велика была уверенность в нашей победе, что я доложил начальству — готов пойти. Уточнили район, командование поставило условие — если через час не вернешся, открываем огонь.

Мы двинулись по лесной дороге. В глубине чащобы были разбиты палатки, вокруг них сидело человек тридцать солдат и гражданские. Появление человека в советской форме вызвало всеобщий переполох, кое-кто потянулся к оружию. Женщины стали что-то возбужденно кричать. Но мой сопровождающий перекрыл всех — он привел меня в доказательство стремления командования Красной армии избежать лишнего кровопролития. Рослый немецкий офицер в чине подполковника спросил, действительно ли им гарантируется жизнь. После чего он приказал всем построиться, и мы двинулись в обратный путь. Так я заслужил свою третью боевую награду.

С окончанием войны нашу дивизию расформировали, меня же перевели в знаменитую тринадцатую гвардейскую дважды краснознаменную орденов Суворова и Кутузова дивизию, которая находилась в Вене. О пребывании в столице Австрии можно написать много. Ограничусь двумя эпизодами, касающимися военной службы. Тогда в Вене находились армии четырех союзных держав антигитлеровской коалиции. Неожиданно был получен приказ — регулярно сообщать вышестоящему командованию, какие именно части США, Великобритании и Франции находятся здесь. Признаться мы очень удивились.

Оказалось, что получить необходимые данные совсем просто. В отличие от порядков в нашей армии, где все, вплоть до очистки уборных, засекречено, союзники из пустяков не делали тайны. У американцев прямо у входа в казарму висела вывеска, сообщающая, какое именно подразделение находится здесь. Более того, рядом красовался опоз-

навательный знак этой части. Точно такой же знак был на рукаве каждого военнослужащего. Так что при встрече сразу становилось ясно, откуда этот солдат или офицер.

Вообще же контакты с союзниками практически происходили только на самом высоком уровне. Нашим солдатам и офицерам категорически запрещалось посещать их сектора города, а также завязывать знакомства среди местного населения. Немало людей «погорело» из-за одного неосторожного слова.

Помнится, в кампании один из офицеров сказал: «Где бы достать доллары, хочу жене купить...» Казалось, никто не обратил внимания на эти слова. Но буквально на следующий день мы узнали, что он «срочно» отозван в Москву. Сталинский режим всеобщей подозрительности за границей действовал с особой силой.

Контакты с союзниками запрещались, очевидно, прежде всего для того, чтобы наши военные не знали, насколько выше их материальные возможности, насколько демократичнее положение солдата в их армиях. У американцев, например, существовала целая сеть клубов, куда в свободное от службы время любой солдат мог придти с женщиной из местного населения, послушать музыку, потанцевать, само собой выпить, словом приятно провести время. Он получал в месяц несколько десятков долларов, что по тем временам было немало. Ни о чем подобном победители из СССР не могли и мечтать.

Мне остается ответить на последний вопрос — что это за еврей с фамилией Дмитриев. Тут придется раскрыть семейную тайну. Мой отец был очень революционно настроенным человеком, смолodu вступил в партию, пошел по военной линии и дослужился до генерал-лейтенанта (тогда, правда, были другие звания, но носил он три ромба). В 1938 году его арестовали, а в следующем году — расстреляли. Настоящая же его фамилия — Плоткин.

В нашей семье никогда не говорили по-еврейски, не справляли еврейских праздников. О синагоге мы и не слышали. С таким наследством прошел жизнь и я.

И. АРАЛОВИЧ,
старший сержант,
43 гвардейская латышская
дивизия, инвалид войны

Эх, растяпа

Как и многие другие люди в тот предвоенный год я полностью находился под воздействием советской пропаганды — пел патриотические песни, захлебывался от восторга читая про успехи и победы советского строя, проклинал империалистов и буржуев — кровопийц. В то же время тайно со страхом думал о том, не догадаются ли власти, что был членом сионистской организации. К счастью, документы, которые могли меня скомпрометировать, были заблаговременно уничтожены.

28 июня 1941 года в шесть часов утра я, как и было предписано, явился в Московский райком партии Риги. Здесь должны были собраться те, кто готов защищать город. Никогда не забуду эту картину — райком пуст, все сбежали, кругом валяются бумаги, свистит ветер. Что же делать? Пошел в ЦК. Та же картина. Только у здания МВД вереница голубых автобусов. Начальство бежит. Спрашиваю, нельзя ли присоединиться? Увы...

Пошел по улице Бривибас в сторону Шмерли. В том направлении идут, едут, бегут толпы — и красноармейцы, и рижане. Кто с чемоданом, кто с велосипедом, кто, как я, налегке... Так ушел я из Риги, имея при себе полотенце, бритву, мыло... Вернулся 20 октября 1944 года на костылях, без ноги. Были с собой ключи от квартиры, благо ее никто не занял.

А между этими двумя датами произошло со мной столько событий, что в короткой заметке и не расскажешь. Ограничусь повествованием о том, как закончилась для меня война.

Я служил в латышской дивизии в звании старшего сержанта. Когда наш саперный батальон перебросили из Старой Руссы в Великие Луки, мы первое время никак не могли привыкнуть к новой обстановке. Было это осенью или летом 1943 года. Там болотистый лес, тут сплошные поля, холмы, никаких деревьев, одни кустарники. От деревень, которые мы видели, не осталось даже названий, только остовы печей.

Наш саперный батальон направляли то на строительство блиндажей, то на поиски мин. Второго января 1944 года новое задание. В соседней воинской части мы должны были сделать проходы в минных полях. Предполагалось, что она будет вести разведку боем, чтобы выявить огневую систему противника.

Нам выдали маскхалаты, сухой паек и под руководством лейтенанта Вернера, латыша, проживавшего в России, наша группа двинулась в путь. Командир наш был не ахти какой грамотный человек, любил выпить, но к солдатам относился хорошо. Вел он нас по карте. И вдруг... мы отчетливо услышали немецкую речь. Не оставалось ничего другого, как драпануть в обратном направлении.

Короче говоря, мы прибыли к соседям с большим опозданием, и командир части встретил нас традиционным смачным матом. Все же мы вышли на работу. К тому времени на моем личном счету было 250 обезвреженных мин. Увы, и тут не обошлось без традиционных для советских нравов приписок. Старшина батальона получил орден за то, что якобы нашел и снял пятьсот мин! На самом деле он, по-моему, видел их только издалека. Нередко бывало и так, что карты минных полей, мягко выражаясь, не соответствовали действительности. Нередко саперы сваливали мины в кучу в одном месте, а на карте показывали, что они установлены в определенном порядке. Благо под снегом не видно ничего.

Но вернемся к тому злополучному дню, вернее ночи. Вылезли мы из окопов. У каждого в руках нож, чтобы раскапывать землю. А она промерзшая. Все же добрались до проволочных заграждений и тут я вспомнил, что забыл ножницы. Растяпа! Надо возвращаться. У саперов закон — как туда, так и обратно проходишь по проложенной тропе, ни шагу в сторону. И как я допустил такую промашку! Одно неправильное движение и я «взлетел» — наступил на мину, к счастью не очень крупную.

Товарищи помогли мне добраться обратно до окопа. Там я пролежал пятнадцать часов — из-за сильного огня противника нельзя было вывезти раненых. А было их немало. Словом, задание было сорвано, проходы не сделаны. Наш командир батальона, в прошлом колхозный бригадир, человек, мировоззрение которого так и осталось на этом уровне, решил вдруг привлечь меня к ответственности за «самострел». К счастью, его убедили не делать такую дикость. А я тем вре-

менем попал в медсанбат, где доктор Явнайтс, впоследствии он был заместителем министра здравоохранения, ампутировал мне ногу. Последовало затем еще пять операций (!), приспособление к протезам. Только в августе 1944 года меня демобилизовали.

Так война для меня окончилась. Увы, борьба за существование продолжается. До сего дня.

И. АУГУСТОН,
рядовой, 43 гвардейская
латышская дивизия

Ратный труд — тяжкий труд

В один из жарких летних дней 1944 года на подступах к Латвии наша зенитная батарея сбила сразу пять вражеских самолетов! Такое, конечно, бывает не каждый день и, я бы даже сказал этот успешный удар получился неожиданно.

После «сытного» обеда зенитчики отдыхали близ своих орудий. Было тихо, припекало солнышко, некоторые даже сняли гимнастерки и стали загорать. Я сидел у своих друзей — пулеметчиков.

Вдруг из-за леса со стороны тыла вынырнула группа самолетов. Все решили — «наши» и продолжали лежать. Не знаю, каким образом, но как то интуитивно я почувствовал, что это враги. Действительно, приглядевшись, я увидел на крыльях кресты. Добежал до пулемета и стал обстреливать ближайший самолет. Услышав очередь, другие бойцы тоже вскочили на свои боевые места. Началась яростная пальба.

Фашистская эскадрилья, видимо, уже отбомбилась. Только истребители прикрытия дали несколько очередей в нашу сторону. Мы же вели прицельный огонь по «хвостам», и это дало эффект, которого никто не ожидал. Еще раз повторю — один за другим пять вражеских самолетов плюхнулись на землю, поднимая столбы черного дыма. Командир батареи капитан Фирулев был награжден орденом Красного Знамени, среди других получил награду и я.

В этот зенитный дивизион я попал из госпиталя. А до того находился в латышской дивизии. Прошел жестокие бои под Москвой рядовым солдатом, участвовал в схватках под Старой Русой. Ночью мы куда то наступали. Внезапно почувствовал сильный удар, свалился, потом пришел в себя и едва добрался до санчасти. Это было зимой 1943 года.

По излечении я просился обратно в свою дивизию, но мне сказали, что она отведена во второй эшелон, а зенитчики тотчас отправляются на фронт. Это соответствовало моему желанию.

Вспоминая свою службу в то время, я прежде всего хотел бы сказать, что война — это тяжкий труд. Жизнь наша шла обычно по такой схеме. Вот дивизиону приказано занять позиции в таком то районе. Только мы прибываем в указанное место, следует команда: «Окопаться!»

Начинаем рыть укрытия. У зенитных орудий только ствол должен находиться на уровне земли, остов же пушки закапывается глубоко в землю. Как только эта работа выполнена, начинаем сооружать землянки — командный пункт, узел связи, для себя и т. д. Все это занимало многие часы, а иногда и дни. Мы понимали, что окапывание — не каприз, во время артиллерийских налетов противника глубокие щели не раз спасали жизнь нашим бойцам. И все же эту рутинную работу выполняли без особого энтузиазма.

В последние же месяцы войны окапывание вообще превратилось в непрерывный процесс. Бывало так. Только мы закончим обустройство на новом месте, как поступает команда — сменить позицию, ибо противник отошел на новые рубежи. Стыдно признаться, но иногда подумывали — хоть бы немцы задержались некоторое время, мы бы немного отдохнули.

Летом 1944 года дивизион находился в районе Эргли. Мы только приехали и в очередной раз окапывались. Я тоже орудовал лопатой близ дороги. Вижу трое наших солдат ведут пленного в немецкой форме. Я знал язык и вступил с пленным в разговор. Оказалось, этот человек — не немец, а француз, сам сдался в плен.

Через некоторое время слышу крик: «Аугустон! К капитану». Увидев меня, командир дивизиона возбужденно спрашивает: «Что ты там наделал? Беги к церкви, там командный пункт дивизии, генерал вызывает».

Оказалось, срочно нужен переводчик. Начинаем допрос этого француза и тут выясняется, что немецкие части получили приказ срочно отойти на новые рубежи и уже оторвались от наших войск.

Услышав это, генерал немедленно отдает приказ — двигаться вперед, догнать противника. Вслед за пехотой снимается с места и наш дивизион. Так простой случай помог движению наших войск и может быть спас наших солдат. А нам пришлось уже на новом месте снова копать и копать.

* * *

Моя молодость сложилась так — я окончил школу еще до войны, мечтал поступить в университет. Но средств не было, пришлось идти работать. Однажды на фронте я прочитал объявление в газете, что Московский институт иностранных языков объявляет набор студентов на заочное отделение. Отправил туда письмо, но получил вежливый отказ — мол, учеба на заочном отделении предполагает вызов студента на сессию, но с фронта институт никого отозвать не может.

«Война все спишет», «Сегодняшний день может быть последний» — такие настроения были широко распространены в те дни. Я же старался противопоставить этим взглядам свой: «А что если не последний, как жить после войны?»

В конце концов с помощью справки, которую дал командир дивизиона, меня зачислили на первый курс. Я очень обрадовался, но тут же возник ряд непредвиденных обстоятельств. Известно, что многие бойцы неприязненно смотрели на «интеллигенцию». Я стал опасаться, что моя учеба будет раздражать их, а то и вызовет насмешки — вот, мол, какой умный. Опять же фронт — не самое подходящее место для учебы — времени мало, да и надо быть постоянно на чеку.

Выход нашел такой — каждый день на клочке газеты записывал 25 слов, а выучивал их на посту ночью. Для этого добровольно вызвался дежурить в самое нелюбимое бойцами время — с часу до трех ночи. Однополчане были очень довольны, они могли в это время поспать.

Но зимой темно, а свет на посту зажигать нельзя. Между тем иногда надо посматривать на свои заметки. Нет, не даром говорят — голь на выдумки хитра. Вспомнил биографию

Горького, как он в самых трудных условиях ухитрялся читать. Будучи мальчиком, писатель служил на барже. Ночью он уходил на корму и там читал «Монтигомо — Ястребиный коготь», освещая книгу тыльной стороной сковороды. Отраенная до блеска, она отражала лунный свет так, что можно было разобрать буквы.

Сковороды, естественно, у меня не было. А что если отдраить диск автомата? Кто был на фронте, знает, оружия валялось там много. Я заметил автомат на нейтральной полосе и пополз за ним. Когда возвращался, свои чуть не пристрелили — мало ли кто и зачем лазает перед окопами. Да и фашисты стали усиленно светить ракетами и открыли огонь.

Но все обошлось, и я получил нужный рефлектор. Однажды попала к нам газета, где сообщалось, что на оккупированной гитлеровцами территории, в том числе и в Латвии, все евреи убиты. Мои родители не успели уехать в начале войны, и я понял, что их уже нет в живых. Я был потрясен, не находил себе места. Зачем мне возвращаться в Ригу, если меня там никто не ждет?

Как всегда в таких случаях — выручили товарищи. Владимир Аветасьян, с которым мы крепко подружились, предложил мне после войны приехать на жительство к нему, в Армению. Он даже сказал, что я могу жениться на его сестре. На Кавказе, мол, такие порядки — раз старший брат сказал, младшие должны слушаться.

Потом выяснилось, что сестра не понимает по-русски, я, естественно, не знал армянского. Тогда Володя начал меня учить языку, и я составил учебник, который сохранился.

Увы, во время очередной бомбежки мой друг был ранен, у меня не было его адреса, и я так и не смог его найти. Я рассказываю об этом случае, чтобы читатели, особенно юные, поняли, какие добрые, подлинно товарищеские отношения существовали на фронте между солдатами разных национальностей.

И вот, наконец, день Победы. 9 мая 1945 года запомнилось мне еще и потому, что довелось в качестве переводчика группы офицеров принимать капитуляцию германских войск на одном из участков курземского котла. Церемония происходила в обычном крестьянском домике, который очевидно был то ли командным пунктом, то ли узлом связи фашистских частей. Немецкий генерал подписал акт о капитуляции

и приказал всем подчиненным ему частям к 12.00 явиться на пункт сдачи.

Помнится я забрал с собой немецкий коммутатор, по которому передавалось это последнее приказание и впоследствии передал его в школьный музей.

Но для меня в тот день война еще не кончилась. Дивизион погрузили в эшелоны и повезли на Восток. В пути неожиданно я получил письмо от матери. Она была одной из немногих уцелевших узниц Рижского гетто, вместе с другими с утра до вечера стирала и приводила в порядок немецкое военное обмундирование.

В августе 1944 года их погрузили на две баржи, и буксир потянул их на Запад. В море одну посудину отцепили и она вместе с людьми пошла ко дну. Другую дотащили до восточной Пруссии, где вскоре узники гетто были освобождены. Уже в июне 1945 года мать была в Риге.

...«Мы так давно пришли с войны, а все она при нас и с нами» — эти поэтические строки как нельзя лучше выражают мысли и чувства фронтовиков. Лично я делал все возможное, чтобы память о прошлом не угасла. Собирал воспоминания ветеранов, помогал оснащению музеев, а, главное, в бытность педагогом и директором школы старался влиять на мировоззрение детей.

Судьбы солдатские

И. ЛИВШИЦ,
капитан медицинской службы,
43 гв. латышская
дивизия

С августа 1943 года до 5 мая 1945 года командовал санитарным взводом медсанбата 43 гв. латышской дивизии, во время операций ассистировал главному хирургу медсанбата М. Дубинскому.

Вспоминаю, как еще на территории Псковской области к нам привезли тяжело раненого командира батальона 125 гв. полка И. Пастернака. У него было шоковое состояние, множественные ранения в голову, грудь и живот. Отправили его

В госпиталь и полагали, что воевать он больше не сможет. Каково же было наше удивление, когда в октябре 1944 года мы увидели, как он шагал по улицам Риги во главе своего батальона. В мае 1945 года он участвовал в параде Победы в Риге, причем верхом на белом скакуне и в чине майора.

Наш взвод в какой-то степени можно было назвать национально-еврейским. Вспоминаю капитана медслужбы Г. Спокойно, старших лейтенантов Л. Геймансона и И. Кан-Кагана, санитаров рядовых З. Спокойно и И. Эйдус.

Г. РИВКИН,
инженер-майор

В мае 1941 года окончил Ленинградское танко-техническое училище и был назначен командиром взвода в 158 танковый полк, который находился в пограничной полосе. В первый же день войны начался тяжелый бой с фашистскими танками, которые превосходили наши по многим параметрам. Понесли тяжелые потери, начали отступать. В дальнейшем получили знаменитые «тридцатьчетверки» и начали воевать успешнее. Я стал командиром роты. Летом 1942 года снова тяжелое отступление, большие потери. Позднее вошли в состав Северо-Кавказского фронта, были пополнены американской и английской техникой. Вели упорные оборонительные бои.

В октябре 1942 года в звании капитана был направлен на учебу на инженерный факультет Академии бронетанковых войск, окончил учебу в 1947 году и получил назначение в Ригу.

Внезапно, осенью 1953 года был демобилизован. Власти «вспомнили», что мой брат в 1937 году был осужден к восьми годам лишения свободы, а в 1942 году — расстрелян. В настоящее время он посмертно реабилитирован. Двое младших братьев также участники войны, в прошлом офицеры. Еще восемь моих родственников были убиты фашистами.

Р. ГРИНФЕЛЬД,
капитан медицинской службы,
инвалид войны

Окончила медицинский факультет и сразу же была призвана в армию. Отступали через Украину, Сальские и Кал-

мыцкие степи. Бывало еле успевали развертывать и снова сворачивать госпитали. Однажды привезла группу раненых в Сальск, чтобы сдать их в санитарный поезд. Начальник поезда отказывался их брать. Тогда я ему заявила, что покончу жизнь самоубийством на его глазах. Это помогло.

В Сталинграде приходилось эвакуировать раненых с правого берега на левый. О том, как это происходило, лучше всех описал Василий Гросман, с которым я лично была знакома.

Ну, а потом начался обратный путь. В августе 1944 года в составе третьего Прибалтийского фронта участвовала в освобождении Латвии. Здесь же после демобилизации работала врачом в разных поликлиниках.

М. ЭРЛИЦ,
первый отдельный батальон
связи

Перед самой войной закончил школу ФЗУ и получил специальность телеграфиста. Наш батальон обеспечивал надежной связью штаб фронта, который руководил боями под Москвой в конце 1941 года. Через некоторое время нас направили в Иран, где мы сооружали воздушную линию связи Кавказ — Ашхабад вокруг Каспийского моря, поскольку тогда нависла угроза, что Кавказ будет отрезан от страны. Трудились два месяца. К счастью, обстановка улучшилась и нас перебросили на другой участок фронта. В дальнейшем принимал участие в освобождении Латвии.

Ю. АБРУКИН,
подполковник, 175 СП,
Первая Московская
Пролетарская дивизия

В Минской области есть большая, на двести дворов деревня Драчково. С 1756 года жила в ней одна еврейская семья. Я как раз родом оттуда. Война уничтожила всю мою родню, а вместе с людьми и дом моих предков.

Первые ее дни вспоминаются непрерывными бомбежками Минска, где я тогда служил. Затем постоянные бои с пара-

шютными десантами противника, брошенными к нам в тыл. Отступали до Подмосковья, потом медленно двинулись в обратном направлении. С марта 1943 года я — заместитель командира батальона. Во время боев на Курской дуге был тяжело ранен. Все же еще более десяти лет прослужил в армии.

Ф. ЛИПЯНСКАЯ,
рядовая, 679 зенитный
артиллерийский полк

Родителям сказала, что меня мобилизовали, на самом деле пошла в армию добровольно. Полк охранял важные военные объекты в районе Астрахани. Мы, десять девушек, обслуживали прибор, который давал координаты для орудийных расчетов. По его показаниям они вели огонь по самолетам противника. Было все — сбили несколько стервятников, попадали под тяжелые бомбежки, хоронили убитых, ухаживали за ранеными.

М. ХУРГИН,
рядовой, 662 авиационный полк

Довелось мне во время войны служить в Москве (везет же людям, подумает читатель) в аэростатной части. Наша «точка» находилась на Красной Пресне. Аэростат был привязан с двух сторон такелажными веревками, на которые вешались балластные мешки с песком. По телефону поступал приказ, и мы общими силами (десять бойцов) отвязывали наш «дирижабль», а затем поднимали его на высоту примерно в два километра. Были случаи, когда вражеские самолеты задевали тросы, ведь в темноте их не видно, и погибали.

Был у меня приятель, кстати сказать, еврей, вел с ним откровенные разговоры не в духе официальной пропаганды. Оказался он сексотом. Арестовали меня, получил десять лет. Был на лесоповале, дошел до полного истощения, месяцами валялся в лагерьной больнице.

Только в 1956 году был освобожден из лагеря, позднее полностью реабилитирован и вернулся на свою родину в Латвию.

К. ФРЕЙЗУС,
рядовой 220 артполка,
43 гв. латышской
стрелковой дивизии

Пошел в армию добровольцем. У меня две военных специальности — артиллерист и медик. Обоим нашлось применение. Участвовал в боях под Москвой и в районе Старой Руссы. Был контужен.

Уже на территории Латвии получил приказ с двумя бойцами разведать огневые позиции фашистов. Увы, нас засекли. Под обстрелом, прячась в канаву, заполненную водой, добрались до соседней части. А там... нас приняли за переодетых фашистов. Наверное потому, что мы плохо говорили по-русски. Нас арестовали, стали допрашивать, как это умел делать «Смерш». В конце концов наша дивизия дала справку, что мы «свои».

Сейчас я много сил отдаю уходу за могилами расстрелянных узников гетто.

С. ШМЕРКОВИЧ,
43 гв. лат. СД,
старший сержант,
инвалид войны

В феврале 1943 года в составе минометной роты 121 СП участвовал в боях под Старой Руссой, Великими Луками, затем на территории Латвии. Был дважды ранен. Закончил боевой путь в сражениях против Курляндской группировки противника. От рук немецких фашистов и их прислужников погибли мать, братья, сестры. Отцу чудом удалось бежать из липайского лагеря.

Б. ФАЙНШТЕЙН,
майор

Боевой путь начал под Старой Руссой в составе 43 гв. латышской дивизии. Был тяжело ранен. По излечении в составе 125 гв. полка участвовал в форсировании реки Айвиесте. Наш саперный взвод обеспечивал переправу бойцов под сильным огнем противника. В 1944 году с отличием окончил Московское военно-инженерное училище и был направлен на

Белорусский фронт. День Победы встретил под Берлином. В составе советских войск был в Польше и Иране. Последняя должность — инженер механизированного полка.

Я. ЖЕЛЕЗНЯК,
майор медицинской службы,
инвалид войны

Весной 1941 года с отличием окончил Киевский медицинский институт и с началом войны вступил добровольно в армию. Самыми тяжелыми были первые месяцы. В июле фашисты высадили воздушный десант в расположение госпиталей в г. Кременчуг. Мост через Днепр был разрушен, дороги и река усеяны трупами. Раненых спасали вплавь под непрерывной бомбежкой.

Через месяц наш госпиталь был отрезан от своих частей прорвавшейся вражеской танковой частью. На грузовой машине, переполненной ранеными, мне удалось проскочить. Водитель автомобиля был убит. Я сел за руль и добрался до своих.

Но, конечно, особенно памятными остались бои на Курской дуге. С обеих сторон в них участвовали тысячи танков и самолетов. Небо и земля были в огне в буквальном смысле этого слова. В этих тяжелейших условиях оказывали помощь раненым.

День Победы встретил в Праге. После демобилизации в 1946 году тридцать лет работал врачом.

Н. ИЛЬЕНКОВ,
ветеран 124 гвардейского
бомбардировочного
авиационного полка

Это было осенью 44-го. Сотня самолетов «люфтваффе», которые базировались на центральном аэродроме Риги, очень мешали продвижению советских войск. Наш полк получил задание нанести бомбовый удар по этому аэродрому.

Отобрали 27 лучших экипажей. Выступая перед ними, комполка гвардии подполковник Николаев предупредил, что аэродром и подходы к нему сильно укреплены. Несомненно предстоит встреча с интенсивным зенитным заградительным огнем, с истребителями. Поэтому, кто, дескать, не уверен в

себе, сомневается в своих возможностях, может отказаться от участия в операции.

Мой боевой друг штурман Иосиф Городецкий уже имел на руках отпускной билет для поездки домой: его отец был при смерти. Но, узнав о предстоящей ответственной операции, он упрямил командира полка включить его в боевой экипаж.

С боевого задания Иосиф не вернулся. Он погиб в воздушном бою. Память о нем — добром, общительном товарище, отважном и дисциплинированном воине, навсегда останется в сердцах тех, кто его знал.

Ю. ДМИТРИЕВ

Две судьбы

К линии фронта срочно подогнали мощную трансляционную радиоустановку с выносным репродуктором. Передачи вел капитан Юрий Ватер. Он свободно говорил по-немецки, это был к тому же опытный воин, который, как говорится, уже прошел огонь, воду и медные трубы.

Задача перед ним стояла непростая. В январе—феврале 1944 года на Украине была окружена большая группировка гитлеровцев — всего около десяти дивизий. К фашистам направили парламентариев, убеждая их сдаться во избежание бесполезного кровопролития. Высшее офицерство окруженных, естественно, ультиматум отвергло. Важно было, чтобы об этом узнали рядовые солдаты. Это могло побудить их к самостоятельным действиям вопреки мнению начальства.

Гитлеровцы всячески препятствовали радиопропаганде среди своих солдат. Едва начиналось вещание, как по предполагаемому месту стоянки машины открывался шквальный огонь. Одновременно офицеры внушали окруженным, что вот-вот им будет оказана помощь. Об этом, мол, телеграфировал сам генерал Хубе.

В один из дней на участок, где находился Юрий со своей машиной, противник предпринял мощную контратаку. Радиоустановке было приказано немедленно покинуть опасное

место. Капитан-пропагандист узнал, что в одном из наших батальонов велики потери, особенно в офицерском составе. И тогда он отправил в тыл шофера с машиной, а сам принял командование ротой. Несколько дней непрерывно шли бои. Юрий был ранен в шею, но отказался покинуть своих товарищей. Его ненависть к врагу была беспредельна. Тому были и личные причины.

Юрий вырос в Латвии в малоимущей еврейской семье. Тем не менее ему удалось окончить четыре курса медицинского факультета Латвийского университета. Чтобы заработать на учебу, приходилось подолгу дежурить в одной из больниц. В первые дни войны он стал фельдшером артиллерийского полка и вскоре был награжден орденом Красной звезды. «Заработать» такой орденом, да еще медику в то время было просто.

В первые же дни гитлеровского нашествия Юрий перенес большую личную травму. Его жена Вера была беременна. Как и другие женщины, она пыталась пешком уйти от наступающих немецких войск. Но сил не хватило, и она осталась на оккупированной территории. Мать и отец Ватера вместе с десятками тысяч других евреев были расстреляны.

В то время в Красной Армии было не так много людей, свободно владеющих немецким языком и достаточно образованных, чтобы вести пропаганду. Так Юрию пришлось пере-квалифицироваться из медика, вести работу среди войск противника.

... 13 февраля он трижды со своими бойцами поднимался в контратаку и снова был ранен, причем тяжело в живот. Солдаты перенесли его в ближайшую хату. Юрий потерял сознание, а когда пришел в себя подполз к окну и открыл огонь поседавшим врагам. Но сдержать их не удалось. На какое то время они захватили деревню, ворвались в ту хату, где был Юрий. Взятый позднее в плен эсэсовец рассказал, что они увидели капитана Красной Армии, лежащего на полу. Бросалось в глаза, что он весь перевязан окровавленными бинтами. Кругом валялось множество стреляных гильз.

Увидев эсэсовцев, капитан что-то крикнул по-немецки. «Ага, еврей!» — злорадно крикнул один из них. Он накинул раненому на шею петлю из красного телефонного провода и повесил его на двери. Заодно пристрелили раненого красноармейца, находившегося в хате, восьмидесятилетнего деда

Мелентия Скорика, его жену Марину и девятилетнего внука Петруся. Хату сожгли.

В селе Шендеровка, где окончил свой жизненный путь Юрий, установлен в его честь обелиск, бережно сохраняется братская могила павших бойцов.

* * *

Юрий Ватер стал героем ряда повествований. В семидесятые годы в Риге вышла книга «Как молоды мы были», посвященная его жизненному пути. Ее автор — Ингрида Соколова (псевдоним Иды Левитат). Юрию Ватеру посвящена одна из глав своей брошюры «Латыши и евреи между Германией и Россией» бывший латвийский журналист, а ныне израильтянин Франк Гордон.

Последний считает Ватера одним из типичных представителей еврейской молодежи Латвии в довоенное время, вернее той ее части, которая безоговорочно приняла идеи марксизма и была готова бороться за них. Другим таким же типичным представителем этой молодежи был, как утверждается в брошюре, Муля Иоффе, который видел свой идеал в создании еврейского государства в Палестине. Ему посвящена вышедшая в Израиле на русском языке книга А. Итли и М. Нейштадта.

Здесь нет возможности в подробностях рассказывать о жизненном пути М. Иоффе. Отметим лишь главное. В довоенное время он был активнейшим членом молодежной сионистской организации. В обстановке послевоенной неразберихи посвятил себя нелегальной переброске евреев из Прибалтики в Палестину. Ему удалось переправить несколько групп в «землю обетованную». Пренебрегая опасностью, они нелегально перебирались через границы СССР, Польши, Чехословакии, Австрии.

Разумеется, вечно это продолжаться не могло. В сентябре 1946 года Иоффе попал в руки НКВД. Его перевезли в Москву, где осудили к 25 годам лишения свободы. Хрупкий, болезненный юноша не выдержал судебного режима одного из исправительно-трудовых лагерей Сибири и в 1955 году его не стало.

Итак, две судьбы. Оба отдали самое дорогое — свои жизни во имя осуществления идей, в которые они искренне верили. Пусть решает читатель, чей образ ему кажется

привлекательнее, кому отдать свои симпатии. Я бы только добавил, что подавляющее большинство еврейской молодежи, да и всего еврейского населения Латвии предпочитало мирное, спокойное существование, стремилось обрести простые и надежные ценности жизни. Только бурные события двадцатого века выдвинули таких людей как Ю. Ватер и М. Иоффе.

Л. СОЛОМОНОВ,
старший лейтенант мед.
службы, 201 латышская
стрелковая дивизия

Я стал фаталистом

29 июня я и жена, ожидавшая ребенка, уезжали из Риги последним эшелоном. Не доехав до Шмерли, поезд остановился. Объявили, что дальше он не пойдет. Большинство пассажиров, в основном, евреи, пешком вернулись домой, очевидно, не предполагая, какая страшная судьба их ждет. Моя жена ходить не могла, и мы не знали, что делать. Это нас спасло. Поезд вдруг тронулся и пошел на восток. Это был первый случай необыкновенного везения.

В Бежецке на станции мы увидели машину «скорой помощи». Договорились и она увезла жену в роддом, а меня... арестовали как шпиона, поскольку я был одет не по местному. Правда, вскоре меня отпустили, что я также приписал своему необыкновенному везению.

А дальше — как медика меня направили в медсанбат 201 латышской дивизии. Как-то уже на фронте мы расположились в лесу. Ночью начался обстрел. Я спал в палатке, к разрывам снарядов уже привык и как-то ничего особенного не заметил. Когда же утром вышел из палатки, увидел возле нее окровавленную массу. Мой ординарец был убит прямым попаданием снаряда. И это случилось в нескольких метрах от меня.

На следующее утро решено было всех хирургов и медсестер вместе с ранеными отправить подальше в тыл во из-

бежание новых жертв. Меня оставили одного с нетранспортабельными больными. Сердобольные друзья выражали сочувствие и тревогу за нашу судьбу. Нас можно сказать оплакивали. Но получилось наоборот — именно медицинский транспорт по дороге был обстрелян гитлеровцами. Это стоило жизни двум врачам и шоферу.

С тех пор я стал фаталистом.

Г. АҚМОЛИНСКИЙ,
ветеран партизанского
движения

Наша Зельма

Лето 1941 года застало Зельму Фишман на Рижском взморье. Молодая женщина была воспитательницей группы латышских школьников, детей крестьян. Когда началась война, Зельма получила распоряжение собрать ребят и немедленно выезжать с ними к восточной границе Латвии, в местечко Аугшпилс.

Из наволочек сделали рюкзаки, набили их продуктами, сели в поезд. Несколько раз попадали под бомбежку. В конце концов, бросив вагоны, дети с Зельмой пошли пешком. Потом снова сели на поезд, добрались до станции Дедовичи. Пока Зельма бегала по станциям, пытаюсь узнать, как быть дальше, вагоны с детьми прицепили к другому составу, и поезд ушел.

Добрые люди успокаивали — детей доставят куда нужно и без тебя. В поезде много хороших женщин. Присмотрят, не волнуйся. Так Зельма осталась в Дедовичах и вскоре примкнула к партизанам.

Жизнь круто изменилась. Постель, нормальный сон и еда, мыло, полотенце, стакан, другие быденные вещи — все это вычеркнуто из жизни. Укрываясь в лесах, партизаны вели активные боевые действия — совершали налеты на железнодорожные станции, аэродромы, подрывали склады боеприпасов, горючего, уничтожали предателей.

Партизаны ворвались в город Холм и овладели им, большое сражение было за Дедовичи. В этих и многих других операциях участвовала Зельма. Огромную пользу принесла она как квалифицированный переводчик. Почти во всех книгах, посвященных деятельности партизан Северо-Запада, рассказывается о боевой рижанке. В настоящее время она проживает в Израиле.

С. ИОФФЕ, Ц. ЦУКЕРМАН,
рядовые 43 гв. латышской
стрелковой дивизии,
инвалиды войны

Счастье фронтовой гружбы

Мы решили написать эту заметку вдвоем, потому что связаны друг с другом как родные братья — вместе учились в школе, а, окончив ее, вместе работали в кожгалантерейной мастерской. Только война нас ненадолго разлучила — мы эвакуировались из Риги в разные области России. Но судьба снова свела нас вместе в августе 1941 года в Гороховецких лагерях, где формировалась тогда 201 латышская стрелковая дивизия.

В первом составе этого соединения нашего брата — еврея было очень много — каждый пятый! Но после кровопролитных сражений под Москвой ряды наши сильно поредели. Сколько людей сложили тогда свои головы! Один из нас — Цала Цукерман был тяжело ранен под Наро-Фоминском. Его лечили сначала в Москве, а потом в Златоусте Челябинской области. К дальнейшей службе в армии он был признан непригодным и, закончив лечение, переехал в один из городов Саратовской области, где находилась его семья.

Соломон Иоффе был ранен дважды — первый раз в августе 1943 года под Старой Руссой, вторично уже в Латвии при форсировании реки Айвиексте. Из госпиталя вышел инвалидом, белобилетником.

Описать все то, что нам пришлось пережить, нет ни сил, ни слов. И все же об одном эпизоде хочется рассказать. Под

Москвой в январе 1942 года нас двоих и нашего школьного товарища Давида Шагала послали в разведку. Крались мы по лесу, маскируясь на каждом шагу, и вдруг увидели лежащих на снегу двух вражеских солдат. Как это ни странно, они спали так сказать на «свежем воздухе». Неподалеку в стороне лежали их автоматы. Мы осторожно подползли к ним, схватили оружие и крепко ударили им гитлеровцев. Те задрожали от страха.

Отвели пленных в тыл. Сведения, полученные от них, оказались важными. Противник готовил наступление, но мы его опередили. Ранним утром началось наше наступление. Без потерь захватили населенный пункт, взяли немало пленных. Некоторые из них даже не успели одеться...

Далеко в прошлое ушли военные годы. Безвозвратно утрачено здоровье. Но на всю жизнь нам осталось счастье фронтовой дружбы. Оба мы живем в Риге, часто встречаемся, помогаем друг другу. Давид Шагал далековато от нас — в Канаде. Но мы не забываем о нем.

Еремей ЭСТРИН,
артист фронтовой
концертной бригады

На полках памяти моей

У памяти удивительная особенность: от нее никуда не скроешься, не уйдешь. Память хранит события, людей, их дела. Сегодня я листаю свою память как страницу минувшей войны.

...Мы жили с ним в одном дворе. В нашем родном довоенном Днепропетровске многие знали Яшку по кличке «Грек». Он был удивительно красив, высокого роста, на редкость остроумен и отчаянно смел. Владел немецким, английским и греческим языками, уж не говоря о русском, украинском и... еврейском. По внешности невозможно было определить его национальность. Большинство горожан из тех, кто его знал, и не подозревали, что он чистокровный еврей.

Он преднамеренно остался в городе, встретил гитлеровцев с распростертыми объятиями, сумел сразу завоевать их симпатии и доверие. Немцы помогли ему открыть частную парикмахерскую и Яшка — «Грек» быстро завоевал репутацию лучшего мастера города. Обслуживая гитлеровских офицеров, он на немецком языке сыпал остротами, шутил, рассказывал анекдоты. В то же время чутко прислушивался к разговорам, которые клиенты вели между собой.

Немцы чувствовали себя в Днепропетровске отнюдь не уютно. Какая-то неведомая сила причиняла им много неприятностей: то таинственным образом взрывалась в городе военная техника или воспламенялись склады с горючим, то по утрам находили на улицах убитых солдат, офицеров, даже генералов. Но даже большинство бойцов невидимого фронта, кроме отдельных руководителей и связных, и не догадывались, что одним из организаторов этих актов вездия был никто иной, как блестящий конспиратор Яшка — «Грек». Он снабжал подпольную организацию ценнейшей информацией «из первых рук», устраивал явочные квартиры для народных мстителей, обеспечивал нелегалов надежными документами, добывал для скрывающихся от оккупантов евреев «русские» паспорта.

Гитлеровцы раскрыли его за несколько дней до освобождения города. Яшку допрашивал сам начальник гестапо Днепропетровска, который сразу же полюбопытствовал:

— Кто ты? Действительно грек, или, может быть, юде, русский, а то и вовсе немец?

Яшка только покачал головой и усмехнулся:

— Я — парикмахер!

Ему грозили медленной мучительной смертью. Но он молчал, не выдал ни одного подпольщика. А когда немецкие палачи хотели применить приготовленные для него пытки, еврейский парень Яшка — «Грек» плюнул в лицо начальнику гестапо и выбросился из окна пятого этажа.

* * *

Самому мне на войне не довелось совершать великих подвигов. Для меня фронтовая жизнь была тяжким и опасным повседневным трудом. И я старался выполнять его честно, по велению совести.

Как профессионального артиста меня сразу зачислили в Красноармейский ансамбль песни и пляски Закавказского военного округа. Служил в военных фронтовых бригадах. Передвигались мы в открытых грузовиках по дорогам, развороченным бомбами и снарядами, шли пешком, утопая в грязи и слякоти, а зимой — по колону в снегу, ползая под обстрелом добирались до самых передовых позиций. Нас не останавливали ни осенние ливни, ни морозные вьюги, ни минометный или артиллерийский огонь. Мы шли навстречу опасностям, били врага своим оружием — боевой песней, словом жгучей сатиры.

Часто бывало, что наши песни и музыку заглушали пулеметные очереди и разрывы вражеских снарядов. Но мы не прекращали концерт. И до немцев в свою очередь доносились наши сатирические частушки и голоса музыкальных инструментов.

Но было у нас и другое предназначение: во время упорных сражений мы — артисты — помогали выносить с поля боя раненых. А затем подчас ухаживали за ними бессонными ночами в землянках или полевых палатках, нередко под артиллерийским обстрелом.

Полсотни лет ничего не стерли в моей памяти. Но особенно запомнился концерт в полевом госпитале, когда начальник нашего ансамбля майор Аркадий Темкин читал раненым рассказ о летчике Давыдове.

С обезображенным от ранения лицом Давыдов после госпиталя приехал в родной город, но не решился сразу идти в свой дом. Спрятавшись на вокзале, послал записку жене Маше, рассказал о своем увечье и закончил послание: «...если тебе не по сердцу эта ноша — не приходи».

Он ждал на вокзале час, два, уже взял костыли, чтобы сесть в очередной уходящий поезд. И тут увидел Машу. Она бежала к нему размахивая руками:

— Как ты смел так подумать!

Она целовала его рассеченную шрамами голову, его лоб, глаза, губы...

После концерта медсестра попросила нас подойти к одному из раненых. Это был молодой еврейский парень, танкист, старший лейтенант, с обоженным лицом. Он лишился левой руки и ступни правой ноги.

— Спасибо за концерт, — тихо сказал он, едва сдержи-

вая слезы. — Уверен, что и моя Белла примет то, что от меня осталось.

* * *

Среди многих народов, чьи подвиги в борьбе с фашизмом останутся в веках, был и мой, еврейский, народ. Я горжусь тем, что в списках Героев Советского Союза евреи в процентном отношении занимают видное место. Хотя не секрет, что еврею получить это звание было несравненно труднее, чем представителю любого другого народа. Со многими из них мне довелось встречаться.

Как-то под Сталинградом после концерта к нам за кулисы пришел веселый офицер-артиллерист, представился как Миша Гуревич и тепло поблагодарил за выступление:

— Ваше искусство бьет по фашистам столь же метко, как и мои пушки. Ваши песни и музыка помогают нам громить врага.

Прошло время. И мы узнали из газет, что Михаил Гуревич, талантливый художник, поэт и мечтатель, погиб в бою, и ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

С моим земляком Левоу Гитманом я в первые дни войны вместе шел пешком из Днепропетровска в Бердянск. Впоследствии он за героизм, проявленное при форсировании Днепра, был награжден Золотой звездой.

После войны Лева работал в Днепропетровске директором универмага «Детский мир». Человек кристальной честности, он отказался участвовать в грязных махинациях местных партийных функционеров. За это его «подставили» — оклеветали, судили по ложному обвинению, лишили всех званий и почестей, отправили в тюрьму. Вернувшись из заключения, больной и разбитый, Гитман сказал друзьям:

— Я много раз смотрел смерти в глаза, но выстоял и победил. Но победить коммунистическую ложь оказался бессильным. Я защищал Родину от немецкого фашизма. Но как ее защитить от фашизма советского?!

Впоследствии он был полностью реабилитирован и восстановлен в правах. В Днепропетровске на центральном кладбище сегодня стоит большой памятник — Герой Советского Союза Лев Гитман.

Другой мой товарищ юности Миша Камергородский, проживающий и поныне в Днепропетровске, не оказался кавалером Золотой звезды. Хотя вполне ее заслужил. Он был истинным героем Малой земли. Командир разведроты, Миша отважно действовал в тылу врага, увлекая за собой бойцов. Он награжден орденом Александра Невского, другими орденами. Теплые слова о боевом разведчике, капитане Камергородском можно прочитати в книге писателя Злобина.

У моего товарища, музыканта Рувима Абрамсона, вся семья погибла при бомбежке. Рувим рвался на фронт.

— Я обязан убить хоть нескольких фашистов, — твердил он.

Он добился отправки в боевую часть. Потом очевидцы мне рассказывали, что в боях за Кривой Рог Рувим Абрамсон отчаянно ринулся в рукопашную схватку с криком:

— За наших матерей, за наш народ, за Родину!

* * *

Я мог бы долго описывать отвагу и мужество на войне дорогих моему сердцу друзей — русских, украинцев, казахов, грузин... Подвиги многих из них достойны величественного гимна. Но сегодня я считаю своим долгом ответить тем, кто пытался и сейчас еще пытается очернить мой народ, отнять у него право на звание участника войны. Своими воспоминаниями я хочу засвидетельствовать, что многие евреи сражались и погибали в одном строю со всеми, кто в смертельной схватке боролся с гитлеровским фашизмом.

Антисемиты не знают или не хотят знать, что героической обороной Брестской крепости руководил еврей — полковой комиссар Ефим Моисеевич Фомин. Вспоминаю своего земляка и товарища — фронтового хирурга Юду Пугача. В зимний морозный день на открытой бортовой машине ехал он на срочную операцию к раненому солдату, чтобы спасти тому жизнь. Но не доехал. Сам погиб по дороге от разрыва снаряда.

А как часто я на самой передовой встречал евреев — военных корреспондентов, писателей и поэтов, художников, артистов, кинооператоров! Писатель Василий Гросман находился в Сталинграде все время, пока длилась беспримерная оборона. Под огнем и пулями писал он о подвигах защитников города, своим пером поднимал их боевой дух.

Узнав о гибели своего отца, Лев Иш потребовал срочно направить его на фронт. Он оказался в осажденном Севастополе, ходил в разведку, был среди последних героев города, которые до конца яростно сражались на мысе. Лев Иш погиб с винтовкой в руках.

В 11-ю гвардейскую армию, которой командовал Баграмян, приехал военный корреспондент Илья Эренбург. Он не знал, что такое страх. Рвался на самый передний край, поднимал дух солдат, офицеров, генералов. Его статьи приводили фашистов в ярость. Баграмян писал: «Перо Эренбурга поистине было действеннее автомата».

Еврейские деятели искусства, культуры, литературы, надев военную форму, были стойкими, негибаемыми борцами.

Бесстрашно шел на врага поэт Иосиф Уткин. Он был ранен. Его вынесли с поля боя, доставили в госпиталь, ампутировали четыре пальца правой руки. Во время операции Уткин читал стихи:

И опять шинель — как лодка,
Я плыву куда-то... Это
Сестры грустные в пилотках
На руках несут поэта!

Несмотря на увечье, он после госпиталя снова ушел на Брянский фронт. Иосиф Уткин погиб 13 ноября 1944 года.

Кинооператор Роман Кармен приехал в село Заворыкино Сталинградской области в самый разгар битвы за приволжский город. Обратился к командующему Рокоссовскому:

— Помогите мне снять пленение Паулюса.

— Помогу, — согласился Рокоссовский. — Но услуга за услугу: помогите сперва взять Паулюса в плен. Идет?

Роман Кармен стал на фронте живой легендой. Солдаты видели его с кинокамерой в руках на броне идущего в атаку танка, видели в самых передовых окопах боевого охранения, откуда он снимал рукопашные схватки. Кармен сажался в двухместный самолет-штурмовик на место штурмана-бомбардира; в воздухе по команде пилота сбрасывал бомбы, затем быстро хватал свою камеру и успевал снять неповторимые кадры воздушного боя.

На Северо-Западный фронт в Первую ударную армию приехал в качестве военного корреспондента поэт Михаил Светлов. И сразу направился прямо в роту, которая вела жестокий бой. Об этом доложили начальнику политотдела соединения. Тот после боя упрекнул поэта:

— Почему пошли в роту без разрешения? Там же был такой огонь, что головы не поднять!

— Можно было поднять голову, — усмехнулся Светлов.
— Видите. моя даже уцелела.

Раны и боевые награды кинорежиссера Чухрая, поэта Бориса Слуцкого, артиста Зиновия Гердта и многих других еврейских деятелей культуры — разве это не убедительные документы их ратных подвигов!

...На стенах поверженного рейхстага среди имен победителей были начертаны и многие еврейские фамилии. Вместе с братьями по оружию тысячи и тысячи евреев покоятся в братских могилах, освященных вечным огнем. Это — огни памяти нашей общей трагедии, нашего бессмертия.

З. МАНЕВИЧ,
майор, 43 гв. латышская
стрелковая дивизия

Мучительный вопрос

В конце зимы 1944 года мы, небольшая группа военных, очутились в деревне Михаил Погост (название до сих пор помню) на Северо-Западном фронте. Собственно говоря, деревня была полностью сожжена, осталась лишь одна убогая хата на отшибе. В нее мы и зашли, чтобы немного передохнуть, высушить портянки.

В хате были двое — мужчина и женщина. От нее мы узнали, что жители отчаянно пытались спасти свое добро. Немецких солдат напоили самогоном и уговорили не трогать крестьянские домики. Однако, через несколько дней пришли латыши-эсэсовцы и сожгли деревню.

Мужчина сидел на лавке у двери и в разговор не вступал. Неожиданно он подошел ко мне и попросил выйти в сени. «Надо поговорить один на один» — сказал он. Я переложил пистолет из кабуры в карман и последовал за ним.

Первым делом он спросил, еврей ли я. Получив утвердительный ответ, заплакал и разделся до гола. Все тело было

в шрамах и стружьях. Казалось, не осталось ни одного чистого места. Передам вкратце его рассказ.

Вместе с другими солдатами летом 1941 года он попал в плен. Пытался выдать себя за нееврея, но кто-то предал. Был жестоко избит, а потом вместе с другими евреями и коммунистами расстрелян.

На рассвете он очнулся в луже крови среди трупов. У него хватило сил, чтобы поползти до ближайшей избы. Ее хозяйка оказалась прекрасной души человеком. Она сделала все, что в ее силах — вымыла тяжело раненого, какими-то отварами обработала раны, накормила и укрыла его в подвале. Постепенно он пришел в себя, и, конечно, привязался к своей спасительнице.

И вот пришло освобождение. А вместе с этим перед ним встал мучительный вопрос — как жить дальше. В Москве у него семья — жена и двое детей. Он к ним очень привязан. Но не может покинуть эту святую женщину, которая буквально вытащила его с того света.

— Скажите, — молвил он рыдая, — как быть?

Что я мог ему ответить! Проклятая война, в какие ужасные трагедии вовлекает она людей.

Через несколько часов мы уехали и, естественно, этого человека я больше не видел. Но заданный им вопрос долго мучил и меня. И вместо военных воспоминаний (я был врачом в латышской дивизии) мне захотелось рассказать об одном этом эпизоде. Пятьдесят лет прошло с тех пор. Долгие годы я преподавал в Латвийской сельскохозяйственной Академии, написал более 150 научных работ. Но эта встреча навсегда осталась в моей памяти.

И. ГАССЕЛЬ,
старший сержант,
308 латышская стрелковая
дивизия,
инвалид войны

Первый бой

Когда началась война, мне исполнился 21 год. Пора беззаботной юности, первой любви, время определять будущее.

И очень трудно было осознать, что в жизни всё переменилось, наступили суровые, грозные дни.

Времени для размышлений мало. Принимать решение надо в считанные часы. Я вступил в ряды ополченцев. Увы, первые недели мы с боями отходили на Восток. Измучены были до предела. Раненные шли вместе с нами, старались не отставать, чтобы не попасть в руки фашистов. В одном из столкновений был ранен и я. Но попал в госпиталь далеко не сразу.

После излечения окончил школу младших командиров, стал проситься на фронт. Но старая рана давало о себе знать, и меня оставили в той же школе обучать молодых солдат. Так продолжалось до июня 1944 года. В это время началось формирование 308 латышской дивизии, и я был зачислен в ее состав.

Первый бой, настоящий, когда нервы напряжены до предела, бой, совершенно не похожий на те учебные, что мы разыгрывали в школе, произошел недалеко от Добеле. Сначала мы слышали страшный гул тяжелых моторов. На нас шли танки. Началась стрельба. И вдруг, перекрывая этот грохот, раздался нечеловеческий крик — нашему командиру оторвало руку. Я подбежал, стал оттаскивать его в сторону и тут увидел еще более жуткое зрелище: танк подмял под себя человека. Позади осталось кровавое месиво.

После я видел немало ужасов войны, но тот бой был первым, а первые впечатления всегда самые сильные.

Во время боев на территории Латвии я получил ранение в голову, потерял глаз, потом был контужен и с февраля 1945 года лежал в госпитале в Елгаве. Познакомился со многими ранеными. И здесь тоже было немало страшного. Лежали молодые люди, которые потеряли конечности, а то слух и зрение. Некоторые были изуродованы так, что, как говорится, родная мать не узнает.

Мы поддерживали друг друга, подбадривали. Я часто сидел у одного раненого, который был абсолютно слепым, к тому же без рук и с одной ногой. Легко себе представить, что этот человек передумал о себе, о своей дальнейшей судьбе.

Вернулся я в Ригу и снова страшное известие — убиты три брата, сестра, их дети, моя мать.

П. ОГУРОК,
младший сержант,
6 дивизия РС-13

«Катюши»

В армию я был призван в 17 лет, в Челябинске. Окончил Златоустское пулеметное училище. А оттуда прямо на фронт. В феврале 1943 года получил первое ранение — тяжелое.

После выздоровления был направлен в часть так называемых гвардейских минометов, которые в народе любовно именовали «катюшами». Это было весьма грозное оружие. Стреляли мы термитными реактивными снарядами, залпами сразу всей батареей или дивизионом. Стреляли по площадям, сжигая все живое и материальную часть.

Мы поддерживали огнем наши наступающие части или отражали атаки противника, поражая его на подступах к позициям наших войск. А поскольку наша техника была строго засекречена, то приходилось действовать соответственно. Наши установки были смонтированы на грузовых автомашинах. Получив боевое задание, приезжали на огневые позиции, обычно, буквально в последнюю минуту, быстро производили наводку, тут же давали залп, сразу снимались с позиций и спешно уходили в укрытия, чтобы вражеская артиллерия не успела нас поразить. Это была нелегкая, изнуряющая работа, требующая физической силы, высокой боевой выучки, хладнокровия.

«Катюши», как правила, были в резерве главного командования. Нас бросали на самые острые, самые тяжелые боевые участки, часто переводили с одного фронта на другой, из армии в армию, из корпуса в корпус. Так, мне приходилось воевать на Западном фронте, на Волховском, Ленинградском, 1-м и 2-м Прибалтийских, по разгрому курземской группировки фашистов.

Особенно запомнился один бой на Ленинградском фронте. Восемь раз гитлеровцы поднимались в атаку, шли в полный рост, пьяные, отчаянные. А мы отбивали атаку за атакой. Нагрузка была невероятной. Пришлось часами без передышки подносить тяжелые снаряды, наводить орудия: от

нас требовали все новых залпов. На помощь солдатам приходили все офицеры, включая самого командира бригады. Невзирая на чины и должности, они выполняли самую «черную» работу, подменивали валившихся с ног подносчиков снарядов, заряжающих, наводчиков. Именно такая подлинная боевая дружба и взаимовыручка помогла нам выстоять и победить.

Для большинства частей и соединений Советской армии война победно завершилась в мае 1945 года. А для нас она продолжалась. Бригаду переправили на Дальний Восток, где мы участвовали в боях с японцами. Там обстановка была еще сложнее, чем на германском фронте. Японцы забрасывали к нам в тыл лазутчиков и диверсантов. Они нападали на небольшие воинские части, штабы, больницы и госпитали. А поскольку «катюши» являлись секретным оружием, то нам, в промежутках между боями находясь в укрытиях в ближнем тылу, приходилось быть особенно бдительными.

Как-то ночью я находился в карауле со своим напарником, солдатом Хизматулиным. Вдруг в темноте мы заметили подозрительную тень. Дали очередь из ручного пулемета. Началась тревога, выскочили бойцы и вскоре поймали японца в штатской одежде, но с полным военным вооружением...

После завершения и этой войны еще служил в Порт-Артуре, в Харбине. Демобилизовался только в июне 1947 года. Долгой была для меня война!

Г. КРАВЦОВ,
старший
инженер-лейтенант

Три месяца под бомбежкой

Новороссийский порт. Под покровом мрачной февральской ночи идет спешная погрузка на теплоход. Наш отдельный спецбатальон связи должен десантироваться в Керчи для обеспечения боевых операций по освобождению Крыма.

На переходе всю долгую ночь над нами барражируют самолеты прикрытия. Под утро в предрассветной дымке прямо по курсу все отчетливее вырисовываются контуры разрушенного города: остовы сгоревших зданий, поваленные столбы, воронки от многотонных бомб.

Швартуемся в словно вымершем порту. Спешим с разгрузкой — быстрее, быстрее! В любой момент может начаться очередная бомбежка. Со стороны моря приближается гул тяжелых бомбардировщиков. Уже видны в городе первые разрывы бомб.

Безим через мертвый город к Аджимушкаю — татарской девушке на окраине Керчи, брошенной жителями. Под ней — знаменитые керченские катакомбы. Они проложены в песчаннике, из которого выпиливали блоки для сооружения домов. На глубине 10—12 метров тянутся многокилометровые тоннели, скупо освещенные факелами, сделанными из пустых гильз. Зато сухо и тепло. В нишах обнаруживаем солому, доски, столы из ящиков, хозяйственную утварь. Здесь в годы оккупации базировались крымские партизаны.

Раздается оглушительный гул: наверху усиливается бомбежка. Эхо прокатывается по подземным ходам. Пламя факелов колеблется, по стенам мелькают тени. Некоторые факелы гаснут. От усталости и нервного напряжения валится с ног. Спим одетыми, готовые по первой команде вскочить, выполнять боевое задание.

Накануне бомба взорвалась прямо у одного из выходов. Погибли два солдата, медсестра и воентехник.

Начинаются боевые будни. Бои идут совсем близко — в районе Керчи, Феодосии, разъезда Владиславки. Упорные бои! Город несколько раз переходил из рук в руки, все в руинах.

Налаживаем связь между воинскими частями, с командованием. Одновременно начинаем восстанавливать в городе гражданскую связь, монтируем на улицах репродукторы, чтобы люди могли слушать последние известия, сводки с фронтов.

Работаем под огнем. Враг бомбит город до десяти раз за день. Бомбит жестоко. При установке полевой радиостанции и узла связи погребен под обломками обвалившейся стены четырехэтажного дома один из лучших солдат батальона — Халилов. Было ему всего девятнадцать. Вместе с ним заживо похоронены еще трое,

Идут дни, недели, месяцы. Уже апрель на исходе. А мы все живем в катакомбах. Днем работаем под многотонными авиабомбами, а к ночи снова в подземелье.

С Кавказа, из Новороссийска и Тамани непрерывно поступает пополнение, военная техника. Высоко в небе над нами проплывают тяжелые краснозвездные самолеты. Они идут бомбить Севастополь, где все еще сидят гитлеровцы. Скоро будет большое, решающее наступление, будет победа. В этом никто не сомневается.

А пока с севера и запада летят вражеские стервятники, эскадрилья за эскадрильей. Днем и ночью валяются на нас бомбы. Рушатся каменные стены, корезится металл, с корнем выкорчевываются деревья. Ничто не может устоять. Только люди выдерживают. Но какой ценой!

Г. ЛИБГОТ,
сержант,
43 гвардейская латышская
дивизия, инвалид войны

Курьезы войны

Как эвакуированного из латвийского города Виляка, меня после призыва в городе Киров направили в Гороховецкие лагеря, в 1-й отдельный латышский запасной полк, а оттуда в действующую армию, в 43-ю латышскую гвардейскую дивизию. Воевал на Калининском фронте, Ленинградском, Северо-Западном, участвовал в ликвидации курземской группировки гитлеровцев. Особых подвигов не совершал, но всегда честно выполнял свой солдатский долг, был трижды ранен.

Ярче других в памяти сохранились два эпизода, которые не назовешь иначе, как курьезами войны.

...Это произошло зимой 1943 года под Старой Руссой. Обстановка на передовой была сложной. Мы то теснили «фрицев», то вынуждены были отбивать их контратаки. Сплошной линии фронта не было, позиции и с той, и с другой стороны все время менялись.

Как-то ночью я с небольшой группой солдат притаился на опушке леса. Наши разведчики ушли вперед уточнять изменения в расположении противника. А мы должны были ожидать их возвращения и, в случае необходимости, прикрывать отход разведгруппы.

Часа в четыре утра из леса неожиданно выехала немецкая легковая автомашина и остановилась шагах в двадцати от нас. Из нее вышел немецкий генерал в полной форме и оглянулся. Он явно заблудился в лесу. Заметив нас в кустах, генерал бросился назад и юркнул в автомобиль. Шофер пытался развернуть машину, но она забуксовала в снегу. А мы открыли огонь и прострелили покрышки. Машина окончательно замерла. Генерал и шофер вышли с поднятыми руками и сдались без сопротивления. Мы отвели их в штаб полка. Так, совершенно случайно, у нас оказался ценный «язык».

Второй курьез произошел при ликвидации курземского «котла», в районе Блидене, зимой 1944/45 гг. Я уже был сержантом, командовал отделением. Темной ночью при наступлении в лесу мы потеряли связь со своим взводом и заблудились. Пытаясь найти взвод, вдруг столкнулись лицом к лицу с такой же небольшой группой противника, которая явно тоже блуждала в поисках своих.

«Фрицы» первыми заметили нас, укрылись за деревьями и открыли огонь из автоматов. Мы ответили. Но сразу поняли, что при бое в столь густом лесу победителей не будет: потери могут стать ощутимыми, но полностью уничтожить противника все равно не удастся. Лучше разойтись. Видать, противник подумал о том же. Так и получилось: мы, отстреливаясь, постепенно отошли в одну сторону, а они — в другую. Редкий случай на войне, когда бой, можно сказать, закончился вничью.

Это был мой последний бой. Получил ранение в ногу. Лечился в одном из рижских госпиталей, где и встретил День Победы.

Г. НОЙ,
капитан, 153 стрелковая
дивизия

Сегина за огну ночь

Сегодня мне 84 года. Многое из того, что было на войне, за полвека стерлось в памяти. Но есть эпизоды, видение которых остается свежо, будто они имели место вчера.

...Много ли человеку надо! Были жена, дочка, после института работал на подмосковном авиазаводе. Считал, что жизнь сложилась хорошо.

И вдруг война! Призывают меня и направляют курсантом в Подольское артиллерийское училище. Занимаемся по ускоренному курсу — с утра до вечера. Нагрузки колоссальные. Физические и умственные.

Очень скоро враг подошел к самой Москве. Как-то поднимают по тревоге все училище, и сходу марш-бросок к передовой, прикрывать подходы к столице на одном из участков в районе Малоярославца. А мы и стрелять-то из пушек как следует еще не умели. Да и пушечки у нас были слабенькие, так называемые «сорокапятки». К тому же выдали всего по четыре бронебойных снаряда на орудие! (Боеприпасы тогда были на вес золота).

Дрались наши курсанты отчаянно. Даже подбили два танка. Остальные же прорвались: снаряды у нас кончились. Но не отступать же! Прячемся в окопах-колодцах. А вражеские танки нас утюжат. Один остановился прямо надо мной, несколько раз развернулся вправо, влево, чтобы закопать живьем. Меня по голову засыпало землей, едва дышал. К счастью, руки инстинктивно держал у груди. Это и позволило к утру пальцами разгрести мерзлую землю и выбраться. А многие курсанты так и остались погребенными.

Увидев меня, товарищи удивились:

— Чего ты такой белый?

Оказалось, поседел я за ту ночь.

Училище кончил в 1942 году, в Средней Азии, куда нас эвакуировали. Свежеиспеченными младшими лейтенантами прибываем на Донской фронт. Назначают меня в отдельный истребительный противотанковый дивизион 153-й стрелковой

дивизии, командиром огневого взвода. Это — два орудия в боевых порядках пехоты на танкоопасных направлениях. И снова всего по четыре бронбойных на пушку!

Но тут я уже ума набрался. Взял нескольких солдат и с ними прямо на ближайшую дорогу. Перекрыли ее и останавливаем все грузовики, идущие в сторону передовой. Без лишних слов, угрожая оружием, забираем у них снаряды и все прочее, что нам требуется. Конечно, это был подлинный разбой. Но что поделаешь! С четырьмя снарядами не повоюешь.

Вскоре меня назначили командиром батареи, затем помощником начальника штаба дивизиона, начальником штаба. Мне везло: за всю войну ни одного ранения, только контузии.

Запомнился бой уже в Польше, в районе Познани. На нас шло танков двадцать. Шли упорно, словно обреченные. Половину мы подбили, остальные продолжали атаковать. Но мы тоже упорствовали, не пропускали их. В конце концов они свернули куда-то в сторону.

Когда с тяжелыми боями вышли к Висле, думали, что получим передышку, пока подтянут тылы, доставят средства переправы. Но в дивизию на маленьком самолете прилетел командующий армией Чуйков, впоследствии Маршал Советского Союза. Поставил задачу — немедленно форсировать реку и захватить на том берегу плацдарм.

А Висла широкая. У нас же ни лодок, ни понтонов. Но приказ есть приказ. Саперы нашли неподалеку несколько бревенчатых домов. Разобрали их и связали большие плоты. Погрузили пушки, боеприпасы, автомашины, солдат.

Когда плот, на котором я переправлялся, находился на середине реки, начался артиллерийский обстрел. Тяжелый снаряд угодил в самый угол плота. Все имущество и люди оказались в воде. Я не умел плавать. Спас меня ординарец, в прошлом черноморец.

...По моему боевому пути можно изучать географию Восточной и Центральной Европы: участие в окружении группировки Паулюса под Сталинградом, форсирование Дона, выход к Днепру за Краматорском, взятие украинского города Славянск и польской крепости Познань. А закончил я войну в Берлине. Являюсь кавалером пяти боевых орденов.

После войны работал в Риге на заводе РЭЗ начальником цеха, потом ведущим технологом. Сейчас — пенсионер.

Хочу заметить, что на войне никогда не ощущал анти-семитизма. Ненависть к врагу объединяла в действующей армии людей всех национальностей. Зато после войны, на «гражданке», мне, к сожалению, не раз приходилось сталкиваться с этим явлением, характерным для печальной памяти Советского Союза.

А. ФРЕЙДСОН,
майор,
229 гв. авиаполк
дальнего действия

«Я — Сокол 32»

Летали мы на бомбардировщиках типа Б-25 «Митчелл». Это были для того времени хорошие машины. Американцы поставляли их нам по ленд-лизу. Они были отлично приспособлены для ночных полетов, имели радиус действия более 2000 км, потолок полета почти 7000 м и доставляли к цели до двух тонн бомб.

Летали мы много, бомбили промышленные центры врага, железнодорожные узлы, скопления войск и техники, склады, коммуникации, аэродромы и, конечно же, передний край вражеской обороны. Лучше всего запомнились полеты, связанные с выполнением особых заданий.

...Было это в 1943 году. Базировался полк на одном из подмосковных аэродромов. Шла обычная подготовка к полетам. Техники проверяли материальную часть самолетов, оружейники подвешивали в бомболюки зажигательные и фугасные бомбы. Только наш экипаж обслуживали по-особому: горючим заправляли, как говорится, под пробку, да еще запасные баки в бомболюках — верный признак предстоящего полета на особо дальнюю цель. А вместо бомб — огромные пачки листовок на немецком языке.

На аэродроме все догадывались, что задание у нас необычное. Но вопросов никто не задавал — в дальней авиации это не было принято. Куда полетим — знал только

Экипаж. Да и нам задачу поставили лишь перед самым вылетом.

Взлетаем раньше других, еще засветло. Набираем высоту. Постепенно солнце заходит за горизонт. На западе все тоньше становится оранжево-фиолетовая полоска заката. Земля как бы сереет.

Проходим линию фронта. Под нами земли Белоруссии, терзаемой врагами. Видим действующие аэродромы противника, но на сей раз обходим их стороной. Одиночные облака смыкаются в сплошной фронт. Какое-то время летим над плотным белым ковром, курсом на Латвию. Появляется прибрежная полоса. Берем мористее. Время тянется медленно.

В условленном месте делаем разворот влево. Вскоре справа на траверзе появляется город Штеттин. Над ним горят светящиеся авиабомбы, видим сполохи. Это — наши товарищи работают по цели.

Набираем высоту. Надеваем кислородные маски. Здесь без них нельзя. Они мешают работать, но снимешь — в глазах оранжевые круги.

Наконец прямо по курсу видим свою цель — Берлин. Опоясанный множеством магистралей, он затаился, словно гигантский спрут. Под нами ритмично покачиваются серые тени — аэростаты заграждения. Снизись — попадешь в их сети. Тогда конец, прощай жизнь!

В городе видим взрывы, пожары: работают наши соседи по аэродрому из 45-й авиадивизии на ТБ-7, другие соединения на ИЛ-4. Входим в зону заградительного огня. Самолет как бы скачет по волнам: наш командир выполняет противозенитный маневр. Вокруг рвутся зенитные снаряды. В кабине резкий кислый запах пороха и тротила.

Ложимся на боевой курс прямо в центре Берлина. Самолет, точно норовистый конь, сдерживаемый уздой, словно осаживается назад. За нами сплошной белый хвост: из люков летят мириады листовок. Задание выполнено.

Резкий разворот со снижением и скольжением. Слева в воздухе вспыхивает огненный клубок, рассыпаются искры: взорвался один из наших атакующих бомбардировщиков. Прощайте, товарищи!

Спешим вырваться из зоны ПВО. Следим за воздухом: нас могут подкарауливать различные сюрпризы. Снижаемся, снимаем кислородные маски. Уже видна береговая полоса. На востоке сереет — первые признаки рассвета. А до линии

фронта ещё далеко. Весь экипаж — пять человек — напряженно молчит. Слышны лишь редкие реплики по уточнению курса.

Проходим Латвию, Белоруссию. Стало совсем светло. Слава Богу — скоро дома. Барашки облаков то тут, то там. Вдруг в стороне мелькает тень, за ней другая. Опознаем «косы» — немецкие истребители ME-109. Они нас тоже заметили, разворачиваются. Теперь исход решают секунды. Истребители более маневренны, они заходят нам в хвост для атаки. Командир крепко сжимает штурвал, лицо у него каменное. В последний миг нас проглатывает спасительная облачность. Идем в сплошном молоке. Немцы явно потеряли нас из виду.

По расчету времени проходим линию фронта. Снижаем-ся. Из наушников звучит знакомая песня:

**«...Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы летим на последнем крыле.
Вся команда цела
И машина пришла
На честном слове и на одном крыле...»**

Это — наша приводная. Призывно дает она нам курс на родной аэродром. Да, на сей раз пронесло. Что будет завтра, послезавтра?!

* * *

По данным разведки и партизан на железнодорожном узле Брянска по ночам наблюдается большое скопление вражеских эшелонов с боеприпасами, горючим, боевой техникой, живой силой. Поступает приказ — нанести бомбовый удар силами нашей авиадивизии. Задача не из легких: цель прикрывают значительные силы ПВО — зенитная артиллерия, ночные истребители. А нашему экипажу во главе с командиром Евгением Черновым и опытным штурманом Николаем Попковым особое задание: фиксировать результаты боевой работы дивизии — идти замыкающими и тут же с высоты делать контрольные фотоснимки.

Фотокамера закреплена в хвосте самолета на жестких кронштейнах. Объектив ее направлен вниз под углом 90°. Это значит, что прицельно фотографировать вниз можно

только во время строго горизонтального полета. При малейшем крене самолета в момент съемки объектив камеры отклоняется в сторону и на пленку не попадает нужный объект на земле. А чтобы заснять всю цель, надо, обычно сделать серию до десяти снимков.

Бомбящий самолет находится на боевом курсе считанные секунды, пока штурман прицеливается и сбрасывает бомбы. Затем летчик сразу выполняет противозенитный маневр, уходя в сторону, вверх или вниз. А фотографирующий вынужден идти в строго горизонтальном полете несколько минут кряду, пока не сделает все снимки, и все это время он представляет собой удобную мишень для зенитчиков и истребителей противника. Так что перспектива у нас не из лучших.

...Команда на вылет. Запускаются двигатели. Одна эскадрилья за другой вырываются на старт и взлетают в ночное небо. Мы — последними. Курс — на запад. Набираем высоту для перехода линии фронта. Ночью она обозначена вспышками взрывов артиллерийских снарядов, освящается ракетами.

Подходим к Брянску. Впереди над целью уже горят свещающиеся авиабомбы — САБы, медленно опускаются они на парашютах. Это — работают наши эскадрильи: освещают цель и бомбят ее. Внизу взрывы и пожары. К нашему приходу САБы гаснут, оставляя за собой бело-грязные извивающиеся жгуты. На железнодорожных путях все горит, взрываются бензоцистерны. Хорошо поработали товарищи. Теперь наша очередь.

Снижаемся. Ложимся на боевой курс. Делаем один снимок, другой. Но по курсу самолета сплошная завеса заградительного огня. Противник засек нас и пытается сбить. Вынужденно отворачиваем. С левым разворотом уходим на второй круг. Все повторяется. Третья попытка. Мы в плотном огне зениток. Вокруг самолета, выше и ниже — сплошные вспышки, красно-вишневые, плывут белые шапки. Взрывы зенитных снарядов приближаются, перебивают гул наших двигателей. Осколки стучат по плоскостям и фюзеляжу самолета. Но мы делаем всю серию снимков. Теперь можно отваливать.

Лучи прожекторов бешено мечутся по небу, пытаются схватить нас. Мы в белом молоке, словно голые в ярком свете. Но вдруг... как по мановению волшебной палочки зенитный огонь прекращается. Это означает, что на наш само-

лет наводятся вражеские истребители. Непривычная, жуткая тишина!

Командир бросает машину влево, вправо, пытаясь вырваться из лучей прожекторов. Наша серебрянная птица извивается в коварной белой паутине. И тут под нами сноп трассирующих крупнокалиберных пуль: истребитель ударил, но промахнулся.

Нас прижимает к сидениям. Кажется, что самолет в беспорядочном падении. Но им управляет опытная рука. Мы потеряли высоту и уже в стороне от цели. Стало темно: вырвались, наконец, из плена прожекторов. Теперь домой!

Идем на восток. Радист передает: «Задание выполнено». Но напряжение не спадает. Надо пройти над территорией, которая еще под гитлеровцами. Обходим населенные пункты, где могут быть зенитные установки, следим за воздухом: вражеские истребители часто барражируют на маршрутах бомбардировщиков. А заметить ночью истребитель можно только по выхлопам двигателя.

Молчим. Лишь изредка командир и штурман уточняют курс. Наконец, из эфира доносится по радиомаяку песня. На сей раз это популярная «Синенький скромный платочек...» Она зовет нас на родной аэродром.

Проходим линию фронта. Теперь внизу свои. Но бдительность сохраняем: и здесь еще могут быть неприятности от истребителей противника, выходящих на свободную охоту.

Вдали справа наплывает громада Москвы. Мы ее обходим. Впереди огни родного аэродрома. Взлетают ракеты. Это ждут нас. Остальные самолеты дивизии уже на земле.

Наш командир включает командную радиостанцию:

— Я — Сокол-32! Я — Сокол-32! Разрешите посадку.

В наушниках самолетного переговорного устройства слышен голос руководителя полетов:

— Сокол-32. Посадку разрешаю.

Командир мягко сажает машину. Катимся по рулежной дорожке. На стоянке нас с нетерпением встречают техники, считают пробойны на плоскостях и фюзеляже. Командир глушит моторы. Сплошная тишина. Как непривычно после всего пережитого!

В столовой официантка приносит каждому фронтные сто граммов. Ужинаем или, вернее, завтракаем. Ведь уже рассвет. Идем в общежитие, ложимся. В голове, словно в ка-

лейдоскопе, мелькают события вылета. И проваливаешься в неведомую тьму сна.

* * *

В начале сентября 1944 года нашему авиаполку поручили сбросить спецгруз в горах Словакии для восставших против немцев патриотов. Такие полеты, да еще ночью, осложнялись многими факторами: район цели опоясан горными массивами Татр и нелегко давалось обнаружить его в цепи горных хребтов и вершин, высота сброса груза — 500 метров, постоянно менялись в тех местах метеоусловия и, главное — при выходе на цель не было ни радиомаяков, ни иных приводных средств. Успешное выполнение задания требовало большого мастерства от экипажей, умения визуальнo ориентироваться.

Лететь в полку хотели все. Отобрали самые опытные и надежные экипажи, в том числе наш.

Взлетаем, ложимся на курс. Впереди идет самолет-лидер. Его радист работает на привод, ведет нас за собой. Пролетаем Украину. Вот и горы. Набираем высоту. После условленного поворота ложимся на курс к цели и входим в створы Татр.

Погода терпимая. Под нами снеговые вершины, хребты. Цели не видим. Но лидер уже кружит над ней, дает нам ориентир. В полной темноте входим в долину реки Грона, опоясанную горными хребтами. Впереди — прямоугольник костров. Это — словаки подают нам сигнал. Резко снижаемся, открываем люки. Сброс! На землю летят зеленые сигарообразные мешки. Распахиваются их парашюты. Вроде все в порядке, задача выполнена. Но именно сейчас начинается самое неприятное.

Надо выйти из района Зволена, аэродрома Три Дуба, как его прозвали словаки. Впереди горы. Командир корабля Илья Герц уверенно ведет машину. Двигатели натужно режут. Ползем вверх, а гора надвигается над нами. Главное — преодолеть подъем, не врезаться в гору.

Наконец, гора позади. Опасность миновала. Летим домой.

...15 апреля 1945 года. Базируемся в польском селе Невиски. Настроение приподнятое: скоро конец войне. Нас собрали в клубе. Экипажи готовы к вылету. Цель известна — Кюстрин. Задача ясна — удар по укреплениям врага. Нас

предупреждают: до цели полное радиомолчание для маскировки и строгое соблюдение высоты полета во избежание столкновений, очень уж много самолетов будет в воздухе.

А команды на вылет все нет. Танцуем под радиолу. Время уже за полночь. Наконец, появляется начальство. Уточняет: время удара — 5.15 утра, высота — 3000 метров. По машинам!

Мы в воздухе. Пролетаем освобожденную Польшу. Вот и Германия. Впереди как змея извивается река Одер. На земле сплошные вспышки — бьет по врагу наша артиллерия всех калибров. Подходим к цели, ложимся на боевой курс. Светает. Самолет словно вспухает, освободившись от бомб. Над нами эскадрильи ТБ-7. Из их бомболюков тоже сыпятся «гостинцы». Возвращаемся на свой аэродром. В предутренней мгле навстречу несутся мириады ТУ-2, ПЕ-2, за ними ИЛы. Берлин в огненном кольце трех фронтов.

...Бомбим порт Свинемюнде. Над целью подбит и взорвался самолет капитана Горлова. Хороший был человек, отменный летчик. Да разве он один! В последние дни войны особенно остро ощущаешь потерю тех, кто не вернулся с боевого задания.

У нас в полку было и немало евреев, ковавших победу — командиры кораблей Илья Герц, Яков Якубсон, Владимир Рабинович, штурманы Борис Маркушевич, Ефим Цимерман, оружейник Семен Холодный и многие другие. Вечная им слава!

Б. ЛЕВИН,
младший лейтенант,
183 СД, 195 СП

Чех воевать не хотел

Восьмой даугавпилсский пехотный полк, где я служил, стал после прихода Красной Армии 291 стрелковым полком 183 дивизии 24 Латвийского территориального корпуса. Мы располагались в летнем лагере в Царникаве. Рано утром

22 июня со стороны Риги слышались взрывы и непрерывный шум самолетов.

— Немцы Ригу бомбят! — крикнул командир в форме советского летчика. Был он весь какой-то черный, весь в поту.

Это было первое известие о начале войны. Но толком узнать ничего не удалось. Связи с Ригой уже не было. Нас построили на берегу Гауи. В этот момент с другого берега раздалась длинная пулеметная очередь. Бойцы санитарного взвода, которые стояли с краю, попадали на землю. Так появились у нас первые убитые и раненые. Кто стрелял — установить не удалось.

Через день мы уже отступали в сторону Алуksне. Часто из леса раздавались автоматные очереди. Но искать диверсантов было некогда, немцы шли буквально по пятам. К тому же над дорогой непрерывно пролетали германские истребители. Казалось, они вот-вот колесами заденут за голову. Видимо им доставляло удовольствие безнаказанно расстреливать все, что движется. Мы валились в придорожные канавы, но вставали из них далеко не все. Дорога была усеяна трупами.

На какой-то день перешли границу Латвии. Пятьдесят лет прошло, но впечатления от увиденного в первом русском селе были настолько сильны, что сохранились до сих пор. Наша солдатская кухня отстала. Вижу, идет по дороге старушка в черной длинной юбке. Спрашиваю: «Бабушка, где тут у вас можно хлеба купить?» А она: «Сыночек, мы и в мирное время хлеба вдоволь не ели, а сейчас-то...» и выразительно махнула рукой.

Это меня поразило. Мои представления о Советском Союзе складывались на основе известных песен «Широка страна моя родная...», «Мы железным конем все поля обойдем...» и других. Удивил и контраст между сельскими постройками, к которым мы привыкли в Латвии, и тем, что увидели в Псковской области. Крыши изб покрыты гнилой соломой, видно, что многие из них построены, как говорится, при царе-горохе.

Когда мы вошли в Псков, он был весь в огне. И опять же невольно обратили внимание на необычное — на главных улицах города тротуары были сколочены из досок. Впрочем думать обо всем этом было некогда. Предстояло грузиться на поезд, который повез нас в город Остров. По-

том оказалось, что и оттуда надо отступать. Полагали, что здесь танкоопасное направление, но у немцев видно были другие планы. Вообще толком никто не знал, где неприятель. Дело было ночью, слева горели постройки свиносовхоза, слышался истошный визг свиней. Мы шли, чтобы занять новые позиции. Неожиданно передо мной выросла фигура немца, который громко кричал: «Нихт шиссен» («Не стреляйте»).

Я повел его в штаб батальона, по дороге выяснил, что он чех, человек левых убеждений, воевать не хочет. У нас никто еще живого немца не видел. Вскоре прибыл на танкетке командир полка. Поскольку я неплохо говорил по-немецки, меня решили использовать в качестве переводчика. Позднее перевели в штаб дивизии.

Хотя теперь я находился не на самой передовой, войну мы чувствовали постоянно. Во время одной из бомбежек я был тяжело контужен, потерял слух и речь. Потянулись дни в госпитале, а затем я был демобилизован и несколько лет работал на оборонном заводе.

Вернулся в Ригу в декабре 1944 года. Все мои родственники, в общей сложности человек пятнадцать, погибли в Румбуле. Страшной была смерть матери. Она несла грудного ребенка, племянника. Полицейский выхватил малыша из ее рук, взял за ноги и ударил головой об асфальт. Мать потеряла сознание, ее расстреляли. Это я узнал от соседей.

Д. ЗИЛЬБЕРМАН,
сержант, 663 армейская
артиллерийская бригада

...И в пустынях Монголии

Войну начал под Смоленском, где наша артиллерийская бригада оказалась в окружении и примерно месяц вела тяжелые оборонительные бои в районе Местного Бора. Наконец, до предела изнуренные большими потерями, непрерывными атаками гитлеровцев и постоянным голодом (доходило до того, что питались корой деревьев), остатки бригады

вырвались из окружения и были отправлены на переформирование.

Помнится эпизод. Служил у нас рядовой Борис Богров, еврей. Как коммунисту и грамотному человеку ему предложили перейти в танковую часть на командирскую должность замполита. Борис отказался — не хотел покидать своих боевых товарищей по артбригаде. За это его с другими «проштрафившимися» включили в состав штурмовой группы, которая при прорыве кольца окружения должна была уничтожить вражеские пулеметные огневые точки. Вся группа погибла.

В 663-й артбригаде я служил с момента призыва и до самой демобилизации. Охраняли мы на Ладожском озере «Дорогу жизни», участвовали в освобождении городов Великие Луки, Витебск, Каунас, в штурме Кенигсберга.

Как-то на наблюдательный пункт бригады, где в этот момент находилось несколько высших офицеров, напала группа гитлеровских танков, совершавших разведывательный рейд по нашим тылам. Я участвовал в обороне наблюдательного пункта и гранатами подбил один из танков. За это был удостоен ордена Красной Звезды.

День Победы бригада встретила под польским городом Гданьск. И сразу же, в мае 45-го, нас погрузили в железнодорожные составы и отправили в Монголию, где бросили на прорыв Маньжурско-Холунаршанского укрепрайона японцев. Там была совсем иная война. Сколько сил потребовало преодоление безводной пустыни Монголии и горного хребта Большой Хинган!

В пустыне мучала не только постоянная жажда, но и непривычные суточные перепады температуры, которая доходила днем до плюс 40 градусов, а к ночи падали до минус десяти. Воду доставляли раз в сутки, но не в цистернах, а на открытых грузовиках, кузова которых были просто устланы брезентом. В таких «бассейнах» вода быстро нагревалась. Каждому выдавали для питья и умывания в сутки по одной фляге воды.

После разгрома Квантунской армии японцев наша артбригада стояла в городе Порт-Артур, где я и демобилизовался в 1946 году. Вернулся в родной Харьков. Здесь узнал, что жена с двумя детьми переехала в Ригу, и последовал за ними.

И. КЛЕЙНШТЕЙН,
рядовой,
43 гв. латышская
стрелковая дивизия

Возвращение

В конце 1944 года наши войска, перейдя границу Латвии, успешно продвигались к Риге. Я служил в саперном взводе 123-го латышского гвардейского полка. Как-то, уже за Мадоной, командир полка полковник Пиесис направил наш взвод вперед подготовить новые командный и наблюдательный пункты. Но по пути, выйдя из леса, мы в ночной темени нарвались на группу из шести вражеских «фердинандов». В коротком, неравном бою меня ранило. Правда, легко. Но комвзвода капитан Пихелис отправил меня в медсанбат.

Так я оказался в госпитале, в городе Крустпилс. Встретил там земляка, тоже из Даугавпилса, некоего Гольдмана. До нашего дома было всего 90 километров. Очень хотелось побывать в родном городе, где мы не были три года, узнать что-нибудь о родных, близких.

Обратились к начальнику госпиталя. Пожилой еврей, он лишь спросил:

— Десять суток вам хватит?

Нам выписали увольнительные, выдали сухой паек. Добирались на попутном грузовике. Сердце сжималось — что нас там ждет?

Подъезжаем. Вот Погулянка, крепость, Дубровенский сад. Стучу водителю. Останавливаемся у спуска к улице Солнечной, моей улице. Прощаюсь с Гольдманом. Его дом дальше, на Новом строении.

Вокруг все знакомо. С этой стороны разрушений мало. Вот старые каштаны, памятные с детства «солнечные часы». А дальше... ничего не узнать. До нашего дома все пусто. Сам дом разрушен основательно: остались только стены первого этажа. Второй этаж и чердак рухнули. Видна часть нашей ванной. Какая она маленькая! Как мать умудрялась мыть в ней сразу меня и старшего брата! Во дворе каменная ступа, в которой мы толкли мацу. Вот все, что осталось!

Посидел на ступе. Вокруг ничего и никого. Куда идти? Пошел дальше по своей улице. Вдруг, не верю глазам

своим — Берке Цесван, друг детства. В штатском. Обнялись. Эвакуироваться он не смог. Добрые люди прятали, не выдали, спасли. Но это стоило жизни его старшему брату Велвелу. Тот до войны служил в НКВД, успел уехать в тыл. Зная, что в Даугавпилсе всех евреев уничтожили, указал в анкете, что родственников в оккупации нет. А тут нашелся брат. Велвела за «ложные» сведения отправили в штрафной батальон. В первом же бою он погиб.

О судьбе моих родителей Берке ничего не знает. Советует пойти на улицу Алейную, где в уцелевшем доме организовали синагогу.

— Там, возможно, что-то узнаешь. От тех, кто остался жив.

— А из наших ребят кто-нибудь уцелел?

— Маша Глик. Она работает в кинотеатре «Эден».

Я обрадовался. Для Маши у меня были хорошие известия.

...Это произошло в конце февраля 1943 года. Воевали мы под Старой Руссой, у совхоза «Пенно». Получили задание проделать два прохода от леса до вражеских окопов. Утром полк должен был наступать. Предстояло обезвредить мины, прорезать колючую проволоку, обозначить каждый проход ветками.

В моем отделении шесть человек. Делимся на две группы. В белых маскхалатах ползем по снежной целине. В руках щупы, миноискатели, ножницы. При каждой ракете замираем. Работа идет медленно. Лютый мороз. «Фрицы» стреляют трассирующими, наугад. До окопов 100—120 метров. Начали в шесть вечера. Надо управиться к двум ночи. В четыре утра — наступление.

Еле успеваем вовремя. Ползем обратно. Вдруг слышу, как какой-то командир громко распоряжается, куда ставить мины, куда ложить боеприпасы. Зло берет — неужели нельзя тише?

Собираюсь отругать крикуна. Подхожу ближе и... узнаю Абремка Левина с нашего двора. Это он здесь располагает свою батарею.

Такие встречи на фронте бывают редко. Обнимаемся. Он рассказывает, как спешно уходил из Даугавпилса и при бомбежке, в суматохе, разминулся со своей женой. Теперь не знает, где она.

— А кто твоя жена?

— Ты ее знаешь — Маша Глик.

Она действительно жила недалеко от нас.

В это мгновение рядом разорвался снаряд. Мы оба оказались ранеными. Абремке сильно пострадал. Его увезли далеко в тыл. Больше я его в дивизии не видел. Я отделался легким ранением. Месяца через три снова был в своем взводе.

...Да, непременно надо повидать Машу!

Нашел я ее в кинотеатре. Спаслась она чудом. Где-то пряталась, более двух лет сидела в какой-то яме. Одежда на ней сгнила. Сообщил, что муж жив и непременно вернется. О моих родителях она ничего не знала. Рассказала, что старший брат мужа — Берке Левин — убил лопатой полицая. Его на месте застрелили.

У меня был адрес жены моего бывшего командира, которая с фронта уехали в Даугавпилс рожать. У нее переночевал, отдал ей свой паек. Утром пошел искать синагогу.

Города, как такового, больше не существовало. Все разрушено. Можно было одновременно видеть Дворянский переезд и съезд на дамбу по Мясницкой улице. В синагоге молились три человека. По их словам в городе спаслось только 13 евреев. Узнал я, что старшая сестра моего друга Мули Гец была повешена на Рижской улице и висела два дня. Когда вели на расстрел женщин, среди них были жена и две дочери нашего соседа, дамского портного Зильбермана. Он прибежал и просил, чтобы его расстреляли вместе с семьей. Палачи с насмешкой удовлетворили просьбу.

О моих родителях и родственниках никто ничего не знал. Позднее пришел еще один спасенный, наш сосед Мотел Кром. Он рассказал, будто среди двухсот заложников, взятых в первые дни оккупации, находился и мой отец. О матери он ничего не знал. Сказал только, что акций по расстрелу женщин было много.

В синагоге была и большая семья из Прейли. Она пряталась в яме у одного соседа. При отступлении фашистов ее обнаружили. Всю семью увели в лес, чтобы расстрелять. Но там к ним неожиданно обратился старший из немцев:

— Мы будем стрелять в воздух, а вы бегите глубже в лес. Дня через два здесь будут советские войска. Тогда и выходите.

Так и спаслась эта семья. Только в Прейли возвращаться они побоялись. Пришли в Даугавпилс.

В опустевшем, осиротевшем городе мне больше нечего было делать. Пошел на вокзал. До Ливани уже шли поезда. Дальше снова ехал на попутной машине. Вернувшись в госпиталь, сразу попросился на фронт. По натуре я человек мягкий, миролюбивый. Но в дальнейших боях за Ригу и по ликвидации Курземского котла участвовал с особой злостью.

А. ДАЙБАХ,
гв. подполковник

Стояли насмерть

Первый бой с подвижной группой противника наша рота, где я был командиром отделения, приняла близ шоссе между Витебском и Оршей. Мы были вооружены только винтовками, немцы буквально поливали нас огнем из автоматов. С потерями мы вышли из боя и вскоре поняли, что наша 153 стрелковая дивизия попала в окружение. Шли первые дни и недели войны, непрерывное отступление, скоротечные бои.

Мы двигались на восток параллельно магистрали Минск—Москва. Гитлеровцы с самолетов сбрасывали листовки, призывали уничтожать комиссаров и жидов и прекращать сопротивление.

Трудные переходы по лесному бездорожью, недоедание, частые встречи с противником — все это сказалось на наших людях. Они были истощены, теряли последние силы. Солдаты бросали шинели, противогазы, даже саперные лопатки, поясные ремни, словом все, без чего можно обойтись. Даже необходимые вещи в этих условиях мешали, приобретали невероятную тяжесть. Тащили, а некоторые просто волокли оружие и вещмешки с боеприпасами.

15 августа 1941 года я был ранен осколком мины в бедро. Идти не мог. Командир роты приказал втиснуть меня в донельзя нагруженную ранеными повозку. К счастью через два дня мы вышли из окружения.

После излечения меня послали в танковое училище. В мае 1943 года мы, группа новоиспеченных лейтенантов, выехали в Челябинск, где получили новые танки Т-34. Здесь же были сформированы экипажи, проведены пробные стрельбы, и вскоре я уже был командиром танкового взвода 125 батальона 112 танковой бригады.

Первая встреча состоялась с танковой дивизией СС «Мертвая голова». Противник превосходил нас количественно и решено было отходить. Командир батальона приказал мне со взводом остаться на станции Высокополье (это на железнодорожной магистрали Харьков—Полтава) и сорок минут «стоять на смерть», прикрывая отход подразделения.

Сгущались сумерки, немцы постреливали, но, не зная, видимо, наших сил, не решались на активное сближение. Назначенные сорок минут истекли, и взвод покинул станцию. Мы благополучно добрались до своих, да еще по дороге с помощью буксирных тросов вытащили танк, застрявший в кювете.

Через два дня после этого я был тяжело ранен — перебило кисть левой руки. Медики вылечили, но признали ограниченно годным к службе. Так я стал начальником технического отдела на складе автобронетанкового имущества Первого прибалтийского фронта. Мы двигались за действующей армией, а позднее склад был передислоцирован в Ригу. Здесь я прослужил до 1971 года.

Уже после войны узнал о судьбе моих старших братьев. Яков тоже был танкистом, погиб под городом Знаменка, Моисей умер от тяжелых ранений, полученных при высадке морского десанта. Похоронен в Одессе.

Короткой строкой

А. ФРОЛОВ,
майор

В 17 лет добровольцем пошел в армию. Служил в зенитной артиллерии, принимал участие во взятии Берлина, в освобождении Праги. Закончил службу в 1971 году в должности заместителя командира ракетного дивизиона.

И. ЭВЪЯН,
рядовой, 43 гв. стрелковой
дивизии

На передовую попал в марте 1942 года под Старой Руссой. Вскоре получил осколочное ранение в спину. По излечении снова вернулся в строй. Участвовал в освобождении Невеля, Прейли, Риги. По возвращении в Латвию узнал о гибели братьев с семьями, матери и сестры.

В. МАЛЕР,
рядовой, 201 лат. дивизии,
инвалид войны

В боях под Наро-Фоминском был тяжело ранен, двое суток пролежал на поле боя без медицинской помощи. После многомесячного лечения признан инвалидом.

Я. СОМИНСКИЙ,
рядовой

Бежав из Риги, в возрасте 17 лет добровольцем пошел в армию. Был солдатом в полку связи, участвовал в Сталинградской битве. В начале 1943 года меня демобилизовали и направили в угольную промышленность. Работал на шахте до 1946 года, после чего вернулся в Ригу.

(В настоящее время Я. Соминский проживает в Израиле.)

Л. ХАПОВ,
инженер-подполковник

Будучи инженером по полиграфии ряда фронтов, обеспечивал выход фронтовых, армейских, дивизионных газет. В 1953 году похоронил мать по религиозному обряду, за что был исключен из партии, уволен из армии. Не дали дослужить нескольких месяцев до пенсии за выслугу лет.

В Белоруссии фашистскими оккупантами были расстреляны жена и сын.

В. РУБИНШТЕЙН,
капитан второго ранга

Участвовал в военных действиях на Дальнем Востоке, был помощником штурмана эскадренного миноносца «Резвый»

Тихоокеанского флота. В дальнейшем более двадцати лет служил на офицерских должностях в подводных силах военно-морского флота.

М. ЛИВШИЦ,
лейтенант,
10 зенитно-пулеметный полк

Командовал взводом. Вышний Волочек, Великие Луки, Полоцк, Радвилишкис, Шауляй, Рига — таков боевой путь нашего полка. Сбили два «Юнкерса», продырявили плоскости многим фашистским стервятникам.

М. ГЕРШОВИЧ,
сержант, 43 гв. стрелковая
дивизия

Служил в армии в старой Латвии, поэтому меня сразу поставили командиром отделения станковых пулеметов. Был ранен. После демобилизации в 1945 году вернулся в свой родной Даугавпилс. Всех родных расстреляли фашисты.

Б. ПРЕСМАН,
капитан,
Первая танковая армия,

На третий день после окончания школы призвали в армию. Окончил танковое училище, стал командиром танка, впоследствии — командир танковой роты в Первой танковой армии Первого Украинского фронта. День Победы праздновали в Берлине. Всего прослужил в армии почти 40 лет.

И. КРАМИНОВ,
рядовой,
104 стр. дивизии

Злоключения одной семьи

По пустяковому обвинению в октябре 1940 года меня арестовали и осудили на пять лет лишения свободы. Как тогда

говорили, пять лет давали вообще ни за что. Отбывать наказание пришлось на Севере. Около двух недель нас везли в холодном товарном вагоне. Я тяжело заболел. Лечился так — в обмен на пайку хлеба мне давали кружку горячей воды. Когда конвою сообщили, что в вагоне умирает человек, последовал ответ — вот умрет, тогда заберем. По прибытии на место нас погнали рыть котлован для строящегося завода. На мое состояние никто не обратил внимания.

Когда началась война, вражеские самолеты сбрасывали листовки с призывом: «Бейте жидов и коммунистов». Мой однопарник, с которым я ел из одного котелка, радостно подбежал ко мне, тыкал в лицо этой листовкой и угрожал. Так даже в тех тяжелейших условиях проявлялся антисемитизм. Между прочим после войны я увидел этого человека в Ленинграде, где он занимал какой-то высокий пост.

Всю осень и зиму 1941 года и весь следующий год мы рыли окопы в прифронтовой полосе. Кормили два раза в сутки «баландой». Люди погибали от голода и холода, падали прямо на работе или у костра. Я неоднократно писал жалобы с просьбой пересмотреть мое дело и отправить меня на фронт. Только весной 1943 года мою просьбу удовлетворили. Но понадобилось двухмесячное пребывание в госпитале, чтобы я пришел в норму. Стал солдатом в одной из дивизий Карельского фронта. Позднее нас перебросили на юг, соединение вело бои в Венгрии и Австрии.

Мне хочется рассказать здесь историю моей покойной жены Мани Израилевны и нашего сына. Поистине столько бед для одной семьи — многовато! В первые дни войны, спасаясь от наступавших гитлеровцев, она вместе с сыном шести лет пошла пешком в сторону Бобруйска. Но уйти не удалось. В каком-то уже занятом фашистами местечке ее приютила одинокая бедная женщина. Однако, когда жена вышла днем, чтобы попытаться достать хлеба, ее схватили и привели в гестапо. Шесть недель ее допрашивали с пристрастием — признайся, мол, что ты еврейка. Но свой паспорт она предусмотрительно выбросила заранее, вытерпела все издевательства и в конце концов ее отпустили. Первым делом она нашла голодного мальчишку, который все это время питался отбросами и тем, что можно было найти на полях.

Не успели они притти в себя, как кто-то донес в полицию, — ребенок, де, может подтвердить, что она еврейка. И

Вот в окно она увидела полицейский патруль и поняла, что идут за ней. Вместе с ребенком через черный ход жена побежала в ближайший лес.

Всю ночь они шли и бежали неизвестно куда, совершенно обессилили. Наконец, увидели какую-то деревню и попросились отдохнуть в крайней хате. Приняли их добросердечно, предложили лечь поспать на печи. Было очень тепло и уютно.

Поздно вечером жена заметила, что хозяин и хозяйка о чем-то шушукуются, потом мужик собрался куда-то идти. Наученная предшествующим горьким опытом, она заподозрила неладное. Только хозяин ушел, она схватила ребенка и вместе с ним бросилась бежать. Опять всю ночь шли. Мальчик уже не мог больше двигаться. И тут на счастье увидели деревню, а в ней походную немецкую кухню.

Маня Израилевна внешне не была похожа на еврейку — блондинка, по-русски говорила чисто, без акцента. Она смело подошла к немецкому кашевару, сказала, что она беженка и попросила накормить ребенка. Немецкий повар не только накормил их, но и предложил жене помогать ему готовить пищу. Казалось, все несчастья позади и теперь хотя бы некоторое время они проживут в покое.

Увы, счастье было недолговечным. Однажды вызвал ее немец-командир и предупредил — ее хотят арестовать, так как подозревают, что она еврейка. В ту же ночь жена с ребенком снова ушла в лес и здесь встретила партизанский патруль. Ну, казалось, пришло избавление. Однако, теперь партизаны ей не поверили — ведь она работала у немцев и те быть может ее подослали в отряд.

Решили устроить ей проверку — со специальным заданием послали в город Рогачев, а сына оставили в залог. Задание она выполнила с риском для жизни, и все же доверие не завоевала. Были и еще задания, и все же отношение к ней оставалось прохладным.

Однажды отряд партизан был окружен гитлеровцами и только часть из них сумела вырваться из кольца. Остальных, главным образом членов семей — женщин и детей, повели на расстрел. В их числе была и Маня Израилевна. Каким-то чудом при помощи пожилого солдата-конвоира ей удалось вместе с ребенком бежать.

И снова начались блуждания по лесам. Наконец, она встретила другой отряд партизан, который принял ее без

всѣхъ спасеній. Здѣсь, среди своихъ она и встрѣтила освобождение. Вотъ такая исторія.

М. КЛЯЦКИН,
инженер-лейтенант,
43 гв. латышская
стрелковая дивизія
(публикуется посмертно)

Такъ было

Въ ночь на первое января 1944 года мы, шестеро разведчиковъ, получили приказъ достать «языка». Планъ былъ такой: воспользоваться тѣмъ, что солдаты противника будутъ праздновать Новый годъ, ихъ осторожность ослабнетъ и намъ удастся, какъ говорится, «провернуть дело». Сплошной линіи фронта на нашемъ участкѣ не было, и сравнительно легко удалось просочиться въ тылъ врага.

Залегли въ кустахъ, неподалеку отъ одного блиндажа. Какъ потомъ выяснилось, это былъ штабъ батальона. Около двухъ часовъ, затаившись, провели мы въ кустахъ, изрядно замерзли. А изъ блиндажа доносились пьяные возгласы, туда приходили какіе-то люди, но удобный моментъ для захвата «языка» никакъ не наступалъ.

Наконецъ, изъ блиндажа вылезъ одинъ «веселый» фрицъ и, пошатываясь, направился прямо къ кустамъ, где мы залегли. Боря Борискинъ мгновенно оглушилъ его ударомъ по головѣ. Я сунулъ ему въ ротъ кляпъ. Понадобилось несколько минутъ, чтобы связать гитлеровца и уложить на самодельные лыжи. Не теряя времени, мы «рысью» помчались домой.

«Языкъ» оказался въ чинѣ майора. Командование наградило всехъ, меня, въ частности, орденомъ Славы третьей степени. Такъ съ некоторымъ опозданиемъ, но окрыленные успехомъ, мы встрѣтили новый 1944 годъ. Товарищи щедро угостили насъ.

Этотъ эпизодъ изъ моей военной биографіи вспоминаю особенно часто, можетъ быть потому, что онъ связанъ со встречей Нового года. А вообще-то у каждаго бывалого солдата най-

дётся что рассказать о поре, которая перевернула всю нашу жизнь.

До войны профессия у меня была самая мирная — мастер на одной из рижских текстильных фабрик. После событий 1940 года она была национализирована. Для ее охраны создали небольшой отряд — так называемую рабочую гвардию. У нас было стрелковое оружие.

Начало войны мы почувствовали в первые же ее часы. В мирном, казалось бы, городе поднялась стрельба. По солдатам и по мирным жителям огонь велся с крыш, чердаков, из окон верхних этажей. Отряды рабочей гвардии пытались ликвидировать вражескую агентуру. Несколько дней мы выполняли боевые задания, пока не обнаружили, что все начальство, мягко говоря, исчезло. Высшие партийные и государственные чины в панике позорно побросали своих подчиненных, а ведь до этого они неоднократно и громогласно провозглашали, что «Рига есть и будет советской».

По городу прокатились страшные слухи — фашисты уже рядом, Красная Армия разгромлена и бежит. Нам не оставалось ничего другого как двинуться на Восток. То, что мы увидели на шоссе, ведущем на Псков, повергло нас в ужас. По обочинам дороги трупы, убитые лошади, сгоревшие автомашины. Наряду с мирными жителями на Восток двигались потерявшие воинский облик толпы солдат без оружия, но с большими мешками за спиной. Над дорогой непрерывно висели фашистские самолеты, расстреливая все живое.

Все же мы добрались до Пскова. Правда из 42 человек осталось 17. Не все из выбывших были убиты или ранены. Многие просто сбежали домой, не желая подвергаться смертельной опасности. Латвийское правительство эвакуировалось в город Киров. В начале августа нам объявили, что формируется латвийская стрелковая дивизия и идет регистрация добровольцев. Естественно, большинство из нас выразило желание идти на фронт.

В молодости, в старой Латвии я проходил обязательную воинскую службу, имел специальность пулеметчика. Естественно, меня определили в пулеметную роту. Уже в середине декабря 1941 года мы сменили под Москвой дивизию ополчения, которая потеряла до 70 процентов своего состава.

Первые бои начались в районе села Елагино, которое было центром обороны противника. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Нам, пулеметчикам, приходилось особенно

тяжело. Не успеешь открыть огонь, как твое местоположение засекается и начинается артиллерийский обстрел. Снова и снова приходилось менять позицию. Пулеметы тащили на себе. На улице лютый мороз, а мы бегаем мокрые от пота. За бои под Москвой меня наградили орденом Красной Звезды и повысили в звании.

В начале следующего года дивизию перебросили под Старую Руссу, где мы находились почти два года. В памяти остались невероятная грязь весной и осенью, жестокие бомбардировки. Почему-то всегда получалось так, что противник находился на высотах, а мы в болотистых низинах. Никакого мало-мальски подходящего жилья на десятки километров не было, ютились в сырых землянках.

Бои шли с переменным успехом. По замыслу командования мы должны были завершить окружение 16 немецкой армии. Чтобы замкнуть кольцо, надо было преодолеть всего несколько километров. Увы, сделать это так и не удалось.

Только летом 1944 года наша армия двинулась вперед. 18 июля мы перешли латвийскую границу и постепенно, в тяжелых боях продвигались в глубь ее территории.

Уже второго июня 1945 года я был демобилизован. Одно тяжелое, три легких ранения — таков итог моей службы. В год Победы мне исполнился 41 год. До 85 лет я проработал на различных предприятиях Риги и только тогда почувствовал, что пора, как говорят, на заслуженный отдых.

Примечание редакции: рукопись воспоминаний М. Кляцкина была передана нам после его смерти.

С. ЦИНДЛЕР,
сержант,
43 гвард. латышская дивизия

Случай выручил

У многих жителей Латвии была традиция — кроме своего родного учить языки соседних народов. Скажу коротко о себе. Я родился в Смилтене. Здесь все говорили по-латышски, с раннего детства я слышал латышскую речь наряду с моей

родной, еврейской. Потом наша семья переехала в Валку. Это своеобразный город, половина которого относится к Латвии, а другая половина к Эстонии. Так я познакомился с эстонским языком. Часто употреблялась и немецкая речь, которой я тоже овладел. Все это потом во время войны весьма пригодилось.

Русские тоже жили в наших краях, но их было сравнительно мало. Однако при поездках в восточные районы Латвии русский язык был очень нужен. Мой отец был мелким торговцем, со своим товаром он разъезжал по всей республике и сама жизнь заставляла его знать многие языки.

Война застала меня в Валке. Уже 22 июня многие соседи — евреи стали говорить, что надо немедленно эвакуироваться. Но сняться с насиженного места, бросить все нажитое за долгие годы имущество и бежать неизвестно куда — на это не так просто было решиться. А вдруг немцы будут остановлены и все обойдется?

За эту нерешительность, непонимание обстановки тысячи латвийских евреев заплатили жизнью. Наша семья тоже не торопилась уезжать. Все надеялась, может положение изменится к лучшему. Пока мы думали, что делать, меня выучил случай.

Третьего июля к нам во двор въехал на автомобиле русский офицер. Он позвал меня и попросил помочь.

— Поездишь немного с нами, а потом домой, — сказал он.

Мы поехали в эстонскую Валгу. В машине находились еще три офицера — пограничника. Я, конечно, не мог тогда и подумать, что эта поездка изменит всю мою жизнь, навсегда разлучит с родителями и братом. Они остались и погибли от рук карателей вместе с тысячами других евреев.

В Тарту нас ждали, был приготовлен обед и ночлег. Утром два эстонца привезли молоко к завтраку. Я случайно услышал, как один из парней сказал официантке:

— Пусть пьют, далеко отсюда не уедут.

Они, конечно, не подозревали, что я понимаю по-эстонски. Когда я сказал, что молоко, наверное, отравлено, надо мной посмеялись. Но все же многие пить его не стали.

Здесь в Тарту я впервые встретил известного латышского писателя Жана Гриву и деятеля компартии Арнольда Деглава. Они к моему сообщению отнеслись серьезно и своим людям пить молоко запретили. Решено было обыскать по-

мещение этого приюта. В погребке обнаружили оружие и боеприпасы. К обеду многих, выпивших молоко, увезли в больницу.

Из Тарту мы выехали в Нарву и расположились лагерем в лесу. Из Латвии собралось там человек триста. Формы у нас не было, одет был кто во что горазд. Кто смог, тот раздобыл оружие. На мне, например, был эстонский офицерский китель без знаков различия, конечно. Это приводило к забавным встречам. Однажды на меня вышли два вооруженных немца. Я остановился, выбросил вперед правую руку и приветствовал их: «Хайль Гитлер».

Не знаю, за кого они меня приняли, я что-то им врал, а потом вызвался проводить в штаб батальона. Они были уверены, что я их поведу к своим. Но через какие-нибудь полчаса их уже допрашивал Жанис Грива.

Надо было определять свою судьбу, и я вступил в отряд рабочей гвардии. В его составе принял участие в бою против воздушного десанта фашистов, высаженного в районе Печоры. Затем под Кингисеппом был ранен. Осколок до сих пор сидит в пояснице и нередко дает о себе знать. Раненых на самолете вывезли в госпиталь в Стрельну, что под Ленинградом.

По излечении направили меня в Гороховецкие лагеря (Горьковская область), где формировалась латышская дивизия. Здесь неожиданно я опять встретил Жана Гриву. Он обрадовался и предложил мне служить в разведке, тем более, что я имел опыт — служил в разведке в латышской армии, когда меня призвали в 1932 году. Увы, именно в силу этого обстоятельства, что я тогда служил в разведке, хотя и рядовым солдатом, «органы» не согласились на мое назначение.

В составе латышской дивизии воевал с апреля 1942 года до конца войны, был трижды ранен и каждый раз после излечения возвращался в свою часть. Наиболее ярким воспоминанием из этого времени остался у меня один эпизод, о котором хочется рассказать.

Это было первого января 1943 года под Старой Руссой. Меня, командира отделения, вызвал командир батальона и приказал уничтожить огневые точки противника у деревни Сорокино, которые могли помешать нашему предстоящему наступлению. Мы тщательно подготовили план операции и еще до рассвета заняли исходные позиции.

Самым опасным участком пути было открытое поле шириной примерно метров четыреста. Пересечь его надо было по глубокому снегу, но так, чтобы не обнаружить себя. Решили ползти по пластунски и ни в коем случае не появляться над поверхностью снега. На наше счастье снег был глубоким и рыхлым.

К огневым точкам удалось подползти незамеченными совсем близко. Они находились одна от другой на расстоянии 20—25 метров. Мы зашли с тыла, выбили входные двери и ворвались внутрь. Фашисты крепко спали после новогоднего праздника с обильным возлиянием.

Правда, из одной землянки несколько солдат выскочили, но попали под огонь группы, прикрывавшей наши действия с фланга. После короткого боя задание было выполнено. Увы, мы тоже потеряли двоих и еще трое были легко ранены.

Ночью отправили в штаб батальона связного, а пока заняли круговую оборону. Связной не вернулся, зато появились солдаты противника. Разгорелся ожесточенный бой, но сломить нас им не удалось. Следующей ночью с донесением отправился второй доброволец. Ему посчастливилось добраться до своих.

Утром, это было уже 4 января, мы увидели, что к нам приближаются люди. Это было долгожданное подкрепление из батальона. Их привел второй связной. Большим счастьем было встретить товарищей, а как обрадовались мы, когда нам, замерзшим и голодным, поднесли выпить и не только горячего чая в термосе, а также хлеб, колбасу, курево.

Было тихо. Как нам сообщили, полк предпринял наступление в соседнем направлении и несколько отогнал противника. Мы осмотрели поле боя. Нашли труп нашего первого связного, а вокруг насчитали десятки трупов погибших гитлеровцев. Это они пытались штурмовать наш участок. Комбат вручил мне гвардейский знак, который тогда еще был редкостью.

Я. ЛИБЕРМАН,
сержант,
инвалид войны,
43 гвардейская латышская
дивизия

Мой последний бой

День Победы — это, как поется в песне, праздник со слезами на глазах. В этот день мы прежде всего почтим тех, кто пал на полях сражений, был расстрелян гитлеровцами или умер, не выдержав тягот военного времени. Нет, наверное, семьи, которая бы за те годы не понесла какие-то потери.

Вот и я хочу сначала рассказать о нашей семье. Отец — Артур (Адам) Либерман сложил голову под Старой Руссой, дядя Лея Либерман и двоюродный брат Женя Михельсон были тяжело ранены. Мама и сестренка буквально последним эшелоном успели уехать из Риги, почти ничего не захватив с собой. Сестренка умерла в Чкаловской области от болезни.

И еще запомнился мне последний бой — 14 сентября 1944 года под Виеталвой. Был погожий осенний день, ласково светило солнце. И вдруг началась буря невиданной силы, страшный грохот сотрясал окрестности. Это наши войска начали мощную артиллерийскую подготовку. Интенсивный огонь длился минут 40. Казалось, неприятель полностью уничтожен, в его траншеях не могло остаться ничего живого.

После смерти командира я принял командование взводом на себя и с криком «Ур-р-а» солдаты без труда ворвались в первые траншеи неприятельских войск. И тут противник словно бы опомнился и открыл бешеный ответный огонь. Немецкие наблюдатели, сидевшие на возвышениях, точно корректировали огонь по нашим войскам, которые несли большие потери.

Нам пришлось залечь. Я и командир первого отделения Янис Спруже укрылись за большой сосной. Но корректировщики навели огонь на нас. Я почувствовал сильный удар, обернулся и увидел, что моему боевому товарищу оторвало

обе ноги и он тут же скончался. В каком-то смысле он спас мне жизнь, потому что лежал сбоку и впереди меня.

Наша артиллерия вновь открыла сильный огонь, и через некоторое время мы опять поднялись в атаку. Подбегая к реке, я почувствовал сильные удары в разные части тела. Один осколок пробил каску, другой врезался в спину. Но самым тяжелым было ранение в левую ногу. Щиколотка оказалась настолько раздробленной, что ступня прямо таки висела на уцелевших сухожилиях.

Я потерял сознание и очнулся от того, что меня обнюхивала санитарная собака. Вместе с ней были бойцы похоронной команды, которые подошли, как они полагали, к трупу, чтобы взять документы. Увидев, что я подал какие-то признаки жизни, они погрузили меня на бричку и доставили в медсанбат. Там мне сказали, что я потерял около двух литров крови.

За этот бой я был награжден орденом Красной Звезды. В тот день наши войска продвинулись на двадцать километров в сторону Риги.

Ш. ШТИВЕЛЬМАН,
капитан в отставке,
Первая гвардейская
артиллерийская дивизия

Красили солдатский отдых

Летом 1934 года проходили маневры войск Киевского военного округа. Они широко освещались в печати. Мы узнали, что некоторые части приближаются к окраинам Староконстантинова, где я тогда жил. Говорили, что вместе с ними придет сам Буденный. Это давнее событие, теперь уже шестидесятилетней давности, часто всплывает в моей памяти.

...Впереди большой автоколонны мчится черного цвета «Эмка». Для незнающих напомним, что так прозвали первую советскую легковую машину, которая в те годы казалась верхом автомобилестроения. Мы, пионеры, взяли за руки и

преградили дорогу. Машина остановилась и из нее вышел Буденный. Я бросился ему навстречу и громко, во весь голос прокричал: «Лихому полководцу красной конницы товарищу Буденному от пионеров города Старокопстантинова наш пионерский пламенный привет! Ур-а-а!»

Это приветствие мне написали, и я выучил его наизусть. Потом мы повязали Буденному красный гастук и сообщили, что он теперь является почетным пионером Старокопстантиновской еврейской школы.

Вот таким фанатичным приверженцем советского строя я рос. И это несмотря на все трудности жизни, на страшный голод, который поразил в те годы Украину. Через несколько лет я сам чуть не попал во враги народа, но и это не изменило моих взглядов. А дело было так. Я поступил работать в городской кинотеатр помощником киномеханика. Демонстрировался известный фильм «Ленин в Октябре». Однажды мой учитель — киномеханик куда-то ушел. У аппарата остался я один и нечаянно уснул. И именно в это время в механизме что-то испортилось. Изображение на экране пропало, в зале поднялся шум, а я все это проспал.

Скандал был большой. Отцу пришлось заплатить за повреждение копии фильма, а брату Исааку долго доказывать в партийных органах, что это не было диверсией, антисоветской вылазкой, а просто разгильдяйством со стороны неопытного ученика — мальчишки. К счастью все обошлось.

Я рос высоким здоровым парнем и мечтал о службе в армии. Вскоре удалось поступить в Брянское военно-политическое училище, и в двадцать лет я уже носил два «кубаря» в петлицах и красные звезды на рукавах. Меня оставили в училище в должности инструктора.

Когда началась война, в тот же день подал рапорт с просьбой направить в действующую армию. Но начальство рассудило иначе. Училище было эвакуировано на Урал. Только летом 1942 года я получил направление на Воронежский фронт и стал заместителем командира роты в 104 полку 107 стрелковой дивизии.

Часть эта была основательно потрепана в боях, практически от нее оставался только номер. И немалая доля вины за это ложилась на командира, который был героем гражданской войны, но совершенной бездарностью в войне нового типа, войне моторов.

В первом же бою я был ранен осколком мины, но остался в строю. Как-то в своем блиндаже я проводил инструктаж агитаторов. Неожиданно к нам пришел старший батальонный комиссар. Мое выступление ему понравилось и через несколько дней я был вызван в политуправление армии. Оказывается, при политотделах армий решили создать группы из способных агитаторов, которые могли бы экспромтом произнести зажигательную речь и увлечь солдат в предстоящем сражении.

Увы, на военном совете мою кандидатуру не утвердили. Молод, мол, годами, не достает боевого опыта, да и фамилия похожа на немецкую. Но я понял, что дело не в этом. Очевидно, сыграла свою роль моя национальность.

Дело кончилось тем, что меня назначили начальником армейского клуба. И эта работа в конце концов меня увлекла. Укомплектовали солидную библиотеку, провели армейский смотр художественной самодеятельности, создали ансамбль песни и пляски.

Как-то вызвал меня командующий армией, известный полководец И. Д. Черняховский и попросил (он всегда только просил) написать марш армии. И такой марш был создан. Впервые его исполнил ансамбль, одетый в красочные национальные костюмы народов СССР. Мы были горды тем, что марш понравился.

Однажды части армии действовали в тесном взаимодействии с первой гвардейской артиллерийской дивизией. Остряки называли ее еще и «первой еврейской», ибо командир соединения и начальник штаба, заместитель командира по тылу, многие командиры в дивизионах были евреями. Меня пригласили перейти на службу в это соединение. Там я и оставался до конца войны. 9 мая 1945 года в 12 часов дня мы вошли в Прагу.

Начиналась новая жизнь. Конечно, и в страшном сне мне не могло представиться, что пятидесятилетие Победы мы будем встречать в такой обстановке.

Я. ГОЛОД,
сержант,
131 танковый полк.

Парад Победы

Призвали меня в армию в Гомеле, на четвертый день войны. Участвовал в боях пулеметчиком в составе 21-го аэросанного батальона на Карельском фронте, где был ранен. После излечения и курса обучения меня направляют на 2-й Украинский фронт, механиком-водителем в 131-й гвардейский танковый полк. Принимаю участие в освобождении Киева, ряда городов Западной Украины. Много пережил. Но самое знаменательное событие произошло уже после победного окончания войны.

Как-то вызывают в политотдел. Подтянутый полковник испытывающе разглядывает меня, приглашает сесть. Задает вопросы: где служил, имел ли взыскания, кто родители?... Вопросов было много. Ответы, видать, удовлетворили полковника. В заключении он объявил:

— Хотим предложить вам участвовать в параде Победы, на Красной площади в Москве.

...Сперва были строевая подготовка. Муштровали с утра до вечера: отделениями, по-взводно. Затем посадили в танки. Выстроили машины по четыре в ряд и пояснили, как на ходу держать равнение.

На каждом танке мелом был написан номер. На трибуне стояли генералы и следили за нашим проездом. На тех машинах, что нарушали строй, тут же заменяли водителей. Так продолжалось почти месяц. Я за все время не получил ни одного замечания.

Близился день парада. Нас стали отменно кормить, выдали новое обмундирование. Тщательно проверялась техника, чтобы, не дай бог, во время парада у кого-нибудь не заглох двигатель! В канун торжества особая комиссия осматривала все танки и пломбировала их.

И вот долгожданный день. В шесть утра подъем. Сразу после завтрака построение. Участники парада — все бывалые воины, фронтовики. У каждого на груди боевые награды.

Раздается команда:

— По машинам!

Двигается к Москве стальная колонна.

Красная площадь испещрена белыми линиями. Это нам для ориентировки: надо идти так, чтобы центр машины был строго на линии. Командир танка стоит в верхнем люке и передает мне по ТПУ (танковое переговорное устройство):

— Порядок, равнение выдерживается, идем нормально. Молодец!

...После парада сходу возвращаемся в свое расположение. Узнаем, что за отличный проезд по Красной площади наш сводный гвардейский танковый полк получил благодарность. Всем участникам парада предоставляется пятисуточное увольнение. В те дни это была весьма желанная награда.

С В О Й Н Ы

НЕ ВЕРНУЛИСЬ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АБИЛЕР Гирш

Род. в 1917 г. Погиб 23 декабря 1941 г.

АБОЛЬСКИХ Давид

Род. в 1916 г., рядовой 201 лат. стр. дивизии, погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

АБОЛЬСКИЙ Давид

Род. в 1920 г. в Резекне, рядовой 92 стр. полка, погиб у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

АБРАМ Язеп

Род. в 1922 г. Погиб в Эстонии в августе 1941 г.

АБРАМОВИЧ Арон

Род. в 1914 г., рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

АБРАМОВИЧ Рувим

Род. в 1912 г., рядовой 122 стр. полка. Погиб 21 декабря 1941 года под Наро-Фоминском

АБРАМСОН Рафаил

Род. в 1908 г. Погиб 30 декабря 1942 года

АБРАМСОН Шика

Погиб в июне 1942 года под Старой Руссой

АГРОНОВИЧ Лейба

Род. в 1918 г. на Украине, жил в Латвии, командир разведки 191 стр. полка. Погиб у д. Роцца Боровского р-на 6 января 1942 года.

АДИРИМ Гирш

из Латвии, сапер 191 стр. полка, погиб под г. Боровском 6 января 1942 г.

АЙЗЕНБЕРГ Мейер

Род. в 1916 г. в Риге, погиб в 1943 г. под Старой Руссой

АЙЗИКОВ Давид

Род. в 1904 г., пропал без вести

АЙЗИКОВИЧ Лейб

Род. в 1921 г. в Смилтене, рядовой 122 стр. полка. Погиб под Старой Руссой (д. Утошино) 17 февраля 1942 г.

АЛЕКСАНДРОВИЧ Бенъямин

Погиб в июле 1942 г. под Старой Руссой

АЛЬБРЕХТ Оскар

Род. в 1911 г. Погиб в 1942 г. под д. Туганово

АМДУР Ицхок

Род. в 1901 г. Погиб седьмого января 1942 г. под г. Боровском

АНТЕР Яков

Род. в 1915 г., погиб в августе 1941 г. в Финском заливе

АНТОКОЛЬ Герсон

Род. в 1918 г. в Риебине, мл. лейтенант 672 арт. полка 308 стр. дивизии, погиб в Елгавском районе 1 января 1945 г.

АРЕНОВ Мозус

Род. в 1916 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести в декабре 1941 года под Наро-Фоминском

АРЕНШТАМ Юлий

Рядовой 92 стр. полка, погиб под Старой Руссой (д. Никольское) 28 июля 1942 года

АРЛОВИЧ Борис

Род. в 1914 г., погиб 5 августа 1944 года в г. Ливаны

АРЛОВИЧ Яков

Род. в 1911 г. в Риге, рядовой 92 стр. полка. Погиб под д. Елагино 24 декабря 1941 г.

АРОНСОН Герц

Род. в 1919 г., рядовой 92 стр. полка. Погиб под Старой Руссой (д. Никольское) 28 июля 1942 года

АРОНСОН Яков

Род. в 1920 г.

АРШ Илья

Род. в 1926 г. в Екабпилсе. Рядовой 355 стр. полка, погиб при форсировании р. Айвиксте 16 августа 1944 г.

АРШ Абрам

Род. в 1906 г. в Резекне. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 31 декабря 1941 г.

АТАМУК Моисей

Погиб под Москвой

АТЛАС Иосиф

Род. в 1912 г. в Ивановской обл. Погиб под Старой Руссой (д. Бородино) 14 апреля 1942 г. Рядовой 191 стр. полка

АТЛАС Рахмиель

Род. в 1921 г. в Гостини, рядовой 122 стр. полка. Погиб под д. Редькино Боровского р-на 8 января 1942 г.

АТЛАС Шлема

Род. в 1904 г., рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

АХБАР Пейсах

Род. в 1921 г. в Лиепас. Рядовой 92 стр. полка. Погиб под д. Елагино 24 декабря 1941 г.

БАЛГЕРД Соломон

Род. в 1904 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 22 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БАЛКИН Борис

Погиб 2 мая 1945 г. г. Панков (Германия)

БАЛЫК Израиль

Род. в 1900 г. Рядовой 121 стр. полка. Погиб 4 марта 1943 г. под д. Марфино

БАНК Элизер

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

БАРАН Соломон

Род. в 1925 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БАРЕНШТЕЙН Моисей

г. Даугавпилс. Мл. сержант, 191 стр. полк. Погиб 21 марта 1942 г. под Старой Руссой

БАРОН Эхиль

Род. в 1904 г. Рядовой 125 гв. стр. полка, погиб 18 января 1943 г. под Старой Руссой

БАРОН Исаак

Род. в 1922 г. Погиб 20 декабря 1941 г. под Москвой

БАСНЕР Мейер

Род. в 1917 г. Погиб 13 января 1944 г. под п. Насва

БАСНЕР Самуил

Род. в 1903 г. в Даугавпилском уезде. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 26 июля 1942 г. под д. Туганово

БАСС Исаак

Род. в 1912 г. в Екабпилском уезде, рядовой 122 стр. полка. Погиб 8 января 1942 г. под д. Редькино

БАСС Исаак

Род. в 1914 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 24 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БАУМАН Соломон (Шлейме)

Погиб в августе 1941 г. в Эстонии

БАУМАН Яков

Род. в 1899 г. Ст. политрук 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 23 декабря 1941 г.

БАУМГАРТ Соломон

Род. в 1914 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 22 декабря 1941 г. под д. Елагино

БАХМАТ Беньямин

Род. в 1921 г. в Зилупе. Гв. лейтенант, ком. взвода 121 стр. полка. Погиб у хутора Вецбриги (Латвия) 27 декабря 1944 г.

БЕЙЛИН Иосиф

Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

БЕЙЛИН Рахмиель

Род. в 1912 г. в Краславе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под д. Выставка 21 марта 1942 г.

БЕЙНАРОВИЧ Анна

Погибла летом 1942 г. под д. Туганово

БЕЙНАРТ Соломон

Род. в 1912 г. Погиб в 1942 г. под Старой Руссой

БЕЙТЛЕР Ролф

Род. в г. Осло (Норвегия). Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 17 марта 1943 г. под Старой Руссой (д. Санева)

БЕЙТЛЕР Рувим

Род. в 1915 г. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 21 декабря 1941 г. под д. Елагино

БЕКЕР Калман

Род. в 1917 г. в Риге. Политрук роты 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 22 декабря 1941 г.

БЕЛИНСКИЙ Соломон

Род. в 1911 г. Погиб в декабре 1942 г. под Старой Руссой

БЕНИКСОН Беньямин

Род. в 1923 г. в г. Полтава. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Старой Руссой (д. Никольское) 27 июля 1942 г.

БЕНТЛЕР Рувим

Род. в 1915 г. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 6 января 1942 г. под г. Боровском

БЕР Михаил

Род. в 1921 г. Рядовой 125 стр. полка. Погиб 28 декабря 1942 г. под Старой Руссой (д. Радова)

БЕРГЕР Залман

Род. в 1913 г. в Екабпилсе. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 27 декабря 1942 г. под Старой Руссой (д. Сорокино)

БЕРГЕР Соломон

Род. в 1914 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 20 декабря 1941 г.

БЕРГМАН Хоне

Род. в 1920 г. в Горьковской обл. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 12 августа 1942 г. под д. Голубово

БЕРГМАН Паул

Род. в 1921 г. Погиб в 1943 г. под Кобылянкой

БЕРДИЧЕВСКИЙ Леонид

Герой Советского Союза. Подполковник. 64 гв. танк. полк. Погиб под Елгавой в 1944 г.

БЕРЕЛОВИЧ Иосиф

Род. в 1924 г. в Риге. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 10 марта 1945 г. под Белоокрогс (Курляндский котел)

БЕРЛИН Соломон

Погиб в 1941 г. под Наро-Фоминском

БЕРЛОВИЧ Самуил

Род. в 1900 г., гв. рядовой 123 стр. полка. Погиб 5 апреля 1943 г. под д. Новолыповник

БЕРМАН Габи

Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

БЕРМАН Ихиэль

Погиб в июле 1942 г. под Старой Руссой

БЕРМАН Михаил

Род. в 1921 г. в Риге. Сержант. 123 гв. стр. полк. Погиб 13 января 1944 г. под п. Насва

БЕРМАН Николай

Род. в 1920 г. в Лнепае. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 28 февраля 1942 г. под д. Стрелиц

БЕРМАН Симон

Род. в 1911 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 24 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БЕРМАНОВ Хаим

Род. в 1920 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 1 января 1942 г. под г. Боровском

БЕРНШТЕЙН Наум

Род. в 1923 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БЕРОЛЬСКИЙ Беньямин

Род. в 1923 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 10 августа 1942 г. под д. Никольское

БЕРСОН Самуил

гв. рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб 2 декабря 1942 года под д. Симоново

БЕРХМАН Нехамия

Погиб весной 1942 г.

БЕРШАНОВ Хаим

Род. в 1920 г. в Риге, рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести под д. Елагино 23 декабря 1941 г.

БЕТКИН ШОЛОМ

Род. в 1919 г. в г. Краславе. 191 стр. полк. Пропал без вести 11 июня 1942 г. под Старой Руссой

БЕТЛЕР Яков

Род. в 1901 г. в Риге. Мл. сержант. 191 стр. полк. Погиб 3 марта 1942 г. под д. Сыроежино

БИКС Ошер

Род. в 1911 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 11 августа 1942 г. у д. Туганово

БИКСОН Сима

Род. в 1909 г. в Риге. 191 стр. полк. Погиб 18 августа 1942 г. у д. Утошкино.

БИКСОН Яков

Род. в 1923 г. в Риге, рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 5 января 1943 г. у д. Сорokino

БИНДЕР Борух

Род. в 1899 г. в Гостини. 125 гв. стр. полк. Погиб 26 декабря 1942 г. под д. Сорokino

БИНДЕР Гириш

Род. в 1903 г. в Лиепае. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Пропал без вести 25 декабря 1942 г. у д. Сорokino

БИНДЕР Гириш

Род. в 1897 г. Погиб 31 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БИНДЕР Израиль

Род. в 1900 г. в Гостини. 43 гв. стр. дивизия. Погиб 28 декабря 1942 г. под Старой Руссой

БИНК Лейзер

Род. в 1923 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

БИНУН Овсей

Лейтенант, ком. взвода 319 стр. полка 308 дивизии. Погиб под Крустпилсом у х. Лециши 11 августа 1944 г.

БИРКАН Вульф

Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

БИРОН Зелма

Род. в 1909 г. в г. Цесисе. Погибла в 1943 г. под Старой Руссой

БИТКЕР Гириш (Герольд)

Род. в 1919 г. Погиб 14 февраля 1942 г. в Новгородской области

БИТНЕР Абрам

Род. в 1906 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 7 мая 1942 г. у д. Андроново

БИТНЕР Зигмунд

Род. в 1913 г. Погиб 16 апреля 1942 г. в Ленинградской обл.

БИШЕР Лейб

Род. в 1923 г. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Пропал без вести 30 ноября 1942 г. у д. Симоново

БЛАЗЕР Лейзер

Род. в 1925 г. в Риге. Мл. лейтенант, ком. взвода 123 стр. полка. Погиб у х. Дупури близ Тукума 4 марта 1945 г.

БЛАНКЕНФЕЛЬД Миша

Род. в 1918 г. Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

БЛАНКЕНШТЕЙН Хацкель

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 11 июня 1942 г. под Старой Руссой

БЛЕЕР Мордухай

Род. в 1912 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

БЛЕЙКМАН Хаим

Род. в 1921 г. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 4 марта 1943 г. у д. Сычево

БЛОК Абрам

Род. в 1914 г. в Риге. Ст. сержант, телефонист 220 артполка. Погиб у д. Редькино 8 января 1942 г.

БЛОНД Михаил

Род. в 1925 г. в Москве. Рядовой 355 стр. полка. Погиб 11 октября 1944 г. у п. Кекава (Латвия)

БЛОХ Моисей

Род. в 1907 г. в Москве. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 10 августа 1942 г. у д. Голубово

БЛУМБЕРГ

Радист. Погиб в марте 1945 г. в Курляндии (Латвия)

БЛУМЕНАУ Адольф

Род. в 1914 г. Погиб 19 июля 1941 г. в Эстонии

БЛУМЕНТАЛ Рафаил

Род. в 1910 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагинно 25 декабря 1941 г.

БЛЮМЕНТАЛЬ Арье

Погиб летом 1942 г. под Старой Руссой

БЛЮМЕНТАЛЬ Нехемья

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

БЛЮМЕНШТЕЙН Ошер

Род. в 1921 г. в Тукумском уезде. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 31 августа 1942 г. у д. Никольское

БЛЕХЕР Мордехай

Род. в 1923 г. Ровно. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагинно 24 декабря 1941 г.

БЛЮС Залман

Род. в 1909 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 28 июля 1942 г. у д. Туганово

БЛЯЖЕР Михаил

Род. в 1905 г. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 24 февраля 1943 г. у д. Стариково

БОБРОВ Арон

Род. в 1902 г., уроженец Латвии. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Никольское 30 июля 1942 г.

БОБРОВ Хаим

Род. в 1913 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 11 января 1942 года под Наро-Фоминском

БОГОРАД Михаил

Род. в 1909 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БОГОРОБ Шлема

Род. в 1905 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 21 марта 1942 г. у д. Выставка

БОНДАРЕВ Арон

Род. в 1915 г. в Днепропетровской обл. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 14 марта 1943 г. у д. Новолиповка

БОБРОВ Хаим

Род. в 1913 г., уроженец Резекненского уезда. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Кузнецово Моск. обл. 11 января 1942 г.

БОР Файвус

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Сержант. 43 гв. стр. дивизия. Погиб в августе 1944 г. под Резекне

БОРДО Хаим

Род. в 1922 г. в Екабпилсе. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 24 февраля 1943 г. у д. Стариково

БОРМАН Арон

Род. в 1925 г. Мл. сержант. 319 стр. полк. Погиб под Крустпилсом 18 августа 1944 г.

БОРОВИК Нафталий

Род. в 1925 г. в Даугавпилсе. Погиб 20 августа 1944 г. у д. Робешниски (Латвия)

БОРОК Исаак

Род. в 1912 г. Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

БОРУХОВИЧ Файве

Род. в 1924 г. в Бауске. Гв. лейтенант, ком. взвода 123 стр. полка. Погиб при форсировании р. Айвиексте 14 сентября 1944 г.

БОРУХСОН Зиел

Род. в 1922 г. Погиб у Таллинна

БОЯР Израиль

Гв. рядовой, 121 гв. стр. полк. Погиб 27 марта 1943 г. у д. Кривовицы

БРАЙЛОВСКИЙ Семен

Род. в 1906 г. в Свердловск. обл. Гв. рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб 16 марта 1943 г. у д. Соболево

БРАНДМАН

Погиб в июне 1942 г. под Таллинном

БРАУН Самуил

Род. в 1923 г. в Риге. Рабочая гвардия. Проживал в Тукумсе. Погиб 7 августа 1941 г. в Эстонии

БРЕЙДО Лев

Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 29 ноября 1942 г. у д. Росино

БРЕЛОВИЧ Генох

Род. в 1910 г. в Екабпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 7 мая 1942 г. у д. Андраново

БРЕСЛАВ Бенцион

Род. в 1902 г. в Риге. Гв. рядовой 123 стр. полка. Пропал без вести 27 февраля 1943 г. под Старой Руссой

БРЕСЛАВ Шолом

Род. в 1898 г., рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БРАХМАН Бер

Род. в 1910 г. Погиб в 1942 г.

БРАХМАН Шимон

Род. в 1916 г. Погиб в 1941 г.

БРИЗГАЛ Абрам

Род. в 1921 г. в Риге. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 29 ноября 1942 г. у д. Симоново

БРИКМАН Ефроим

Род. в 1921 г. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 6 января 1943 г. у д. Сорokino

БРИН Абрам

Род. в 1903 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 28 февраля 1942 г. у д. Стрелицы

БРОД Калман

Род. в 1912 г. в Риге. Погиб 15 августа 1942 г. под Ленинградом

БРОЙДЕ Абрам

Род. в 1921 г. в Субате (Латвия). Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

БРОДЕР Иосиф

Род. в 1914 г., уроженец Казахстана (Тайский район). Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 8 января 1943 г. у д. Сорokino

БРОЗГАЛ Алтер

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Инютино в 1941 г.

БРОЗГАЛ Цухон

Род. в 1925 г. в Риге. Рядовой 319 стр. полка 308 стр. дивизии. Погиб под Крустпилсом в августе 1944 г.

БРОЙТБОРТ Яков

Род. в 1923 г., уроженец Узбекистана. Гв. рядовой 125 стр. полка. Погиб 21 января 1943 г. у д. Обжино

БРОК Михаил

Род. в 1915 г., рядовой 122 стр. полка. Погиб 31 августа 1942 г. у д. Никольское

БРОНТУК Рувим

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 7 августа 1942 г. у д. Никольское

БРОШТЕРМАН Израиль

Род. в 1910 г., рядовой 92 стр. полка. Погиб 5 января 1942 г. под г. Боровском

БРУНМАН Давид

Род. в 1903 г. в Даугавпилсском уезде. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 28 августа 1942 г. у д. Туганово

БУДГОР Анатолий

Род. в 1921 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 31 августа 1942 г. у д. Никольское

БУДОВСКИЙ Беньямин

Род. в 1911 г. Гв. рядовой 94 гв. артполка. Пропал без вести 19 января 1943 г. под Старой Руссой

БРУМЕНТАЛЬ Маркус

Род. в 1925 г. Рядовой 123 стр. полка. Погиб у п. Блидене (Латвия) 3 февраля 1945 г.

БРАНДТ Бер

Род. в 1902 г. в Лиепae. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 22 июля 1942 г. у д. Туганово

БУЛЬ Герц

Род. в 1907 г. в г. Варацканы. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 14 апреля 1942 г. у д. Бородино

БУЛЬ Перец

Род. в 1907 г. в Вараклянах. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Бородино в 1942 г.

БУРЕНШТЕЙН Исаак

Род. в 1907 г. в Лиенае. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 11 августа 1942 г. у д. Никольское

БУРШТЕЙН Сима

Род. в 1919 г. Погиб в 1945 г. на территории Латвии.

БУТИН Абрам

Рядовой 191 стр. полка. Погиб 20 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

БУХБИНДЕР Давид

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

БУХБИНДЕР Давид

Род. в 1910 г. в Тукумсе. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести 2 декабря 1942 года у д. Сионово

БУЧИНСКИЙ

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

ВАЙСБАРД Бенъямин

Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ВАЙМАН Михаил

Род. в 1911 г. в Вятской обл. Старшина. 92 стр. полк. Погиб 30 августа 1942 г. у д. Голубово

ВАЙНБЕРГ Иосиф

Род. в 1923 г. в Риге. Мл. сержант. 125 гв. стр. полк. Пропал без вести 3 декабря 1942 г. под Старой Руссой

ВАЙНЕР Гирш

Род. в 1902 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 14 апреля 1942 г. у д. Соколово

ВАЙНЕР Иосиф

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

ВАЙНЕР Иосиф

Род. в 1919 г. 123 гв. стр. полк. Погиб 14 марта 1943 г. у д. Липовицы

ВАЙНЕР Лейба

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. 191 стр. полк. Погиб у д. Андроново 4 марта 1942 г.

ВАЙНШТЕЙН Иосиф

Род. в 1918 г. в Риге. 123 гв. стр. полк. Погиб 30 декабря 1942 г. под Старой Руссой

ВАЙСМАН Абрам

Род. в 1916 г. в Лудзе. 125 гв. стр. полк. Гв. ст. сержант. Погиб у д. Стрелицы 16 декабря 1942 г.

ВАЙСПОЛ Ханух

Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ВАЙСПОЛ Моисей

Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ВАЛУН Цалель

Род. в Кулдиге. 125 гв. стр. полк. Гв. сержант. Погиб у д. Стариково 23 марта 1943 г.

ВАЛЬЦОВИЧ Залман

Род. в 1911 г. в Даугавпилсе. 191 стр. полк. Рядовой. Пропал без вести 11 июня 1942 г. под Старой Руссой

ВАНГЕ Илья

Род. в 1917 г. Погиб под Старой Руссой 13 марта 1943 г.

ВАПНЕ Гедалье

Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ВАРЯТОВ Моисей

Род. в 1921 г. в Бауске. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубово 28 августа 1942 г.

ВАСНЕР Мейер

Род. в 1913 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 20 декабря 1941 г.

ВАССЕРМАН Лейб

Род. в 1910 г. Погиб в Ленинградск. обл. 25 августа 1941 г.

ВАССЕРМАН Мейер

Род. в 1923 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ВАССЕРМАН Михаил

Род. в 1905 г. Рядовой 121 гв. стр. полка. Пропал без вести 4 декабря 1942 г. под Старой Руссой

ВАТЕР Юрий

Род. в 1917 г. Погиб 13 ноября 1944 г. под Таллинном

ВЕЙДЕ Давид

Род. в 1923 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 14 августа 1942 г.

ВЕЙНБЕРГ Иосиф

Род. в 1911 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ВЕЙНЕР Гириш

Род. в 1903 г. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Соколово 14 апреля 1942 г.

ВЕЙНЕРОВ Михаил

Род. в 1914 г. в Риге. Рядовой 125 стр. полка. Погиб у д. Сорokino 25 декабря 1942 г.

ВЕЙНРЕЙХ Лео

Погиб под Боровском 5 ноября 1942 г.

ВЕЙСПАЛ Илья

Род. в 1909 г. в Краславе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Никольское 1 сентября 1942 г.

ВЕКЕН Веньямин

Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Горushка 2 марта 1942 г.

ВЕКЛЕР Яков

Род. в 1906 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

ВЕКСЛЕР Залман

Род. в 1903 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести при обороне Москвы в 1941/42 гг.

ВЕКСЛЕР Семен

Погиб в 1943 г.

ВЕРТЛИБ Исаак

Род. в 1911 г. Даугавпилсе. 125 гв. стр. полк. Гв. рядовой. Погиб у д. Стрелицы 4 декабря 1942 г.

ВЕРТЛИБ Исаак

Род. в 1911 г. в Могилевской обл. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 13 августа 1942 г.

ВЕСТЕРМАН Моисей

Род. в 1902 г. в Витебской обл. Рядовой 220 стр. полка. Погиб при обороне Москвы у д. Инютино 29 декабря 1941 г.

ВЕСТЕРМАН Роберт

Род. в 1916 г. в Казани. Лейтенант, к-р взвода. 191 стр. полк. Пропал без вести у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ВЕСТЕРМАН Ной

Род. в 1913 г. в Петербурге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубево 31 августа 1942 г.

ВЕСТЕРМАН Н.

Погиб под Москвой в 1941 г.

ВЕСТЕРМАН Самуил

Род. в 1903 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 18 августа 1942 г.

ВИЛЕНСКИЙ Григорий

Род. в 1916 г. в Московск. обл. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Подсосонье 28 февраля 1942 г.

ВИЛЕНСКИЙ Абрам

Погиб под д. Туганово в июне 1942 г.

ВИЛЕНСКИЙ Илья

Род. в 1914 г. в Варацклянах. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ВИЛЕНСКИЙ Давид

Род. в 1920 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Федотово 5 января 1942 г.

ВИЛЕНСКИЙ Нохум

Род. в 1910 г. в Варацклянах. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

ВИЛЕНСКИЙ Нохум

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино 21 декабря 1941 г.

ВИЛЕНСКИЙ Гириш

Пропал без вести в декабре 1944 г.

ВИЛЕНСКИЙ Тевье

Пропал без вести

ВИНОГРАД Герц

Род. в 1911 г. в г. Вишки (Латвия). Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Андроново 11 августа 1942 г.

ВИНОКУР Яков

Род. в 1913 г. в Даугавпилсе. Рядовой 121 стр. полка. Погиб у д. Сорокино 4 декабря 1942 г.

ВИТЕНБЕРГ Хаим

Род. в 1903 г. в Резекненском уезде. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести в декабре 1941 г. под Москвой

ВОВСИ Исаак

Род. в 1907 г. в Риге. Мл. лейтенант, к-р взвода 319 стр. полка 308 лат. стр. дивизии. Погиб в Кулдингском районе

ВОВСИ Моисей

Род. в 1917 г. в Самарканде. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Омьяч 22 июня 1942 г.

ВОВСИ Соломон

Погиб в 1941 г.

ВОЛК Вульф

Погиб под Москвой в 1941 г.

ВОЛШЕНОК Абрам

Род. в 1912 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Никольское 4 августа 1942 г.

ВОЛШОНОК Моисей

Род. в 1914 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Утошино 14 февраля 1942 г.

ВОЛЬФСОН Фейвиш

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

ВОНСНАБ Лейб

Погиб под г. Боровском 4 января 1942 г.

ВУЛЬФ Моисей

Род. в 1921 г. Гв. рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Симоново 4 декабря 1942 г.

ВУЛЬФСОН Эфроим

Род. в 1922 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Голубово 10 августа 1942 г.

ГАВАРТИН Абрам

Род. в 1916 г., рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб у совхоза Пенно 25 февраля 1943 г.

ГАВЕНДО Вульф

Род. в 1915 г. в Даугавпилсе. Мл. сержант. 122 стр. полк. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ГАВЕНДО Моисей

Род. в 1908 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Голубово 10 августа 1942 г.

ГАГАН Иосиф

Род. в 1907 г. Погиб под Старой Руссой в мае 1942 г.

ГАЛПЕРИН Бер

Род. в 1914 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 28 июля 1942 г.

ГАЛЬПЕРИН Гириш

Род. в 1911 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ГАЛЬПЕРИН Давид

Род. в 1917 г. в г. Витебске. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ГАЛЬПЕРИН Меер

Род. в 1918 г. Погиб в Эстонии в августе 1941 г.

ГАМЗА Мордехай

Род. в 1914 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 17 августа 1942 г.

ГАМПЕР Мадис

Род. в 1905 г. в Елгаве. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Выставка 21 марта 1942 г.

ГАМПЕР Юлий

Род. в 1898 г. Рядовой 123 гв. стр. полка. Пропал без вести под Старой Руссой 31 декабря 1942 г.

ГАНДЕЛЬ Давид

Род. в 1916 г. Рядовой 47 гв. отд. батальона. Погиб у совхоза Пенно 6 марта 1943 г.

ГАНТВЕРКЕР Григорий

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Хорошево 11 июня 1942 г.

ГАНЦ Рувим

Род. в 1914 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубово 17 августа 1942 г.

ГАРБЕР М.

Погиб в 1944 г.

ГАРСИК Яков

Род. в 1925 г. Сержант 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Симоново 29 ноября 1942 г.

ГАРФУНКЕЛЬ Абрам

Род. в 1912 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ГАРФУНКЕЛЬ Гириш

Род. в 1913 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 17 августа 1942 г.

ГАСУЛЬ Залман

Род. в 1907 г., уроженец Татарии. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском

ГАСУЛЬ Соломон

Род. в 1907 г., уроженец Татарии, рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ГАЙДЕМАН Аба

Род. в 1916 г. в Харькове. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Пропал без вести 21 декабря 1943 г. под Старой Руссой

ГАЙЛЕМАН Абрам

Род. в 1910 г. в Риге. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб у совхоза Пенно 23 марта 1943 г.

ГАЙХМАН Лев

Род. в 1912 г. Рядовой 125 стр. полка. Погиб у д. Солыцы в декабре 1942 г.

ГЕЛЛЕР Борис

Род. в 1901 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 11 августа 1942 г.

ГЕЛЛЕРМАН Анатолий

Род. в 1915 г., уроженец Башкирии, сержант. 121 гв. стр. полк. Погиб у д. Обжино 19 января 1943 г.

ГЕЛЬБУРТ Григорий

Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у д. Сычево 11 марта 1943 г.

ГЕЛЬБУРГ Гириш

Погиб под Старой Руссой

ГЕЛЬМАН Михаил

Род. в 1898 г. в Даугавпилсе. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у совхоза Пенно 4 апреля 1943 г.

ГЕЛЬМАН Нисон

Род. в 1915 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском

ГЕЛЬМАН Рувим

Род. в 1914 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Андроновно 1 апреля 1942 г.

ГЕЛЬМАН Хаим

Род. в 1915 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 22 декабря 1941 г. у д. Елагино

ГЕНДЕЛЬ Залман

Род. в 1913 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Голубево 10 августа 1942 г.

ГЕНДРИХ Гириш

Погиб под Старой Руссой

ГЕНКИН Абрам

Род. в 1902 г. Погиб под Старой Руссой 18 ноября 1942 г.

ГЕНЧИК Израиль

Род. в 1910 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 27 августа 1942 г.

ГЕРБИЧ Иосиф

Род. в 1913 г. в Латвии. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ГЕРЕНРАТ Михаил

Род. в 1898 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 27 июля 1942 г.

ГЕРЕНРАТ Нехеми

Род. в 1898 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 27 июля 1942 г.

Герман Гирш

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 28 июля 1942 г.

Герсон Израиль

Род. в 1902 г. Рядовой 121 стр. полка. Погиб у д. Стрелицы 9 декабря 1942 г.

Герценберг Залман

Род. в 1922 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 18 августа 1942 г.

Гершт Соломон

Род. в 1898 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Никольское 1 сентября 1942 г.

Герштейн Давид

Род. в 1907 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубево 17 августа 1942 г.

Гескин Хоне

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Погиб в 1941 г. под Наро-Фоминском

Гескин Захарий

Род. в 1914 г. Утонул в Финском заливе 1 сентября 1941 г.

Гильфман Анна

Род. в 1925 г. в г. Николаевск. Гв. рядовая 43 гв. стр. дивиз. Погибла 28 декабря 1944 г. Похоронена в Добеле

Гимельхох Борис

Род. в 1905 г. Сержант 170 отд. батальона связи 201 лат. стр. дивизии. Погиб у д. Ростань 13 сентября 1942 г.

Гинзбург Мендель

Род. в 1923 г. Рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести под Старой Руссой 17 января 1943 г.

Гинзбург Яков

Род. в 1917 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 21 июля 1942 г.

Гинсбург Кальман-Давид

Погиб под Старой Руссой 11 апреля 1942 г.

Гинсбург Вульф

Род. в 1922 г. Рядовой 123 стр. полка. Погиб у совхоза Пенно 4 марта 1943 г.

Гинсберг Яков

Род. в 1907 г. в Даугавпилсе. Состоял в батальоне «Стрельня» латышского полка. Погиб в Финском заливе 1 сентября 1941 г.

Гироза Эльхонок

Род. в 1919 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 13 августа 1942 г.

Гиршберг Соломон

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 22 декабря 1941 г.

Гиршович Цалель

Род. в 1908 г. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Симоново 2 декабря 1942 г.

Гитлин Меер

Род. в 1907 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 14 августа 1942 г.

ГЛАНЦМАН

Погиб у д. Сорокино в декабре 1942 г.

ГЛЕЗЕРМАН Мордух

Род. в 1921 г. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у д. Стрелицы 10 декабря 1942 г.

ГЛИК Мозус

Род. в 1904 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 24 июля 1942 г.

ГЛИКМАН Борух

Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у д. Стрелицы 17 января 1943 г.

ГЛИКМАН

Род. в Риге, рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

ГЛИКСМАН Лев

Род. в 1916 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубево 17 августа 1942 г.

ГЛУХ Янкель

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Федотово 5 января 1942 г.

ГНИСЕЛ Шмуэль

Род. в 1903 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ГОДЕС Арон

Род. в 1912 г., уроженец Эстонии. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести под Старой Руссой 2 декабря 1942 г.

ГОЛДБЕРГ Яков

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у г. Боровска 31 декабря 1941 г.

ГОЛЬБЕРТ Борис

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у д. Симоново 4 декабря 1942 г.

ГОЛДШМИДТ Давид

Род. в 1904 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубево 26 августа 1942 г.

ГОЛДШМИДТ Овсей

Род. в 1913 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Климкино 2 января 1942 г.

ГОЛДШТИК Ноте

Род. в 1912 г. в Гулбене. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ГОЛЕМБО Лев

Род. в 1924 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Никольское 29 августа 1942 г.

ГОЛОДИН Бер

Род. в 1899 г. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 25 февраля 1943 г. у совхоза Пенно под Старой Руссой

ГОЛЬДБАНД Хона

Род. в 1922 г. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести 16 января 1943 г. под Старой Руссой

ГОЛЬДИН Овсей

Род. в 1907 г. в Даугавпилсе. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у хутора Приедники Джукстской вол. 25 декабря 1944 г.

ГОЛЬДМАН Копель

Род. в 1897 г. в Добеле. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Стрелицы 4 декабря 1942 г.

ГОЛЬДМАН Рафаил

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Гв. сержант. 319 стр. полк. Погиб при форсировании реки Айвексте 11 августа 1944 г.

ГОЛЬЦБАНД Лазарь

Погиб под Старой Руссой

ГОЛБЕРГ Нахман

Род. в 1908 г. в Латвии. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 17 августа 1942 г. у д. Туганово

ГОЛОВЧИНЕР

Погиб под г. Боровском

ГОЛЬДМАН Пейсак

Род. в 1908 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 1 марта 1942 г. у д. Сыроежино

ГОЛЬЦ Савелий

Род. в 1901 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 21 июля 1942 г. у д. Туганово

ГОРБАН Тевье

Род. в 1910 г. в Даугавпилсском уезде. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб первого декабря 1942 г. у д. Симоново

ГОРДИН Рахмиель

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести 13 августа 1942 г. у д. Голубево

ГОРДОН Генох

Род. в 1908 г. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб 29 ноября 1942 г. у д. Симоново

ГОРДОН Лейба

Род. в 1914 г. в Риге. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 14 марта 1943 г. у д. Новолитовицы

ГОРДОН Лейба

Род. в 1896 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ГОРДОН Исаак

Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ГОРДОН Нота

Погиб под Старой Руссой 4 июня 1942 г.

ГОРДОН Яков

Род. в 1898 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском 6 января 1942 г.

ГОРЕЛИКОВ Ноте

Род. в 1911 г. в Лудзе. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 4 апреля 1943 г. у совхоза Пенно (под Старой Руссой)

ГОРЕЛИКОВ Хаим

Род. в 1911 г. Погиб под Наро-Фоминском 22 декабря 1941 г.

ГОРЕЛИКОВ Давид

Погиб под Наро-Фоминском

ГОРИН Давид

Род. в 1913 г. в Риге. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 7 марта 1943 г. у совхоза Пенно (под Старой Руссой)

ГОРШКОВ

Род. в 1899 г. в Лудзе. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 9 марта 1943 г. у д. Сычево

ГОСС Соломон

Род. в 1912 г. в Риге. Гв. рядовой 125 гв. стр. полк. Погиб 14 декабря 1942 г. у д. Стрелица

ГОТЛИБ Абе

Род. в 1921 г. Уроженец Туркмени. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 15 августа 1942 г. у д. Туганово

ГОРФИНКЕЛЬ Лейб

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ГОТЛИБ Виктор

Род. в 1916 г. Первый латышский полк в Эстонии. Погиб 26 августа 1941 г. под Таллинном

ГОТЛИБ Пинкус

Род. в 1914 г. в Елгаве. Гв. мл. лейтенант. 125 гв. стр. полк. Погиб у хутора Бондери Мадонского уезда 18 августа 1944 г.

ГОФФЕНШЕФЕР Лео

Род. в 1923 г. Погиб под Старой Руссой в мае 1942 г.

ГРАВЕТ Гершок

Род. в 1916 г. в Латвии. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 5 января 1943 г. у д. Радово под Старой Руссой

ГРАММ Гутман

Род. в 1920 г. Погиб под Москвой в 1941 г.

ГРАСС Лейба

Род. в 1917 г. в Алуксне. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ГРЕЙНХМАЙН Шмуель

Род. в 1919 г. Погиб у Наро-Фоминска 24 декабря 1941 г.

ГРЕЙНОМАН Шмуэль

Род. в 1919 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 24 декабря 1941 г.

ГРЕНАДЕР Исаак

Погиб под Старой Руссой 11 марта 1942 г.

ГРИЗ Мовша

Род. в 1919 г. в Риге. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб 2 декабря 1942 г. у д. Симоново

ГРИНВАЛЬД Наум

Род. в 1900 г. Погиб в 1941 г. под Старой Руссой

ГРИНВАЛЬД Яков

Род. в 1902 г. в Даугавпилсе. Рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести 9 декабря 1942 г. под Старой Руссой

ГРИМАН Моисей

Род. в 1901 г. в Резекне, 92 стр. полк. Погиб под Старой Руссой 17 августа 1942 г.

ГРИМАН Илья

Погиб в 1941 г.

ГРИНФЕЛЬД Самуил

Род. в 1915 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Ермолино 31 декабря 1941 г.

ГРИНФЕЛЬД Самуил

Погиб под Наро-Фоминском 23 декабря 1941 г.

ГРИНШТЕЙН Семен

Род. в 1908 г. 191 стр. полк. Погиб под Старой Руссой (д. Никольское) 13 августа 1942 г.

ГРИСМАН Гутман

Род. в 1916 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ГРИШКАН Михаил

Погиб под Москвой

ГРОБЕР Соломон

Род. в 1914 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 18 августа 1942 г.

ГРОДСКИЙ Элье

Род. в Вараклянах. Пропал без вести

ГРОК Исаак

Род. в 1923 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Голубево 10 августа 1942 г.

ГРУШКО Бер

Род. в 1918 г. Погиб в Риге летом 1941 г.

ГРУЗИН Хилель

Род. в 1922 г.

ГУРВИЧ Давид

Род. в 1903 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 21 июля 1942 г. у д. Туганово

ГУРВИЧ Лейзер

Род. в 1920 г. Рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести 17 января 1943 г. под Старой Руссой

ГУРВИЧ Бруно

Погиб под Наро-Фоминском в 1941 г.

ГУРВИЧ Моисей

Род. в 1919 г. в Харькове. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб 4 декабря 1942 г. у д. Стрелицы

ГУРВИЧ Арнольд

Род. в 1910 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Вошково 21 февраля 1942 г.

ГУРЕВИЧ Борис

Род. в 1922 г. Погиб в Польше 27 апреля 1944 г.

ГУРЕВИЧ Иосиф

Род. в 1912 г. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 28 августа 1942 г. у д. Никольское

ГУРЕВИЧ Иосиф

Род. в 1912 г. в Лиенае. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 9 августа 1942 г. у д. Никольское

ГУРЕВИЧ Лейзер

Род. в 1907 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагину 24 декабря 1941 г.

ГУРЕВИЧ Макс

Род. в 1915 г. в Риге. Мл. лейтенант. 122 стр. полк. Погиб у д. Соколово 13 апреля 1942 г.

ГУРЕВИЧ Михаил

Род. в 1913 г. в Финляндии. Ст. лейтенант 355 стр. полка. Погиб 6 марта 1945 г. в Блиденской волости (Латвия)

ГУРЕВИЧ Мовша

Род. в 1907 г. в Даугавпилсе. Гв. старшина 319 стр. полка. Погиб у хутора Яунмуйжа Блиденской волости (Латвия) 19 марта 1945 г.

ГУРЕВИЧ Моне

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести под г. Боровском 31 декабря 1941 г.

ГУРЕВИЧ Тип

Погиб в западной части Латвии в марте 1945 г.

ГУРЕВИЧ Шолом

Рядовой 191 стр. полка. Погиб 19 августа 1942 г. у д. Голубево

ГУТБЕРГ Гецель

Род. в 1919 г. в Саратове. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 25 августа 1942 г. у д. Никольское

ГУТКИН Гирш

Род. в 1920 г. в Риге. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 23 февраля у д. Стариково

ГУТМАН Мендель

Род. в 1923 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 12 августа 1942 г. у д. Никольское

ГУТМАН Самуил

Род. в 1900 г. в Лиспае. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 23 марта 1943 г. под Старой Руссой

ГУТМАН Яков

Род. в 1912 г. Погиб под Старой Руссой (у д. Туганово) 15 августа 1942 г. 122 стр. полк

ГУТМАН Иона

Род. в 1915 г. в Петербурге. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 24 декабря 1942 г. у д. Сорокино

ГУТМАН Меер

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 4 сентября 1942 г. у д. Туганово

ГУТМАН Хесель

Род. в 1923 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 15 августа 1942 г. у д. Туганово

ГУТМАН Файвуш

Род. в 1921 г. в Варахлах. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 4 августа 1942 г. у д. Никольское

ГУТМАН Эфраим

Погиб под Москвой в 1941 г.

ГУТНЕР Моисей

Род. в 1903 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 7 мая 1942 г. у д. Андроново

ГУТЯН Файвуш

Род. в 1922 г. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб 14 марта 1943 г. у д. Новолиповицы

ДАВИДОН Виктор

Рядовой 319 стр. полка 308 дивизии. Погиб при форсировании р. Айвиесте 21 августа 1944 г.

ДАНЦИГ Меер

Погиб под Старой Руссой

ДИНКИН Наум

Род. в 1921 г. в Риге. Ст. сержант 355 стр. полка 308 лат. стр. дивизии. Погиб при форсировании р. Айвиесте 13 августа 1944 г.

ДИМАНШТЕЙН Гершон

Погиб под Москвой

ДИТМАН Яков

Род. в 1916 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

ДОВГАРД Митас

Род. в 1908 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 20 декабря 1941 г.

ДОНДЕ Ревекка

Род. в 1910 г. в Вентспилсе. Мл. л-нт медслужбы, нач. аптеки 319 стр. полка. Погибла у х. Бравини (близ Крустпилса) 18 августа 1944 г.

ДОНСКОЙ Вульф

Род. в 1910/12 г. (?). Погиб в 1943 г.

ДРЕЙЕРС Отто

Род. в 1920 г. Погиб 20 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ДРЕЛЬ Мейер

Род. в 1918 г. Ст. л-нт, 191 стр. полк. Погиб у д. Никольское 13 августа 1942 г.

ДРУЯН Моисей

Погиб в 1941 г.

ДУМИШ Иосиф

Род. в 1919 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

ЕРШОВ Израиль

Род. в 1907 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино 3 января 1942 г.

ЖИВ Абе

Род. в 1912/13 г. (?) в Даугавпилсе. Рядовой отдельной химроты п/я 10. Погиб у д. Сорокино Моск. обл.

ЖОГОТ Аба

Род. в 1918 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 8 января 1942 г. у д. Редькино

ЖУРАТА Исаак

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ЖУР Надя

Род. в 1924 г. Санинструктор. Погибла в 1943 г.

ЗАБЕЖИНСКИЙ Элизер

Род. в 1918 г. Пропал без вести в январе 1945 г.

ЗАКС Израэль

Пропал без вести осенью 1941 г. под Наро-Фоминском

ЗАК Рафаил

Род. в 1919 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

ЗАК Сия

Род. в 1906 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 25 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ЗАКМАН Хаим

Род. в 1902 г. в Лиепасе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 23 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ЗАЛЬМАНСОН Абрам

Род. в Риге. Погиб в Польше.

ЗАЛМАНСОН Изя

Род. в 1922 г. Погиб (?)

ЗАНГВИЛЬ Давид

Род. в 1920 г. в Лудзе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Ворсино 30 декабря 1941 г.

ЗАХОДНИК Вениамин

Род. в 1915 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Соколово 11 апреля 1942 г.

ЗАХОДИН Лейб

Род. в 1922 г. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 28 марта 1945 г. у пос. Блидене (Латвия)

ЗЕЙФ Ицик

Род. в 1913 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ЗЕЛИКОВИЧ Илья

Погиб летом 1942 г. под Старой Руссой

ЗЕЛИКОВИЧ Юдель-Калман

Погиб летом 1942 г. под Старой Руссой

ЗЕЛИКОВИЧ Лейзер

Род. в 1912 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Бородино 14 апреля 1942 г.

ЗИЛЬБЕР Гирш

Род. в 1907 г. Уроженец Мордовии. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Соколово 14 апреля 1942 г.

ЗИЛЬБЕРМАН Арон

Род. в 1912 г. в Лиепас. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 21 декабря 1941 г. у д. Ермолино

ЗИЛЬБЕРМАН Израиль

Род. в 1905 г. в г. Дрисса (Белоруссия). Рядовой 122 стр. полка. Погиб 20 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ЗИЛЬБЕРМАН Мейер

Род. в 1920 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у Боровска 31 декабря 1941 г.

ЗИМЕОН Шимон

Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

ЗИСМАН Элия

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 27 декабря 1941 г.

ЗИХЕРМАН Ханан

Погиб 4 января 1941 г. под г. Боровском

ЗОЛОТОНОС Борис

Род. в 1919 г. Погиб в 1941 г.

ИЗРАЭЛЬСОН Лейб

Пропал без вести в 1942 г.

ИЗРАЭЛЬСОН Соломон

Род. в 1924 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ИЛАЗАРОВ Исай

Род. в Нальчике. Старшина 272 гв. стр. полка. Герой Советского Союза. Погиб под Бауской в сентябре 1944 г.

ИОССЕЛЬ Рафаил

Род. в 1922 г. Погиб в 1942 г.

ИОСЕЛОВИЧ

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой химроты. Погиб 7 марта 1945 г. на территории Латвии

ИОФИС Егшуа

Погиб под Старой Руссой

ИОФЕТ Абрам

Род. в 1925 г. Погиб под Кенигсбергом

ИОФФЕ Герсон

Род. в 1911 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб 28 июля 1942 г. у д. Никольское

ИОФФЕ Мердуч

Род. в 1925 г. Гв. сержант 123 гв. стр. полка. Погиб у хутора Лиспес (близ Джуксте) на территории Латвии 24 декабря 1944 г.

ИОФФЕ Эммануил

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб 13 января 1942 г. у д. Луцны

ИСЬЕМИН Иосиф

Род. в 1921 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб в 1941 г. у д. Ворсинно

ИТКИН Нахман

Род. в 1909 г. Погиб 22 марта 1942 г. под Старой Руссой

ИЦИКСОН Мейер

Род. в 1921 г. в Тукумсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб под Старой Руссой (у д. Горчицы)

КАБИЛЕР Янкель

Род. в 1919 г. в Талси. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Ивакино 28 декабря 1941 г.

КАЗАНСКИЙ Яков

Род. в 1912 г. в Лнепас. Гв. сержант 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Сорокино 19 января 1943 г.

КАН Герман

врач 201 стр. дивизии

КАН Конрад

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

КАН Эммануэль

Род. в 1910 г. Погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

КАНТОР Роберт

Род. в Тукумсе. Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

КАНТОР Рубин

Род. в 1911 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Инютино 4 января 1942 г.

КАПЕЛОВИЧ Давид

Род. в 1912 г. Погиб у Наро-Фоминска 25 декабря 1941 г.

КАПЕЛОВИЧ Абе

Род. в 1906 г. Погиб у Наро-Фоминска 25 декабря 1941 г.

КАПЕЛОВИЧ Исаак

Род. в 1914 г. Погиб у Наро-Фоминска 25 декабря 1941 г.

КАПЕЛЮШКИН Семен

Род. в 1910 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 20 декабря 1941 г.

КАПИСОВИЧ Иосиф

Род. в 1922 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Соколово 21 марта 1942 г.

КАПЛАН Янкель

Род. в 1919 г. в Паланге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска 20 декабря 1941 г.

КАПЛАН Пейсах

Род. в 1919 г. в Риге. Гв. рядовой 123 стр. полка. Погиб у д. Софроново 17 января 1943 г.

КАПЛАН Рувим

Род. в 1910 г. в Даугавпилсе, рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Иваново 29 декабря 1941 г.

КАРЛИН Харий

Погиб в Эстонии в 1941 г.

КАРЛИН Шолом

Род. в 1910 г. Гв. рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб у д. Сорокино 7 января 1943 г.

КАФЕЛЬ Залман

Род. в 1907 г. Погиб у п. Кошкино Л-градск. обл. 25 августа 1941 г.

КАФЕЛЬ Исаак

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Редькино 8 января 1942 г.

КАЦ Абрам

Род. в 1911 г. Рядовой 201 стр. див. Погиб под Боровском 1 января 1942 г.

КАЦ Абрам

Погиб у д. Подбелье Ленинградск. обл. 14 марта 1942 г.

КАЦ Абрам

Род. в 1918 г. в Вишки к-р взвода 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

КАЦ Абрам

Род. в 1911 г. Погиб под Москвой 1 января 1942 г.

КАЦ Абрам

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска 23 декабря 1941 г.

КАЦ Иосиф

Род. в 1912 г. в Даугавпилсе. Гв. лейтенант 121 гв. стр. полка. Погиб у Джуксте (Латвия) 2 января 1945 г.

КАЦ Лазарь

Род. в 1911 г. Рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Соболево 17 марта 1943 г.

КАЦ Михаил

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб под Старой Руссой (д. Стрелицы) 29 ноября 1942 г.

КАЦ Мозус

Род. в 1918 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 30 декабря 1941 г.

КАЦ Самуил

Род. в 1910 г. в Харькове. Пропал без вести под Старой Руссой 18 марта 1943 г.

КАЦ Овсей

Род. в 1904 г. Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

КАЦ Эммануэль

Род. в 1910 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

КАЦЕВ Гириш

Род. в 1901 г. в Риге. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб под Старой Руссой 12 декабря 1942 г.

КАЦКИС Абрам

Род. в 1913 г. в Риге. Гв. ст. сержант 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Новолиповицы 12 марта 1943 г.

КАЦОВИЧ Израиль

Род. в 1901 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

КАШ Меер

Пропал без вести в 1941 г. под Ленинградом

КВИЛ Ицик

Род. в 1920 г. Погиб под Москвой в 1941 г.

КВИЛЬ Нахман

Род. в 1916 г. в Псковской обл. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

КИЛ Абрам

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

КИЛ Перец

Род. в 1921 г. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Ворсино 31 декабря 1941 г.

КИЛОВ Залман

Род. в 1910 г. в Риге. Гв. рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Стариково 23 февраля 1943 г.

КИМЦЕЛЬ Цалел

Род. в 1908 г. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести под Старой Руссой 25 февраля 1943 г.

КИОР Айзик

Род. в 1922 г. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб под д. Сафроново 5 января 1943 г.

КИПНИС Михаил

Род. в 1918 г. в г. Горький. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Выставка 22 марта 1943 г.

КИРЗНЕР Оскар

Род. в 1922 г. в Плявиняс. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб под Старой Руссой 8 апреля 1943 г.

КИРЗНЕР Эрнест

Род. в 1922 г. Погиб под Таллинном в августе 1941 г.

КИРШТЕЙН Бейрач

Род. в 1912 г. Погиб в Новгородской обл. 2 января 1943 г.

КИТ Бер

Род. в 1913 г. в Даугавпилсе. Гв. ефрейтор 123 гв. стр. полка. Погиб у Джуксте 25 декабря 1944 г.

КЛЯЧКА Вольф

Род. в 1922 г. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

КОБЛЕНЦ Мейер

Род. в 1910 г. в Крустпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино 4 января 1942 г.

КОВНАТ Саул

Род. в 1919 г. в Риге. Гв. лейтенант 121 гв. стр. полка. Погиб 8 августа 1944 г. у д. Друвасниски (Латвия)

КОВНАТОР Яков

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

КОГАН Зелик

Род. в Даугавпилсе. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Пропал без вести под Старой Руссой 6 декабря 1942 г.

КОГАН Ицхок

Род. в 1913 г. в Риге. Гв. рядовой 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Лялино 1 декабря 1942 г.

КОДЕШ Нохум

Род. в 1907 г. в Крустпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб под д. Елагино 21 декабря 1941 г.

КОЗИНЕЦ Мейер

Род. в 1911 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Ермолино 1 января 1942 г.

КОЛ Шая

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

КОМИНАР Янкель

Род. в 1911 г. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

КОРАБЕЛЬНИКОВ С.

Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

КОРТ Мейер

Род. в 1907 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 31 декабря 1941 г.

КОТЛЕР Лейба

Погиб на Ленинградском фронте

КОТЛЕР Нахман

Род. в 1911 г. в Вильнюсе. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб под Старой Руссой 23 февраля 1943 г.

КОРТ Мейер

Род. в 1909 г. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Радово 21 января 1943 г.

КОХАНОВ Изранль

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести 24 декабря 1941 г. у д. Елагино

КРАЙЦЕР Шмерл

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 23 декабря 1941 г. у д. Елагино

КРАМЕР Израиль

Род. в 1912 г. в Елгаве. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

КРЕЦЕР Хари

Погиб в 1941 г. в Ленинградской области

КРИГЕР Арон

Род. в 1910 г. Погиб в июле 1941 г. у Пайдес (Эстония)

КРИГЕР Мейер

Рядовой 201 стр. дивиз. Погиб 18 августа 1942 г. у д. Никольское

КРИСТАЛ Мейер-Моцс

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

КРОМ Николай

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

КРОН-КРЕЦЕР Мартин

Род. в 1914 г. Погиб под Ст. Руссой в июне 1942 г.

КСЕНДЗОВ Соломон

Род. в 1914 г. Погиб под Наро-Фоминском (декабрь 1941 г.)

КУБАНТУР Моисей

Погиб под Москвой в декабре 1941 г.

КУКЛЯ Илья

Род. в 1911 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

КУКЛЯ Мейер

Род. в 1917 г. в Резекненском районе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Ермолино Боровского района 31 декабря 1941 г.

КУКЛЯ Соломон

Род. в 1915 г. в Даугавпилсе. Гв. рядовой 92 стр. полка. Погиб под Старой Руссой (д. Сальцо) 27 декабря 1942 г.

КУПСИК Борис

Род. в 1921 г. в Виляках. Рядовой 220 арполка. Погиб у д. Редькино 4 января 1942 г.

КУР Беньямин

Род. в 1908 г. в Даугавпилсе. Ст. сержант 220 арполка. Погиб у д. Лучино 13 января 1942 г.

КУРИН Екаб

Род. в 1889 г. Погиб в 1941 г. на Л-градск. фронте

КУРС Абрам

Род. в 1922 г. в Илуксте. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 29 декабря 1941 г.

КУРЧИК Борис

Род. в 1908 г. в Риге. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 12 декабря 1942 г. у д. Стрелица

КУСЕМАН Моисей

Род. в 1920 г. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Сальцо 25 декабря 1942 г.

КУПЕРШТЕЙН Борух

201 стр. дивизия. Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

КУРЦМАН Израель

Род. в 1922 г. Погиб в июле 1942 г.

КУТНЕР Эхецкил

Род. в 1917 г. в Лиенае. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб у д. Стрелица 4 декабря 1942 г.

КУШНЕРИС Валдемар

Род. в 1920 г. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ЛАЗЕРСОН Хонон

Род. в 1908 г. Погиб под Старой Руссой в 1943 г.

ЛАК Гедалье

Род. в 1907 г. в г. Виляны. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести под Москвой 7 января 1942 г.

ЛАКС Ехнель

Род. в 1923 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 8 августа 1942 г.

ЛАКУС Зелик

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

ЛАНДСБЕРГ Шнейер

Род. в 1922 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

ЛАПИДУС Исаак

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ЛАПША Владислав

Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Инютино 1 января 1942 г.

ЛАТ Моисей

Род. в 1903 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ЛАТ Рувим

Род. в 1907 г. в Гостини. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска 21 декабря 1941 г.

ЛАТ Гирш

Род. в 1905 г. в Крустпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 8 августа 1942 г.

ЛАТВИНСКИЙ Лайзер

Род. в 1924 г. Погиб под Старой Руссой

ЛАФЕР Рувим

Погиб под Наро-Фоминском 23 декабря 1941 г.

ЛАХМАН Лейб

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ЛЕВЕНБЕРГ Маркус

Род. в 1904 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 31 декабря 1941 г.

ЛЕВИ Борис

Погиб под Москвой 3 декабря 1941 г.

ЛЕВИ Конрад

Род. в 1914 г. Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

ЛЕВИН Давид

Род. в 1924 г. в Риге. Гв. рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб у хутора Вецбриди (близ Джуксте) 25 декабря 1944 г.

ЛЕВИН Исаак

Род. в 1916 г. в Лиспае, Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Туганово 11 августа 1942 г.

ЛЕВИН Якоб

Род. в 1904 г. в Даугавпилсе Рядовой 220 артполка. Погиб у д. Голубево 18 августа 1942 г.

ЛЕВИНСОН Моисей

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ЛЕВЕНБЕРГ Лэйба

Род. в 1908 г. в Тукумсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Торчица 14 августа 1942 г.

ЛЕВИН Бернхард-Бука

Род. в 1918 г. Погиб летом 1941 г. в Эстонии

ЛЕВИН Херберт

Род. в 1920 г. Умер в госпитале

ЛЕВИНСОН Леон

Род. в 1918 г. Погиб 18 октября 1944 г. в Эстонии

ЛЕВИНСОН Симон

Погиб в 1943 г. (в районе Орла—Курска)

ЛЕВИНШТЕЙН Фейвиш

Род. в Тукумсе. Погиб 4 июня 1942 г. под Ст. Руссой

ЛЕВИНШТЕЙН Шлойме

Род. в Тукумсе. Погиб 4 июня 1942 г. под Ст. Руссой

ЛЕВИТ Рафаил

Род. в 1902 г. Погиб в марте 1942 г.

ЛЕВИТАН Алик

Погиб в районе Омичкино

ЛЕВИТАНУС Александр

Род. в 1911 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Голубево 28 июля 1942 г.

ЛЕВШТЕЙН Хацкель

Род. в 1923 г. в Даугавпилсе. Гв. сержант 201 лат. стр. дивизии. Погиб у хутора Дибели (Латвия) 28 декабря 1944 г.

ЛЕЙБОВИЧ Борис

Род. в 1918 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ЛЕЙБОВИЧ Мотя

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ЛЕЙЗЕРОВИЧ Моисей

Род. в 1918 г. в Лудзе. Ефрейтор 191 стр. полка. Пропал без вести у г. Боровска

ЛЕЙЗЕРОВИЧ Шмуель

Род. в 1922 г. Уроженец Татариин. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Вошково 23 февраля 1942 г.

ЛИБЕРЗОН Хонан

Род. в 1908 г. Погиб в марте 1942 г. под Ст. Руссой

ЛИБГУТ Семен

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

ЛИБШИЦ Семэн

Род. в 1909 г. Погиб в партизанском отряде

ЛИВШИЦ Авигдор

Род. в 1917 г. в г. Щеглово Моск. обл. 191 стр. полк. Погиб у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

ЛИВШИЦ Давид

Род. в 1923 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 8 августа 1942 г.

ЛИВШИЦ Исай

Род. в 1905 г. Гв. ефрейтор 123 гв. стр. полка. Погиб у пос. Блидене (Латвия) 9 марта 1945 г.

ЛИФШИЦ Иосиф

Род. в 1897 г. в Курской обл. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ЛИЕТ Рахмнелъ

Род. в 1916 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 30 июля 1942 г.

ЛИН Абрам

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

ЛИН Теодор

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

ЛИПСКИЙ Эдуард

Род. в 1922 г. Погиб 20 декабря под Наро-Фоминском

ЛИФШИЦ Гирш

Род. в 1912 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 17 августа 1942 г.

ЛИФШИЦ Шалом

Род. в 1918 г. в Лудзе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Редькино 7 января 1942 г.

ЛИХТАС Лиманас

Род. в 1910 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 24 декабря 1941 г.

ЛОБОК Фред

Род. в 1922 г. в Риге. 191 стр. полк. Пропал без вести у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ЛОВОК Фред

Род. в 1922 г. в Бауском районе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 18 июля 1942 г. у д. Никольское

ЛОДОВ Абрам

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

ЛОЦ Габриель

Род. в 1909 г. в Резекне. Рядовой 94 гв. артполка. Погиб у д. Туганово 18 августа 1942 г.

ЛУБАН Яков

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

ЛУНЧИК Мейер

Род. в 1915 г. в Резекне. Мл. сержант 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

ЛУНЧИК Шнейер

Род. в 1922 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 10 августа 1942 г.

ЛУРЬЕ Бин

Погиб 28 августа 1941 г. в Эстонии

ЛУРЬЕ Мейер

Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

ЛУРЬЕ Нафталий

Род. в 1905 г. в Юнелгаве. Ефрейтор 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

МАГАРАМ Давид

Род. в 1913 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

МАГАРАМ Овсей

Род. в 1911 г. в Алуксне. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Соколово 8 апреля 1942 г.

МАГИД Ханм

Род. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести 22 декабря 1941 г. у д. Елагино

МАГИДСОН Арнольд

Род. в 1910 г. Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

МАРКОВ Сергей

Род. в 1911 г. Погиб 22 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

МАРОН Мейер

Род. в 1919 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском 1 января 1942 г.

МАРЦИКОВСКИЙ Яков

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

МАРЬЯНОВСКИ Гриша

Погиб в 1942 г. под Старой Руссой

МЕЙЕР Рувим

Род. в 1910 г. в Ивановской обл. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Боровском 1 января 1942 г.

МЕЙЕРШТЕЙН Язеп

Погиб 20 ноября 1942 г. под Старой Руссой

МЕЙЛИХИН Самуил

Род. в 1913 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 29 июля 1942 г.

МЕНДЕЛЬСОН Гириш

Род. в 1918 г. в Вентспилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

МЕР

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Боровском 6 января 1942 г.

МИЗРОХ Мендель

Род. в 1920 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

МИКЕЛЬСОН Абрам

Род. в 1910 г. в Елгаве. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Кузнецово 23 марта 1942 г.

МИКЕЛЬСОН Ицик

Род. в 1923 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Инютино 1 января 1942 г.

МИЛЬНЕР Моисей

Род. в 1906 г. в Балтинаве. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Выставка 22 марта 1942 г.

МИНКИН Семен

Род. в 1908 г. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой.

МИХЕЛЬСОН Гдалье

Род. в 1923 г. в Резекненском уезде, рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

МОВШОВИЧ Иосиф

Род. в 1923 г. в Яунлатгале. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском 1 января 1942 г.

МОИН Пинхус

Род. в 1908 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 30 июля 1942 г.

МОИСЕЕВ Александр

Род. в 1917 г. Погиб 22 декабря под Наро-Фоминском.

МОРАН Мейер

Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском 31 декабря 1941 г.

МОРЕЙ Мендл

Погиб под Старой Руссой

МОСКВИС Александр

Род. в 1898 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

МУЛЛЕР Мейер

Род. в 1911 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска

МУЛЛЕР Моисей

Род. в 1911 г. Погиб 22 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

МУЛЛЕР Хаим

Род. в 1915 г. Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

МУРВИН Лейб

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

МУРОВИЧ Наум

Род. в 1917 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Загашино (близ Старой Руссы) 21 февраля 1942 г.

МУСТЕРМАН Владимир

Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

НАГЛИС Моисей

Род. в 1917 г. Лейтенант. 92 стр. полк. Погиб у д. Туганово 21 июля 1942 г.

НАТАНСОН Беньямин

Род. в 1922 г. в Вентспилсе. Гв. сержант 319 стр. полка. Погиб под Крустпилсом 10 августа 1944 г.

НАТАНСОН Гарри

Род. в 1905 г. в Лиенае. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Ермолино 2 января 1942 г.

НАШАТЫР Мозус

Род. в 1919 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Редькино 8 января 1942 г.

НЕГРИМОВСКИЙ Абрам

Род. в 1894 г. Ефрейтор 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 22 декабря 1941 г.

НЕЙГАУЗЕН Григорий

Род. в 1912 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Подосонье 5 марта 1942 г.

НЕЙШЛОСС Моисей

Род. в 1910 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

НОВИК Залман

Род. в 1912 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Соколово 4 апреля 1942 г.

НОВОЖЕНЕЦ Тув

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 23 декабря 1942 г.

НОТКИН Моисей

Род. в 1908 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

НОТКИН Рувим

Род. в 1921 г. в Прейли. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

НУДЕЛЬМАН Ехиель

Род. в 1921 г. в Лиенае. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино 8 января 1942 г.

ОБЕЛЕР Гириш

Род. в 1917 г. Погиб 25 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском.

ОЗУР Файвш

Погиб 3 декабря 1941 г. под Москвой

ПАЙКИН Якоб

Род. в 1913 г. Погиб 28 февраля 1942 г. под Ст. Руссой

ПАЛЕЙ Моисей

Род. в 1925 г. в Даугавпилсе. Сержант 319 стр. полка. Погиб у хутора Мелнгравис Елгавского уезда 5 марта 1945 г.

ПАЛИН Лев

Род. в 1916 г. в Риге. Гв. лейтенант 125 гв. стр. полка. Погиб у хутора Бандари Мадонского уезда 17 августа 1944 г.

ПАЛИН Леонид

Род. в 1917 г. Погиб 17 августа 1944 г. под Саусне (Латвия)

ПАНЦ Заламан

Род. в 1918 г. в Даугавпилсе. Пропал без вести в 1941 г.

ПЕЙСАХОВИЧ Миша

Род. в 1906 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 27 июля 1942 г.

ПЕРЕЛЬМАН Арье

Род. в Тукумсе. Погиб летом 1942 г. под Ст. Руссой

ПЕРЕЛЬМАН Исаак

Погиб в августе 1941 г.

ПЕРЕЛЬМАН Ноах

Погиб под Таллинном в августе 1941 г.

ПЕРЛМАН Хаим

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести под г. Боровском 31 декабря 1941 г.

ПЕТУХОВ Лейба

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Инютино 1 января 1942 г.

ПИКШТЕЙН Джек

Род. в 1916 г. Погиб в июле 1942 г. у д. Тугаево

ПИН Давид

Род. в 1903 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Умер от разрыва сердца 14 декабря 1941 г. Похоронен в д. Хоругвино

ПЛАКХИН Гирш

Род. в 1909 г. 92 стр. полк. Погиб у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

ПЛАКХИН Лев

Род. в 1921 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ПЛЕПЛЕ Ханан

Погиб в 1941 г. под Москвой

ПЛИНЕР И.

Комиссар батальона. Погиб под Наро-Фоминском в декабре 1941 г.

ПЛУНГАЙН Файвуш

Род. в 1909 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 24 декабря 1941 г.

ПРАСС Касриель

Род. в 1905 г. в Полтавской обл. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Выставка 22 марта 1942 г.

ПРЕЗМА Макс

Род. в 1911 г. в Валмиере. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 6 января 1942 г.

ПРЕЗМА Элия

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб под г. Боровском 3 января 1942 г.

ПРЕЙС Илья

Род. в 1913 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Вошково 23 февраля 1942 г.

ПРИГОВ Владимир

Герой Советского Союза. Род. в Киеве. Мл. лейтенант. 19 мотокорпус. Погиб под Тукумсом

ПРУЖАНСКИЙ Герц

Род. в 1912 г. в Невеле. Мл. лейтенант. 191 стр. полк. Погиб у д. Стрелица 1 декабря 1942 г.

ПРУЖАНСКИЙ Яков

Погиб в 1943 г.

ПРУСАК Хацкель

Род. в 1908 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

ПСАВКА Шлема

Род. в 1915 г. в Ливанах. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Большое Толочно 23 марта 1942 г.

ПУЧИНСКИЙ Михаил

Род. в 1918 г. Погиб 23 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ПУХОК Арон

Род. в 1925 г. в Зилупе. Мл. сержант 355 стр. полка 308 лат. стр. дивизии. Погиб при форсировании р. Айвиекте 12 августа 1944 г.

РАБИНОВИЧ Александр

Род. в 1929 г. в Риге. Рядовой 123 гв. стр. полка. Погиб в Тукумском уезде (х. Малнауши) 23 декабря 1944 г.

РАБИНОВИЧ Гирш

Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

РАБИНОВИЧ Иосиф

Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

РАПОПОРТ Герц

Род. в 1907 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 20 декабря 1941 г.

РАФАЙЛОВИЧ Илья

Род. в 1921 г. в Москве. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

РАФЕЛЬСОН Яков

Род. в 1919 г. Погиб 7 мая 1942 г. под Ст. Руссой

РЕВИЧ Макс

Род. в 1915 г. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой

РЕВИЧ Николай

Род. в 1913 г. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой

РЕЗНИК Янкель

Род. в 1916 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 31 декабря 1941 г.

РЕЙН Абрам

Род. в 1906 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 24 декабря 1941 г.

РЕНДИН Исаак

Род. в 1907 г. в Крустпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 23 декабря 1941 г.

РЕЙБОВСКИЙ Генрих

Род. в 1921 г. Погиб летом 1941 г. в Эстонии

РИВКИН Исаак

Род. в 1922 г. в Кременчуге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Вошково 28 февраля 1942 г.

РОГОЛЬСКИЙ Семен

Род. в 1920 г. в Риге. Ст. сержант 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

РОЗЕНБЕРГ Або

Род. в 1909 г. в Риге, рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

РОЗЕНБЕРГ Гемох

Род. в 1919 г. в Карсаве. 122 стр. полк. Пропал без вести у д. Редькино 8 января 1942 г.

РОЗЕНБЕРГ Гершон

Погиб под Старой Руссой в июне 1942 г.

РОЗЕНБЕРГ Лейзер

Род. в 1910 г. в Горьковской обл. 191 стр. полк. Пропал без вести у д. Соколово 11 апреля 1942 г.

РОЗЕНШТЕЙН Айзик

Род. в 1918 г. в Краславе. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино 12 января 1941 г.

РОТБАРТ Гириш

Род. в 1904 г. в Лиенае. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Ивакино 19 декабря 1941 г.

РУБИН Цви

Род. в 1908 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 24 декабря 1941 г.

РУБИНШТЕЙН Арон

Род. в 1919 г. в Резекне. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Инютино 1 января 1942 г.

РУБИНШТЕЙН Генрих

Род. в 1919 г. в Полтаве. Лейтенант 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 24 декабря 1941 г.

РУТЦАЙТИС Ешуа

Род. в 1911 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб под д. Ворсино 31 декабря 1941 г.

РУТШТЕЙН Нисон

Род. в 1911 г. в Риге. Мл. лейтенант, 122 стр. полка. Погиб у д. Соколово 11 апреля 1942 г.

РЫБИН Пейсах

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

САВИН Гириш

Род. в 1907 г. в Риге. Рядовой 319 стр. полка. Погиб у хутора Кукуша Блденской волости (Латвия) 29 марта 1945 г.

САЛЬМАН Абрам

Погиб под Старой Руссой 4 июня 1942 г.

САЛНЕР Анна

Род. в 1923 г. Погибла в августе 1941 г. в Таллинне

САЛОВИЧ Соломон

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

САЛМИНСКИЙ Михаил

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

САНДЛЕР Зелиг

Род. в 1903 г. в Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 20 июля 1942 г.

САНДЛЕР Мейер

Род. в 1909 г. в Лудзе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

САНДЛЕР Шабсай

Погиб под Москвой

САПОЖНИКОВ Семен

Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

САРАГОВИЧ Давид

Род. в 1923 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести 22 декабря 1941 г. у д. Елагино

САПУГО Самуил

Род. в 1906 г. в Риге. Сержант 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 29 июля 1942 г.

САУЛЕВИЧ Яков

Род. в 1904 г. в Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 29 июля 1942 г.

СВЕРДЛОВ Михаил

Род. в 1907 г. в Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 30 июля 1942 г.

СВЕТЛИЦИН Зяма

Род. в 1922 г. в Лудзе. Ефрейтор 122 стр. полка 201 лат. стр. див. Пропал без вести под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

СВЕТЛИЦИН Николай

Род. в 1926 г. в Лудзе. Рядовой 355 стр. полка 308 лат. стр. див. Погиб при форсировании р. Айвиксте 11 августа 1944 г.

СЕГАЛ Борис

Род. в 1904 г. Гв. рядовой 125 гв. стр. полка. Погиб 27 марта 1945 г. у пос. Блидене (Латвия)

СИГАЛОВ Вульф

Род. в 1919 г. в Риге. Погиб 31 августа 1942 г. под Старой Руссой

СИГАЛОВ Моисей

Погиб в 1944 г.

СИГАЛОВ Михаил

Погиб 16 января 1944 г.

СИГАЛОВ Наум

Род. в 1925 г. Погиб 17 марта 1944 г.

СИДЕЛЬСКИЙ Генрих

Род. в 1905 г. 201 лат. стр. дивизии. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

СИМАНОВИЧ Михаил

201 стр. див. Погиб 4 июня 1942 г. под Ст. Руссой

СИМКИН Иосиф

Род. в 1907 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском Московск. обл. 6 января 1942 г.

СИМКИН Хаим

Род. в 1913 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в 1943 г.

СИМКИН Шапсе

Род. в 1923 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

СКАУНА Исаак

201 стр. див. Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

СКОВИЙ Исаак

Род. в 1900 г. в Абренском уезде. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 20 декабря 1941 г.

СКОРОХОД Абрам

308 лат. стр. див. Погиб в Тукумском районе у х. Дирбес 28 декабря 1944 г.

СКУТЕЛЬСКИЙ Мейер

201 стр. див. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой

СЛУЦКЕР Бенцион

Род. в 1919 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

СМОРГАН Шнейер

Род. в 1923 г. в Семипалатинской обл. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

СМУШКЕВИЧ Лейб

201 стр. див. Погиб 4 июня 1942 г. под Старой Руссой

СОЛОВЕЙ Яков

Род. в 1909 г. в Резекненском уезде. Мл. сержант 122 стр. полка. Погиб у д. Редькино Боровского р-на Моск. обл. 8 января 1942 г.

СОЛОМОН Александр

(Шмерл)

Род. в 1924 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 6 июля 1942 г. у с. Горбовы (граница Латвии)

СОМИН Янкель

Род. в 1901 г. в Витебской обл. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском в декабре 1941 г.

СОЛОМОН Хаим

Род. в 1918 г. в г. Полоцк (Белоруссия). Гв. лейтенант 121 гв. стр. полка. Погиб при форсировании р. Айвиесте 18 августа 1944 г.

СОНДАК Адам

Род. в 1917 г. в Лудзе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 27 июля 1942 г.

СОРОКИН Лев

Погиб в декабре 1941 г. под Москвой

СТЕКОЛ Бер

Род. в 1915 г. Рядовой 319 стр. полка. Погиб при форсировании р. Айвиесте в августе 1944 г.

СТЕКЛОВ Израиль

Род. в 1916 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровск Моск. обл. 4 января 1942 г.

СТЕРНИЦ Пауль

Род. в 1919 г. Погиб под Старой Руссой в 1942 г.

СТРУНСКИЙ Нилон

Погиб в 1944 г.

СУРИЦ Абрам

Род. в 1917 г. в Риге. Сержант 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 24 декабря 1941 г.

СУРИЦ Хаим

Род. в 1903 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести в 1941 г.

СУХОБОКОВ Соломон

201 стр. дивизия. Погиб 4 июня 1942 г.

ТАЛБЕРГ Элмас

Род. в 1922 г. в Талси. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

ТАУБКИН Юрий

Мл. л-нт 319 стр. полка. Погиб под Крустпилсом 23 августа 1944 г.

ТЕВЕЛЕВ Лев

Погиб летом 1942 г.

ТИТЕЛЬСОН Зисель

Род. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Ворсино 30 декабря 1941 г.

ТИХОНЕНОК Моисей

Род. в 1911 г. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 29 декабря 1941 г.

ТОДЕС Даниил

Погиб 3 декабря 1941 г. под Москвой

ТРЕГЕР Лев

Погиб в 1944 г.

ТРОК Хаим

Род. в 1917 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 25 декабря 1941 г.

ТУЛБОВИЧ Вольф

Род. в 1915 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 26 декабря 1941 г.

ТУЛЬБОВИЧ Вольф

Род. в 1925 г. в Риге. Мл. сержант 319 стр. полка. Погиб при форсировании р. Айвиесте в августе 1944 г.

ТУРГЕЛЬ Шапса

Род. в 1906 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино в декабре 1941 г.

ФАЙБИСОВИЧ Григорий

Род. в 1925 г. в Орловской обл. Лейтенант 323 стр. полка 308 лат. стр. див. Погиб у х. Берзупе (Латвия) 24 января 1945 г.

ФАЙНЦВЕЙГ Бернш

201 стр. див. Рядовой. Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

ФАЙНШЛОСС Залман

Род. в 1906 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 30 июля 1942 г.

ФАСФОЛЬСКИЙ Вольф

Рядовой 201 стр. див. Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

ФЕЙГИН Мотл

Род. в 1916 г. Погиб под г. Ефремово

ФЕЙН Гирш-Лейб

Погиб под Ст. Руссой в июне 1942 г.

ФЕЛЬДГУН Мейер

Род. в Риге. 1 в. лейтенант 201 лат. стр. див. Погиб под Крустпилсом 8 августа 1944 г.

ФЕЛЬДМАН Арон

Погиб в августе 1941 г. под Таллинном

ФЕЛЬДХУН Конрад

Род. в 1901 г. в Мадоне. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под г. Боровском 7 января 1942 г.

ФЕРБЕР Даниель

Род. в 1912 г. в Тукумсе. 43 гв. стр. дивизия. Погиб в 1944 г. под Межаре

ФЕРБЕР Лейб

Погиб под Таллинном в августе 1941 г.

ФЕРБЕР Мендл

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

ФЕРБЕР Хоне

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

ФЕРБЕР Эммануэль

Погиб 4 января 1942 г. под г. Боровском

ФЕРД Гирш

Род. в 1917 г. в г. Горьком, гв. лейтенант 125 гв. стр. полка. Погиб 2 августа 1944 г. у х. Рудзети (Крустпилс, Латвия)

ФЕШЕР Шорий

Род. в 1922 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ФЛАКС Исаак

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФЛАКС Юдель

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФЛЕЙШЕР Арье-Лейб

Род. в Тукумсе. Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

ФЛЕЙШЕР Борух-Янкель

Род. в Тукумсе. Погиб в июне 1942 г. под Ст. Руссой

ФЛЕЙШЕР Израиль

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 31 декабря 1942 г.

ФЛЕЙШЕР Илья

Род. в 1915 г. в Узбекистане. Гв. мл. лейтенант 191 стр. полка. Погиб у д. Лялино 1 декабря 1942 г.

ФЛЕЙШЕР Калман

Погиб в 1941 г. под Москвой

ФЛЕЙШМАН Давид

Пропал без вести под Москвой в 1941 г.

ФЛИДБЕРГ Абрам

Род. в 1907 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Соколово 14 апреля 1942 г.

ФОМИНСКИЙ Михаил

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФРЕЙТФЕЛД Шмуэль

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Инютино 31 декабря 1941 г.

ФРИД Зусман Хаим

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФРИД Иока

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФРИД Семен

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

ФРИДЛЕНДЕР Абрам

Род. в 1912 г. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Ермолowo 1 января 1942 г.

ФРИДЛЕНДЕР Израиль

Рядовой 201 лат. стр. див. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ФРИДМАН Изя

Род. в 1922 г. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой.

ФРИДМАН Лейба

Род. в 1910 г. в Екабпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 22 декабря 1941 г.

ФРИДМАН Яков

Род. в 1922 г. в Риге. Погиб 29 ноября 1942 г.

ФРОСТ Касриель

Род. в 1912 г. в Илукстском уезде. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 31 декабря 1941 г.

ФУРМАН Лейба

Род. в 1910 г. Рядовой 201 лат. стр. див. Погиб под Наро-Фоминском 22 декабря 1941 г.

ХАЗАН Лейб

Род. в 1920 г. в Даугавпилсе. Рядовой 355 стр. полка 308 Латв. стр. див. Погиб при форсировании р. Айвнексте 11 августа 1944 г.

ХАЗАН Рахмиель

Род. в 1921 г. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ХАИН Мордух

Род. в 1908 г. в Резекне. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 7 августа 1942 г.

ХАЙТ Абрам

Род. в 1911 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в 1942 г.

ХАЙТ Вольф (Фейвиш)

201 латв. стр. дивизия. Погиб весной 1942 г. под Ст. Руссой

ХАЛ Гириш

Род. в 1906 г. в Дагде. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Выставка 22 марта 1942 г.

ХАЙТОВ Вульф

Род. в 1915 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Прочал без вести у д. Редькино 20 декабря 1941 г.

ХАЛЯВИН Калман

Род. в 1916 г. в Крустпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ХЕРЦЕНБЕРГ Лазарь

Род. в 1915 г. в Лиенае. Лейтенант 191 стр. полка. Погиб у д. Туганово 13 августа 1942 г.

ХЕЙФЕЦОВИЧ Пэрец

Род. в 1913 г. в Лудзе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 24 января 1942 г.

ХЕРЦЕНБЕРГ Александр

Род. в 1915 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 7 января 1943 г. под Старой Руссой

ЦАДОВИЧ Ицнк

Род. в 1910 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в 1943 г. под Новосokolьниками.

ЦАДОВИЧ Цалик

Род. в 1917 г. 201 лат. стр. дивизия. Пропал без вести в 1942 г. у д. Кузнецово

ЦАДОВИЧ Шолом

Род. в 1907 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в 1942 г. у д. Сосоки

ЦАЛИХИН Исаак

Род. в 1899 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 20 июля 1942 г.

ЦАЛС Фебус

Род. в 1909 г. в Даугавпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино Московск. обл. 22 декабря 1941 г.

ЦАЛЬ Ицхок (Изя)

Род. в 1923 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в июле 1942 г.

ЦЕЙТЛИН Георг

201 лат. стр. дивизия. Пропал без вести в 1942 г.

ЦЕНЦИПЕР Або

Род. в 1917 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Ермолино 6 января 1942 г.

ЦИМБЕЛ Исаак

201 стр. дивизия. Погиб весной 1942 г. под Старой Руссой

ЦИМКИН Рубэн

Род. в 1908 г. в Риге. Гв. мл. лейтенант 121 гв. стр. полка. Погиб у д. Тинуши (Латвия) 27 июля 1944 г.

ЦИПКИН Лео

Род. в 1914 г. в Даугавпилсе. Рядовой артполка 201 лат. стр. дивизии. Погиб у д. Редькино 4 января 1942 г.

ЦИТРОН Михаил

Род. в 1919 г. в Риге. Лейтенант. 319 стр. полк. Погиб у хут. Яунмуйжа Блиденской волости (Латвия) 20 марта 1945 г.

ЧЕРНЯК Гилель

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 21 декабря 1941 г.

ЧЕРФАС Менахем

Род. в 1913 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб под Наро-Фоминском 13 января 1942 г.

ЧИРКОВСКАЯ Люба

Медик. 201 лат. стр. дивизия. Погибла зимой 1941 г. под Москвой

ЧУРИЛИН Гарри

Род. в 1911 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в январе 1943 г. под Старой Руссой

ШАЙБЕЛЬ Шимон

Род. в 1904 г. в Краславе. 43 гв. лат. дивизия. Погиб у д. Сорокино (под Старой Руссой) в декабре 1942 г.

ШАВЛОВ Михаил

Род. в 1920 г. 122 стр. полк. Погиб под Москвой

ШАЛЬМАН Яков

Род. в 1923 г. в Краславе. Гв. лейтенант 123 гв. стр. полка. Погиб у д. Энтужи Екабпилсского уезда (Латвия) 12 августа 1944 г.

ШАПИРО Михаил

Род. в 1916 г. в Резекне. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести у д. Ермолино Московск. обл.

ШАРФ Мотл

201 лат. стр. дивизия. Погиб под Старой Руссой

ШАФИР Соломон

Род. в 1916 г. в Даугавпилсе. Рядовой 319 стр. полка 308 лат. стр. дивизии. Погиб у хут. Кукша Блиденской волости (Латвия)

ШАЦ Гириш

201 лат. стр. дивизия. Погиб весной 1942 г. под Старой Руссой

ШАЦКИН Соломон

201 лат. стр. дивизия. Погиб под Москвой

ШВАРЦГОР Илья

Род. в 1914 г. в Екабпилсе. Гв. лейтенант 308 лат. стр. дивизии. Погиб у хутора Яунземе (Латвия) 18 марта 1945 г.

ШЕПШЕЛОН Михаил (Мордух)

Род. в 1916 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в 1942 г. под Старой Руссой

ШЕР Пейсах

Род. в 1912 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Ипатино 1 января 1942 г.

ШЕШКИН Исаак

Род. в 1922 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 23 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШЕШКИН Пейсах

Род. в 1922 г. в Вилянах. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 23 декабря 1941 г.

ШИНДЕЛЬМАН Кодеш

Род. в 1919 г. в Талси. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШИНЕЛЕВИЧ Бери

Санинструктор. Погиб в 1943 г.

ШИФ Михель

Род. в 1898 г. в Крустпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Елагино 20 декабря 1941 г.

ШЛЕЙФЕР Залман

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШЛЯПИН Мейер

Род. в 1915 г. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШЛИК Моисей

Род. в 1914 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести при обороне Москвы 10 декабря 1941 г.

ШМЕРЛИНГ Шая

Род. в 1909 г. Погиб 25 августа 1941 г. под п. Кошкино

ШМУЛЕВИЧ Израиль

Род. в 1904 г. в Резекне. Гв. сержант 121 гв. стр. полка. Погиб в волости Джукстес (Латвия) 3 января 1945 г.

ШНЕЕР Михель

Род. в 1898 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ШНЕЙЕР Абрам

Род. в 1912 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

ШНЕЙДЕР Абрам

Род. в 1915 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб под Ленинградом 23 декабря 1942 г.

ШНЕЙДЕРМАН Гирш

Род. в 1912 г. в Цесисе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 20 декабря 1941 г.

ШНЕУР Залман

Род. в 1900 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб в ноябре 1942 г. под Старой Руссой

ШНЕКЕ Язеп

Род. в 1914 г. в Крустпилсе. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

ШНЕЙДЕРМАН Хаим

Уроженец Белоруссии. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино

ШЛОМОВ Илья

Род. в 1915 г. в Чебоксарах. Сержант 92 стр. полка. Погиб у д. Туганово 21 июля 1942 г.

ШПИЦ Иосиф

Род. в 1921 г. в Цесисе. Рядовой 121 стр. полка. Погиб у д. Никольское 29 июля 1942 г.

ШПИЛЬКИН Михаил

Род. в 1923 г. в Резекне. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчухино 19 декабря 1941 г.

ШПУНГИН Бенцион

Род. в 1921 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Пропал без вести 20 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШРАГЕ Лев

Род. в 1903 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 29 июля 1942 г.

ШТЕЙМАН Александр

Род. в 1916 г. в Лудзе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШТЕЙМАХ Александр

Род. в 1916 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШТЕЙНБЕРГ Носон

Род. в 1922 г. в Риге. Рядовой 122 стр. полка. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШУБ Иосель

Род. в 1922 г. в Риге. Погиб летом 1941 г. в Эстонии

ШУЗЕЛЬ Ноах

Род. в 1916 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 21 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШУЙ Мейер

Род. в 1921 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропадал без вести у д. Елагино 22 декабря 1941 г.

ШУСТЕРМАН Александр

Род. в 1915 г. в Илукстском уезде. Рядовой 191 стр. полка. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШУСТЕРМАН Владимир

Род. в 1915 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб под Наро-Фоминском 21 декабря 1941 г.

ШУСТОВ Айзик

Мл. лейтенант 319 стр. полка. Погиб у хутора Горни близ Крустпилса 11 августа 1944 г.

ШУЭЛЬ Ирахмиэль

Род. в 1911 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 20 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ШУЭЛЬ Исаак

201 лат. стр. дивизия. Погиб весной 1942 г. под Ст. Руссой

ШУЭЛЬС-ХОЛЛАНДС**Александр**

Род. в 1910 г. в Кенигсберге. 220 артполк. Погиб под Старой Руссой 14 августа 1942 г. (у д. Туганово)

ШУЭЛЬ Эрахмиэль

Род. в 1911 г. в Даугавпилсе. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска 20 декабря 1941 г.

ШУЭЛЬ Ноах

Род. в 1916 г. в Даугавпилсе. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у Наро-Фоминска 22 декабря 1941 г.

ЭВЕЛЬСОН Мейер-Залман

Род. в 1903 г. в Даугавпилсе. Гв. мл. лейтенант 125 гв. стр. полка. Погиб 2 августа 1944 г. у х. Стун Рудзитской волости под Крустпилсом)

ЭВЪЯН Александр

Род. в 1923 г. в Стокгольме. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 28 июля 1942 г.

ЭДЕЛЬГАУС Абрам

Род. в 1914 г. Рядовой 122 стр. полка. Погиб у д. Утошкино 18 ноября 1942 г.

ЭДЕЛЬШТЕЙН Виталий

Род. в 1920 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Погиб у д. Горчица Ленинградской области 22 июля 1942 г.

ЭЛИЦОФУН Александр

125 гв. стр. полк. Погиб в районе Демянска

ЭЛКИН Исаак

Род. в 1922 г. в Горьковской обл. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Никольское 27 июля 1942 г.

ЭЛКИНД Борис

201 лат. стр. дивизия. Погиб весной 1942 г. под Ст. Руссой

ЭЛКИНД Лейба

Род. в 1920 г. в Карсаве. Рядовой 319 стр. полка. Погиб у Крустпилса 18 августа 1944 г.

ЭЛКОН Иехиель

Род. в 1906 г. в Лудзенском уезде. Рядовой 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино в декабре 1941 г.

ЭЛЬШЕФОН Соломон

Род. в 1918 г. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 23 декабря 1941 г. под Наро-Фоминском

ЭПШТЕЙН Григорий

191 стр. полк. Погиб в декабре 1941 г. под Наро-Фоминском

ЭПШТЕЙН Иосиф

191 стр. полк. Погиб в декабре 1941 г. под Москвой

ЭПШТЕЙН Назам

191 стр. полк. Погиб в феврале 1942 г. под Старой Руссой

ЮДЕЛОВИЧ Яков

Род. в 1908 г. Ефрейтор. 191 стр. полк. Погиб у Наро-Фоминска в декабре 1941 г.

ЮДЕЛОВИЧ Ян

Род. в 1906 г. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб у Наро-Фоминска 25 декабря 1941 г.

ЮДИНСКИЙ Готлиб

Род. в 1920 г. в Абренском уезде. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Редькино

ЮЛА Ноах

Род. в 1914 г. в Риге. Ефрейтор 191 стр. полка. Пропал без вести у д. Елагино 23 декабря 1941 г.

ЮХА Абрам

Род. в Вараклянах. Погиб весной 1942 г. под Старой Руссой

ЯКОБСОН Абрам

Род. в 1916 г. в Ливанах. Рядовой 201 лат. стр. дивизии. Погиб у Наро-Фоминска 22 декабря 1941 г.

ЯКОБСОН Герц

Род. в 1905 г. в Петербурге. Старший лейтенант 123 гв. стр. полка. Погиб у станции Насва 16 января 1944 г.

ЯКОБСОН Зелик

Род. в 1918 г. Погиб в августе 1941 г. под Таллином

ЯКОБСОН Рафаэль

Род. в 1911 г. в Риге. Рядовой 92 стр. полка. Пропал без вести у д. Иваново 29 декабря 1941 г.

ЯКОБСОН Шая

Род. в 1920 г. в Риге. Рядовой 191 стр. полка. Погиб у д. Инютино 1 января 1942 г.

ЯКОБСОН Яков

Род. в 1913 г. в Ленинградск обл. Ефрейтор. 201 лат. стр. дивизия. Погиб 11 декабря 1944 г.

ЯНКЕЛОВИЧ Царне (Цараф) Лео

Погиб 11 октября 1944 г. под Балдоне

ЯШУМИН Борис

Погиб в июне 1942 г. под Старой Руссой

Содержание

Нужна ли еще одна книга о войне?	3
Часть первая	
СЛОВО ВЕТЕРАНАМ ВОЙНЫ	7
Моя военная одиссея (Я. Эйдус)	9
Кавалер Золотой звезды (С. Богорад)	17
Героями не рождаются (Л. Вольф)	18
Первые дни (С. Абрамсон)	26
«От звонка до звонка» (А. Гуревич)	27
Эскадрилья двадцати семи (Р. Финкельштейн)	29
Моя бесценная реликвия (Л. Хиной)	30
Мы (Г. Курпнек)	31
В тыл врага (Ш. Якобсон)	39
Мне было тринадцать (Г. Ольшанский)	40
Разведка донесла (И. Бейлин)	41
Илы идут в бой (Е. Пиастро)	42
Случай на станции (А. Рогозинская-Козлова)	46
В плену (Б. Любин)	48
Еврей — казак (Ю. Хижинский)	50
С генералом не согласился (Е. Гроссман)	53
Раны заживают, но не забываются (Б. Копелович)	55
Наши ветераны (И. Каган, М. Цитрон, З. Аншин, Л. Яголковский, Ш. Панц, М. Рудля, Х. Гиршович, С. Лихтенштейн, Н. Свердлин)	56
Почетный гражданин (Г. Маринбах)	61
Солдат, как все (М. Китайчук)	64
Братья (Е. Перельштейн)	66
Эти четыре года (Ю. Дмитриев)	67
Эх, растяпа (И. Аралович)	74
Ратный труд — тяжкий труд (И. Аугустон).	76
Судьбы солдатские (И. Лившиц, Г. Ривкин, Р. Гринфельд, М. Эрлиц, Ю. Абурукин, Ф. Липянская, М. Хургин, К. Фрейзус, С. Шмеркович, В. Файнштейн, Я. Железняк, Н. Ильенков)	80
Две судьбы (Ю. Дмитриев)	86

Я стал фаталистом (Л. Соломонов)	89
Наша Зельма (Г. Акмолинский)	90
Счастье фронтовой дружбы (С. Иоффе, Ц. Цукерман)	91
На полках памяти моей (Е. Эстрин)	92
Мучительный вопрос (З. Маневич)	98
Первый бой (И. Гассель)	99
«Катюши» (П. Огурок)	101
Три месяца под бомбежкой (Г. Кравцов)	102
Курьезы войны (Г. Либгот)	104
Седина за одну ночь (Г. Ной)	106
«Я Сокол-32» (А. Фрейдсон)	108
Чех воевать не хотел (Б. Левин)	114
...И в пустынях Монголии (Д. Зильберман)	116
Возвращение (И. Клейнштейн)	118
Стояли на смерть (А. Дайбах)	121
Короткой строкой (А. Фролов, И. Эвьян, Я. Соминский, В. Малер, Л. Хапов, В. Рубинштейн, М. Лившиц, М. Гершович, Б. Пресман)	122
Злоключения одной семьи (И. Краминов)	124
Так было (М. Кляцкин)	127
Случай выручил (С. Циндлер)	129
Мой последний бой (Я. Либерман)	133
Красили солдатский отдых (Ш. Штивельман)	134
Парад Победы (Я. Голод)	137

Часть вторая

С ВОЙНЫ НЕ ВЕРНУЛИСЬ...	140
--------------------------------	------------

Отпечатано в ГП «Полиграфист» 4-м цехе, ул. Акас, 5/7, г. Рига.
Регистрационный номер 2-1090. Заказ 79. Тираж 2000.

8,400

Абилер Гирш,
1917 г. рожд.,
погиб под
Наро-Фоминском
23 декабря 1941
года.

Абольских Давид,
род. 1916 г.
в Латвии, рядовой
201 стр. дивизии,
погиб под
Наро-Фоминском
25 декабря 1941 г.

Абольский Давид,
род. 1920 г.
в Резекне, рядовой,
разведчик 92 стр.
полка, погиб у д.
Елагино 22 декабря
1941 г.

Абрам Язеп,
род. 1922 г.
в Латвии, погиб
в Эстонии в августе
1941 г.

Абрамович Арон,
1914 г. рожд.,
рядовой 122 стр.
полка, пропал без
вести под
Наро-Фоминском
в декабре 1941 г.

Абрамович Рувим,
1912 г. рожд.,
рядовой 122 стр.
полка, погиб под
Наро-Фоминском
21 декабря 1941 г.

Абрамсон Рафаил,
1908 г. рожд., погиб
в Ленинградской
области 30 декабря
1941 г.

Абрамсон Шика,
погиб под Старой
Руссой весной
1942 г.

Агронович Лейба,
род. 1918 г., на
Украине, до войны
прож. в Латвии,
командир разведки
191 стр. полка, погиб
у д. Роша
Боровского района
6 января 1942 г.

Адирим Гирш,
из Латвии, снайпер
191 стр. полка, погиб
под г. Боровск
6 января 1942 г.

Айзенберг Мойер,
род. 1916 г. в Риге,
погиб под Старой
Руссой в 1943 г.

Айзиков Давид,
1904 г. рожд.,
пропал без вести под
д. Устино.

Айзикович Лейб,
род. 1921 г.
в Смилтене, рядовой
122 стр. полка, погиб
под Старой Руссой
в д. Устошино
17 февраля 1942 г.

**Александрович
Беньямин**, погиб
под Старой Руссой
весной 1942 г.

Альбрехт Оскар,
1911 г. рожд., погиб
под Туганово
в 1942 г.

Амдур Ицхок,
1901 г. рожд., погиб
под г. Боровск
7 января 1942 г.

Антер Яков,
1915 г. рожд., погиб
в Финском заливе
в августе 1941 г.

Антоколь Герсон,
род. 1918 г.
в Риебине, мл.
лейтенант 672
артполка 308 стр.
дивизии, погиб
в Курземском котле
1 января 1945 г.

Аренов Мозус,
1916 г. рожд.,
рядовой 122 стр.
полка, пропал без
вести под
Наро-Фоминском
в декабре 1941 г.

Аренштам Юлий,
из Лимбажи, рядовой
92 стр. полка, погиб
под Старой Руссой
в селе Никольское
28 июля 1942 г.

Аролович Борис,
1914 г. рожд., погиб
под Пиваны
5 августа 1944 г.

Аролович Яков,
род. 1911 г. в Риге,
писарь минроты
92 стр. полка, погиб
у д. Елагино
24 декабря 1941 г.

Аронсон Герц,
род. 1919 г.
в Латвии, санитар
92 стр. полка, погиб
под Старой Руссой
в с. Никольское
28 июля 1942 г.

Арш Абрам,
род. 1906 г.
в Резекне,
минометчик 92 стр.
полка, погиб у
д. Елагино
31 декабря 1941 г.

Арш Илья,
род. 1926 г. в
Екабпилсе, рядовой
355 стр. полка, погиб
при форсировании р.
Айвиекте 16 августа
1944 г.

Атамук Мойсей,
погиб под Москвой
в декабре 1941 г.

Атлас Иосиф,
род. 1912 г.
в Ивановской обл.,
рядовой 191 стр.
полка, погиб под
Старой Руссой у д.
Бородино 14 апреля
1942 г.

Атлас Рахмиель,
род. 1921 г.
в Гостини,
минометчик 122 стр.
полка, погиб
в д. Реджино
Боровского района
8 января 1942 г.

Атлас Шлема,
род. 1904 г. в
Латвии, рядовой
122 стр. полка,
пропал без вести под
Наро-Фоминском
в декабре 1941 г.

Ахбар Пейсах,
род. 1921 г. в
Лиелае, рядовой
92 стр. полка, погиб
под Елагино
24 декабря 1941 г.

Балгерд Соломон,
1904 г. рожд.,
рядовой 92 стр.
полка, погиб под
Наро-Фоминском
22 декабря 1941 г.

Балкин Борис,
погиб в г. Панков
2 мая 1945 г.